КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Іюнь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

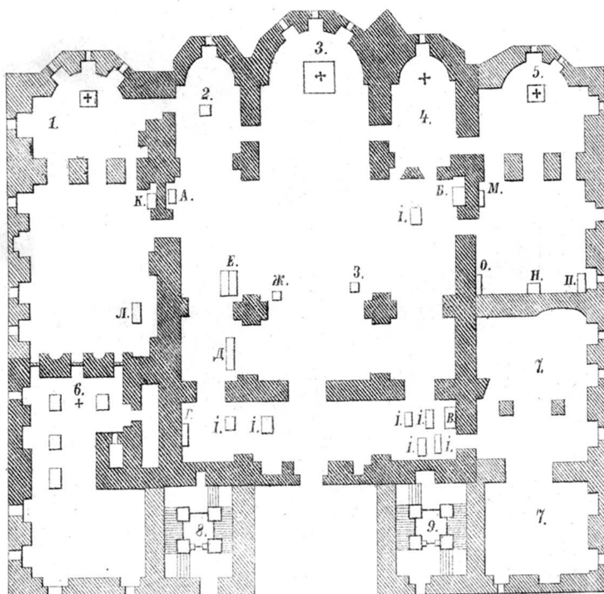
Іюнь, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1886 года.

Великая церковь Кіево-Печерской Лавры въ нынѣшнемъ видѣ съ 1729 г.

Изъ книги Пречистыя Акаѳисты всеседмичныи

1677 г.



1. Алтарь архид. Стефана.
2. Жертвенникъ.
3. Алтарь главный Успенскій.
4. Алтарь архист. Михаила.
5. Алтарь Іоанна Богослова.
6. Алтарь Іоанна Предтечи.
7. Ризница.
8. Ходъ на хоры и въ библіотеку печатн. книгъ.
9. Ходъ въ библіотеку рукописей.

А) Мощи митр. Михаила.
Б) Глава св. кн. Владиміра.
В) Гробъ преп. Ѳеодосія.
Г) Мавзолей Констант. Острожскаго.
Д) Склепъ м. Петра Могилы.
Е) Склепъ съ гробами Иннокентія Гизеля, м. Варлаама Ясинскаго и графа П. А. Румянцева.
Ж) Усыпальница.
З) Усыпальница.
І) Гробницы краснаго шифера, подъ поломъ.
К) Перстъ архид. Стефана.
Л) Гробъ м. Павла тобольскаго и гробъ гр. Гудовича въ склепѣ.
М) Икона в. кн. Игоря Ольговича.
Н) Монументъ гр. П. А Румянцева.
О) П) Гробы архим. Романа Копы и Луки Бѣлоусовича.

Темная тушь означаетъ древнюю церковь XI-го вѣка, а штрихованная тушь — пристрой ней XVIII-го в.

Планъ великой церкви Кіево-Печерской Лавры.

Изъ книги Бесѣдь. Св. І. Златоуста на 14 посланій Ап. Павла.
Кіевъ. 1623 г.

КОЛДОВСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ВЪ XVIII СТ.

(Посвящается моей сестрѣ Евгеніи Константиновнѣ).

Чуть ли не съ проявленіемъ своего самосознанія человѣкъ натолкнулся на множество непонятныхъ, неразрѣшимыхъ для него загадокъ, которыя представляли ему какъ его собственная природа, съ ея высшими духовными проявленіями, такъ и окружающій его міръ, дѣйствующій на него такъ сильно и неотразимо. Рано пробудили онѣ его разсудочную дѣятельность: пытливый умъ человѣка не могъ, по собственной природѣ, довольствоваться простымъ лишь созерцаніемъ смѣны совершающихся вокругъ него фактовъ, явленій; онъ стремился отнестись къ нимъ сознательно, найти ту, гдѣ то скрытую, пружину, которая лежала въ ихъ основѣ, отыскать и уяснить ихъ причины. Но не легка была эта задача: труденъ и тернистъ путь къ истинѣ; много лицъ и даже поколѣній гибли на немъ, не достигнувъ завѣтной цѣли. Много обманчивыхъ иллюзій возводилось на этотъ великій міровой пьедесталъ истины, пока чья либо смѣлая рука не свергала воздвигнутаго кумира, показавъ всю его мишурность, и опять начинались долгіе, томительные поиски... Но скептицизмъ не могъ служить въ нихъ исходною точкою отправленія, по самимъ психологическимъ требованіямъ природы человѣка тутъ должно было лежать положительное міросозерцаніе, каково бы оно ни было. Философское томленіе человѣка должно имѣть выходъ такъ или иначе; потуги его младенчествующей мысли должны разрѣшиться въ положительной формѣ. Отрицаніе—это уже второй актъ мыслящей дѣятельности...

Прежде другихъ останавливали на себѣ вниманіе явленія, благодѣтельное, или же напротивъ разрушительное дѣйствіе которыхъ впервые испыталъ на себѣ человѣкъ, съ которыми онъ вошелъ въ непосредственное, такъ сказать, общеніе. Этотъ двойственный, въ отношеніи къ человѣку, характеръ проявленія какой-то могучей міровой силы сразу былъ имъ подмѣченъ, заставивъ его признать соотвѣтствующія двѣ причины всѣхъ явленій—добрую и злую. Эти общія, такъ сказать, родовыя силы распались на видовыя, подчиненныя первымъ; появился такимъ образомъ цѣлый рядъ существъ добрыхъ и злыхъ; зародились попытки къ развитію той или иной демонологіи, сообразно съ характеромъ даннаго народа, его климатическими условіями жизни. И населилъ ими человѣкъ всѣ уголки необъятнаго міра, которые носили для него отпечатокъ какой-то таинственности, непрогляднаго покрова. Грозное и вмѣстѣ величественное море, воздухъ, рѣки и озера, неприступныя горы и овраги, лѣса и безпредѣльныя степи получили соотвѣствующихъ обитателей. Не были они однако одной лишь абстракціей міровой силы,—являетя она результатомъ уже болѣе зрѣлой, дисциплинированной мысли, а представлялись въ конкретныхъ, чувственныхъ образахъ. Та или иная міровая сила находила соотвѣтсвующую для своего воплощенія форму. Внѣшняя природа, подъ покровомъ которой всюду скрывалась эта тайная сила, проявляясь какимъ-то неуловимымъ образомъ, давала богатый матеріалъ для элементовъ этихъ формъ, фантазія и народное творчество комбинировали его такъ или иначе, создавали цѣльные, законченные образы. Чѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе воздѣйствовала она на человѣка, тѣмъ величественнѣе и грандіознѣе были эти образныя представленія міровой силы.

Величественная, поражающая своей силой, экваторіальная природа создала гигантскія до уродливости божества буддизма; дикій однообразный сѣверъ, съ его тайгами и тундрами, породилъ такія-же мизерныя, уродливыя религіозныя формы въ видѣ фетишизма и шаманства; мягкая, благодатная природа Греціи и Италіи создала религію красоты въ формѣ антропоморфизма. Этотъ послѣдній культъ былъ культомъ идеализаціи человѣка, культомъ строгой міровой гармоніи, съ тяготѣющимъ надъ нею рокомъ, неумолимымъ и неизбѣжнымъ. Противъ его велѣній, его требованій были безсильны не только люди, но и боги: тѣ и другіе должны были подчиниться ему без-

ропотно, безъапелляціонно. Какая либо случайность, измѣненіе предначертаній судьбы являлось-бы уже нарушеніемъ міровой гармоніи и порядка.

Культъ славянъ былъ чуждъ этой давящей, порождающей жизненную апатію, грандіозности буддизма, конечною цѣлью котораго было полное самоуничтоженіе; чуждъ онъ былъ и той фатальной неизбѣжности рока, слѣдствіемъ которой было лишь стоическое терпѣніе и покорность судьбѣ, и хотя на каждомъ почти шагу онъ признавалъ присутствіе враждебной человѣку силы, но она не была для него такъ непреодолима, какъ тамъ; человѣкъ могъ вступить съ нею въ борьбу и выйти даже побѣдителемъ, могъ, при посредствѣ нѣкоторыхъ таинственныхъ дѣйствій, поставить въ служебное къ себѣ отношеніе эти злыя силы и повелѣвать ими. Такое отношеніе къ злой силѣ создавало мало по малу свой особый, спеціальный культъ съ его заговорами и заклинаніями, служащій къ огражденію отъ разныхъ бѣдъ и несчастій, а затѣмъ и для благопріятнаго исхода какихъ либо предпріятій, созиданія личнаго благополучія. Такимъ образомъ, вытекая первоначально, такъ сказать, изъ чувства самосохраненія, колдовство и чародѣйство стало существенною частью языческаго славянскаго религіознаго культа и развилось до широкихъ размѣровъ, пуская глубокіе корни въ народной массѣ.

Христіанство, вводимое у насъ не исподоволь, но хлынувшее разомъ, не проникнувъ въ сознаніе народа, произвело какой-то странный умственно-религіозный хаосъ, дикую смѣсь вѣрованій и понятій. Народъ оффиціально молился христіанскому Богу, но не оставлялъ н своихъ дубравъ, слушая христіанское богослуженіе въ храмѣ, онъ тайкомъ совершалъ въ нихъ свои языческія мистеріи. Церковность не истребила остатковъ языческой обрядности, не могла затмить въ народной памяти всего, что касалось старой вѣры, она придала имъ лишь особый колоритъ, видоизмѣнила ихъ. Языческіе боги отождествились отчасти съ бѣсами христіанскаго ученія и цѣликомъ почти перенеслись къ этимъ послѣднимъ древнія заклятія и заговоры. Совершались они теперь не именемъ оставленныхъ божествъ, въ нихъ уже появились обращенія къ святынямъ и бѣсамъ новой вѣры; къ послѣднимъ примкнули также и прежнія вѣрованія въ водяныхъ, лѣшихъ и другія враждебныя человѣку силы. Добрыя миѳическія божества языческаго міра примыкали иногда къ

христіанскимъ святцамъ, находя воплощеніе въ лицѣ того или другаго святаго и къ нему переносились прежнія вѣрованія, прежніе обряды, которые на этой новой почвѣ сохранили чрезвычайную живучесть. Это былъ, такимъ образомъ, культъ домашній, въ отличіе отъ церковнаго, общественнаго; чествованіе и умиротвореніе своихъ пенатовъ. На долго остались въ народѣ эти отжившія, старыя формы и до конца XVIII вѣка въ юго-западной Руси они имѣли еще свою, такъ сказать, административно-юридическую санкцію. Въ судебныхъ процессахъ этого времени признается возможность чародѣйственнаго сношенія съ нечистымъ, или чортомъ, какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію, не говоря уже о менѣе важныхъ проявленіяхъ знахарской, колдовской силы, вѣра въ которую, если и потеряла теперь свою, такъ сказать, гражданственность, то все таки сохранилась въ народной массѣ въ формѣ различныхъ суевѣрій и повѣрій. На этомъ переходномъ времени нашего юго-западнаго края мы и остановимся въ предлагаемомъ эскизѣ.

Въ основѣ колдовства и чародѣйства лежитъ, съ одной стороны, понятіе злой, «нечистой» силы, идея чорта, какъ личнаго, обладающаго до нѣкоторой степени сверхъестественною силою, существа, съ другой вѣрованіе въ возможность для человѣка войти съ нимъ въ такія или иныя сношенія, пользоваться его услугами. Эти сношенія бываютъ двухъ рдовъ: непосредственныя и посредственныя. Въ первомъ случаѣ достаточно лишь однихъ заклинаній и заговоровъ, чтобы чортъ выполнилъ желаніе знахаря, во второмъ необходимы нѣкоторыя вспомогательныя средства въ видѣ какихъ либо извѣстныхъ магическихъ предметовъ, травъ и прочихъ снадобій. Первый родъ сношеній съ чортомъ есть колдовство въ собственномъ смыслѣ, второй—чародѣйство, хотя народъ не полагаетъ строгаго разграниченія между тѣмъ и другимъ и перемѣшиваетъ эти понятія. Какъ тотъ, такъ и другой видъ сношеній съ чортомъ, по народному представленію, возможенъ лишь въ силу извѣстнаго условія, или контракта съ нимъ. Въ силу этого договора чортъ отдаетъ себя на извѣстное число лѣтъ въ полное распоряженіе будущаго колдуна, который, по истеченіи условленнаго срока, долженъ разстаться съ жизнію и расплатиться за оказанныя ему услуги собственною душею,

которая поступаетъ такимъ образомъ въ полное владѣніе чорта. Договоръ заключается обыкновенно въ полночь на перекрестныхъ дорогахъ и скрѣпляется формальною записью, написанною на пергаментѣ или бумагѣ кровью съ мизинца будущаго колдуна [1]); письменныя принадлежности и ножикъ для разрѣзанія пальца предусмотрительный чортъ на всякій случай всегда носитъ съ собою [2]). Не всякій однако можетъ воспользоваться такимъ довѣріемъ: бывали случаи, когда люди, по истеченіи условленнаго срока, подъ какимъ либо остроумнымъ, хитрымъ предлогомъ, уклонялись отъ договоренной расплаты, обманувъ чорта. Вслѣдствіе этого онъ сталъ уже гораздо осторожнѣе и уговоры подобнаго рода заключаетъ лишь съ лицами изъ извѣстныхъ ему, уже испытанныхъ семей, въ чьемъ родѣ былъ предокъ, добросовѣстно выполнявшій свои обязательства [3]).

Относительно первоначальнаго происхожденія чорта въ малорусскихъ народныхъ сказаніяхъ нѣтъ достаточно опредѣленныхъ указаній, по нимъ онъ былъ у Бога «первымъ апостоломъ»; присутствуя при твореніи міра, онъ въ свою очередь хотѣлъ создать такой-же міръ, подобный созданному Богомъ, за что и былъ Имъ прогнанъ. Но и послѣ этого чортъ не отступалъ отъ Бога, прося, чтобы Онъ создалъ ему товарища. Богъ предоставилъ сдѣлать это самому чорту, сказавъ ему пойти къ морю и брызнуть назадъ себя водою. Брызнулъ чортъ разъ, смотритъ, за нимъ стоитъ другой такой-же, какъ онъ; повторилъ онъ подобное дѣйствіе во второй, третій разъ—тоже самое. И сталъ онъ брызгать безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не былъ наконецъ остановленъ Богомъ; явилось такимъ образомъ множество чертей [4]).

Дальнѣйшее размноженіе ихъ происходитъ путемъ такого-же естественнаго происхожденія, какъ и у людей, съ тѣмъ лишь важнымъ различіемъ, что они не умираютъ естественною смертію [5]),

---

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 189 и 184. Спб. 1872 г.

[2]) Ibidem, стр. 187.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорус. народ. преданія и разсказы.“ Отд. IV, № 5, стр. 43. Кіевъ, 1876 г.

[4]) Ibidem, стр. 42.

[5]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, вып. 1, стр. 190.

какъ эти послѣдніе, хотя не ограждены отъ насильственной: они во множествѣ гибнутъ отъ ударовъ грома [1]), а также съѣдаемые волками [2]), иначе ихъ расплодилось-бы безчисленное множество [3]).

Чортъ большею частію невидимъ, хотя не по природѣ, а отъ того, что владѣетъ шапкой невидимкой [4]). Народное воображеніе въ юго-западной Руси рисуетъ себѣ чорта въ видѣ человѣка нѣсколько уродливаго, каррикатурнаго. Роста онъ не большаго, морда широкая, съ длиннымъ крючковатымъ носомъ, глаза какъ раскаленные угольья, волосы черные, жесткіе и самъ онъ весь черный; на головѣ роги бараньи или козьи, тщательно прикрываемые высокой цилиндрической или-же круглой широкополой шляпой. Руки у него длинны до уродливости, пальцы снабжены большими звѣриными когтями [5]), хотя на ногахъ, имѣющихъ видъ собачьихъ или куриныхъ, бываютъ иногда просто раздвоенныя копыта [6]); сзади небольшой собачій хвостъ. Одежда на немъ всегда «нѣмецкая»: короткая куртка или фракъ и узенькія панталоны [7]). Эти послѣднія черты носятъ на себѣ характеръ, кажется, позднѣйшаго происхожденія; явились они, по всей вѣроятности, не раньше временъ козачества, когда для южно-русскаго народа все «панское», «нѣмецкое» внушало какое-то чисто физіологическое отвращеніе и имя «пана» стало синонимомъ чорта. Страсть чертей къ музыкѣ, веселью, пинкникамъ, тоже черты шляхетско-польской барщины. Есть нѣсколько варіантовъ народной малорусской легенды о музыкантахъ, которые были приглашаемы чертями на свадьбу или вечеръ въ великолѣпныя барскія хоромы, оказывавшіяся затѣмъ какимъ нибудь кочковатымъ, топкимъ болотомъ, а полученныя ими деньги превращались въ черепья битой посуды [8]) или куски навоза.

---

[1]) М. Драгомановъ, Малор. народ. пред. и разск., отд. IV, стр. 43.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, вып. I, стр. 190.

[5]) Ibidem., стр. 189.

[6]) М. Драгомановъ, Малорус. народ. пред. и разсказы, Отд. IV, № 9, стр. 47.

[7]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, вып. I, стр. 188—9.

[8]) Ibid., стр. 186—7, 190. Драгомановъ, Малор. пред. и разск., отд. IV, № 19, стр. 52.

Сами черти тоже могутъ принимать различныя превращенія, какъ-то: въ борзыхъ собакъ [1]), кошекъ [2]), чернаго пѣтуха [3]), овцу [4]), козленка [5]), клубокъ [6]), наконецъ въ дѣтей [7]), или-же тѣхъ или иныхъ взрослыхъ людей, и заводить даже любовныя интриги [8]).

Подобныя сказанія о чертяхъ не были простымъ лишь, невиннымъ каратаньемъ празднаго досуга длинныхъ зимнихъ вечеровъ, имъ придавалось вполнѣ реальное значеніе, что подтверждается судебными процессами, возникавшими по поводу обвиненій или оклеветаній въ колдовствѣ тѣхъ или иныхъ лицъ. Такіе процессы, имѣвшіе въ юго-западной Руси мѣсто еще до конца XVIII в., показываютъ притомъ, что эти вѣрованія были всеобщи, ютились не только среди простой массы, но и тогдашней интелигенціи и администраціи. Въ этихъ судебныхъ актахъ мы не найдемъ полнаго и цѣльнаго изображенія чорта, такъ какъ подобныя подробности не входили въ задачи юрисдикціи, разсматривавшей дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго или уголовнаго иска; тѣмъ не менѣе и эти отдѣльныя разрозненныя замѣчанія даютъ ясное представленіе, какъ глубоко коренились подобныя вѣрованія и какъ легковѣрно принимались за истину какіе либо пустые толки и бабьи сплетни.

Укажемъ на нѣсколько процессовъ въ этомъ родѣ, производившихся въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1710 году въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ мѣщанки Агнесы Шагиновой на сосѣдку Клецкую, которая оговорила ее въ чародѣйствѣ, указывая притомъ на связь Шагиновой съ «лятавцемъ»—перелетнымъ воздушнымъ злымъ духомъ. На судѣ Клецкая, стараясь оправдаться, отрицала распущенные ею-же слухи. «О «лятавцѣ», заявила она, я ничего не знаю и никогда объ этомъ не говорила» [9]).

---

[1]) Драгомановъ, Малорус. народн. пред. и разсказы", Отд. IV, стр. 45—6, №№ 4, 7. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. I, стр. 188.

[2]) М. Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разск., стр. 46, № 8.

[3]) Чубинскій, Матер. и изслѣд. т. I, в. 1, стр. 184.

[4]) Ibid., стр. 183.

[5]) Ibidem, стр. 188.

[6]) М. Драгомановъ, Малорус. нар. пред. и разск., Отд. IV, стр. 44.

[7]) Ibidem., стр. 46, №№ 6, 7.

[8]) Чубинскій, Матер. и изслѣдованія, т. I, стр. 80; 411—412, Приложенія. Документы о колдовствѣ, № 47.

[9]) Матеріалы и изслѣдованія, собран. Чубинскимъ, т. I. Приложенія. Документы о колдовствѣ, стр. 376—7, № 12.

Около того-же времени и въ томъ-же каменецъ-подольскомъ магистратѣ слушалось дѣло по обвиненію жены каменецъ-подольскаго цехмистра Петра Дорочевскаго, *будто-бы она причинила тяжкую болѣзнь мѣщанину Костѣ, наславъ на него злаго духа*. Свидѣтели, вызванные по этому дѣлу, подъ присягой показали, что они лишь *слыхали* отъ тѣхъ или иныхъ лицъ, *что обвиняемая дѣйствительно наслала чорта* на Костю и, кромѣ ссылки на народную молву, не могли привести болѣе серьезныхъ аргументовъ въ доказательство виновности Дорочевской [1]).

Стоустая народная молва далеко разносила подобныя сплетни, уснащая ихъ различными прикрасами. Составлялись такимъ образомъ цѣлыя легенды про дѣянія пресловутыхъ колдуновъ, которые, въ свою очередь, не опускали случая воспользоваться своею славою и эксплоатировали невѣжественное довѣріе массы. Показаніе дворянки Варвары Костецкой, записанное въ книгахъ винницкаго магистрата подъ 1742 годомъ, довольно характерно и рельефно представляетъ, съ одной стороны, шарлатанство нашихъ доморощенныхъ маговъ, а съ другой слѣпое къ нимъ довѣріе ихъ паціентовъ.

Костецкая, по порученію дворянки Викторіи Рябчинской, должна была разыскать знахаря, который-бы согласился отравить-ли, околдовать, или *наслать злыхъ духовъ* на мужа послѣдней, Роха Рябчинскаго. Какъ на знаменитость въ дѣлахъ этого рода, указывали на одну женщину въ селѣ Черняховѣ. Костецкая и обратилась къ ней для выполненія возложеннаго на нее порученія; но та сказала, что она ничего не можетъ сдѣлать Роху Рябчинскому, такъ какъ послѣдній *имѣетъ въ своемъ распоряженіи чорта болѣе могущественнаго, чѣмъ ея*.

Но и послѣ этого Рябчинская не оставила своихъ намѣреній относительно мужа, и Костецкой приходилось опять продолжать свои поиски. Черняховская колдунья совѣтовала ей между прочимъ разыскать въ деревнѣ Добрыводахъ одного излѣчившагося околдованнаго и разузнать отъ него о мѣстѣ жительства пользовавшаго его знахаря. Оказалось, что этотъ послѣдній проживаетъ въ селѣ Свинюхахъ, но лѣчилъ больного не онъ самъ, а его мать, которая уже умерла, передавъ однако свой секретъ сыну.

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 363, № 7.

Приходилось такимъ образомъ отправиться въ с. Свинюхи, но для этого, во избѣжаніе разныхъ толковъ, а то и разоблаченій, необходимъ былъ благовидный предлогъ, какимъ и явилось путешествіе Рябчинской, въ сообществѣ ея родственницъ и знакомыхъ, вмѣстѣ съ Костецкою, на богомолье въ Подкаминье [1]) чрезъ с. Свинюхи. Знахаря дома однако не оказалось: въ это время находился онъ въ селѣ Олексинцахъ, куда и отправились Рябчинская и Костецкая. Когда Рябчинская высказала ему свои требованія съ предложеніемъ за исполненіе ихъ пары воловъ, коровы и двухсотъ злотыхъ, онъ отказался отъ такого порученія. Костецкая приписывала причину отказа собственному вліянію, именно будто она убѣдила знахаря не прибѣгать къ такому безчеловѣчному средству, какъ насланіе чертей, въ угоду Рябчинской. Знахарь иначе объяснялъ: «сдѣлать этого я не могу, говорилъ онъ Рябчинской, потому что, когда моя мать наслала чорта на одну дѣвку, то онъ замучилъ и эту дѣвку, и мать, а у меня есть вѣдь жена и дѣти» [2]). Вѣра въ колдуновъ и ихъ сношенія съ чортомъ была принадлежностію не одного лишь простонародья, а и дворянства. Костецкая съ какимъ-то наивнымъ довѣріемъ относится къ объясненіямъ причинъ отказа колдуньи села Черняхова наслать чорта на Роха Рябчинскаго, въ отказѣ свинюховскаго знахаря видитъ уступку ея увѣщаніямъ, его гуманность, а въ его словахъ лишь простую уловку, чтобы отклонить отъ себя нежелательное порученіе.

Это вѣрованіе не было однако лишь простымъ суевѣріемъ, котораго держатся втайнѣ, стыдясь высказать его открыто, напротивъ оно было убѣжденіемъ, засвидѣтельствованнымъ оффиціально и самими представителями судебно-административной власти. Довольно характерный въ этомъ отношеніи процессъ сохранился въ книгахъ дубенскаго магистрата подъ 1741 годомъ. Обвинялся дьячекъ Григорій Комарницкій въ томъ, что соблазнилъ дѣвицу Екатерину Сахнюкову и что отъ него она родила дочь. На судѣ обвиняемый отрицалъ всякую возможность совершенія имъ взводимаго

---

[1]) Подкаминье—небольшое австрійское мѣстечко въ Галиціи, не далеко русской границы, близь м. Почаева.

[2]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд. т. I, в. I. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 413—16, № 49.

на него проступка. По его показанію, по дорогѣ изъ Острога, онъ дѣйствительно заходилъ въ село Птичу, гдѣ проживала Сахнюкова, но встрѣтивъ эту послѣднюю возлѣ ея усадьбы вмѣстѣ съ нѣкоторыми односельчанами, только зашелъ къ ней въ избу и, съѣвъ кусокъ хлѣба, тотчасъ ушелъ къ своей прежней хозяйкѣ, Антонихѣ, у которой проживалъ, будучи дьячкомъ въ Птичей. Антониха отвела ему мѣсто для ночлега въ амбарѣ и когда онъ улегся спать, заперла снаружи дверь на замокъ и открыла ее лишь утромъ, такъ что онъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могъ ночью зайти къ истицѣ. «Быть можетъ, высказалъ такое предположеніе Комарницкій, съ нею согрѣшилъ бѣсъ, принявши на себя мой образъ, но не я!» [1]). Судъ, принявъ во вниманіе это объясненіе, утвердилъ alibi Комарницкаго, который и былъ оправданъ, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ согласовалось съ тогдашнимъ вѣрованіемъ въ возможность такой продѣлки со стороны чорта, съ цѣлью подорвать чью либо репутацію [2]). Вслѣдствіе послѣднихъ соображеній, Комарницкій шагнулъ дальше пресловутаго великорусскаго «чортъ попуталъ», которое представляло лишь въ слабости воли смягчающее вину обстоятельство, онъ постарался выгородить себя совершенно, сваливъ на чорта и самое совершеніе преступленія. Подобный маневръ вполнѣ удался. Ясно, что оправданіе было-бы невозможно, если-бы не имѣло опоры въ народномъ убѣжденіи, что чортъ можетъ вступить въ плотскія связи съ смертными, особенно женщинами, [3]) и имѣть отъ нихъ дѣтей, какъ утверждаютъ народныя легенды [4]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 411—12, № 47.

[2]) Процессъ Комарницкаго имѣетъ аналогію съ слѣдующимъ случаемъ, приведеннымъ у Жюля Бессака въ его философско-критическомъ изслѣдованіи: „Le Diable". Съ цѣлью дискредитировать Сильвана, епископа Назаретскаго, чортъ, подъ видомъ святителя, проникнулъ ночью въ спальню одной благородной горожанки, и когда та стала кричать, сбѣжавшійся народъ нашелъ чорта въ образѣ епископа и выгналъ его съ позоромъ. Враги Сильвана стали утверждать, что это былъ онъ самъ, но епископъ заставилъ чорта (преданіе не говоритъ только, какимъ средствомъ) сознаться въ своей адской хитрости.—Историч. Вѣстн. 1884 г., кн. I, стр. 168.

[3]) Это убѣжденіе не было однако такъ сильно и не влекло такихъ послѣдствій, какъ на Западѣ, гдѣ, напримѣръ, въ 1487 году, въ одномъ маленькомъ германскомъ городкѣ, Равенсбургѣ, сожгли, съ согласія императора Максимиліана, 48 вѣдьмъ за тѣлесныя сношенія съ чортомъ.—Историч. Вѣст., 1884 г., кн. IX, стр. 672.

[4]) См. Малорус. народн. пред. и разсказы, М. Драгоманова, стр. 50 и 51.

Женщина и у насъ, какъ всегда и вездѣ, дала значительный, сравнительно съ мущиной, процентъ лицъ, причастныхъ къ колдовству, но зависѣло ли это отъ чисто физіологическихъ причинъ, большей-ли податливости вліянію чорта слабой натуры [1]), господствующаго-ли взгляда на женщину, какъ источникъ зла, всѣхъ-ли этихъ причинъ въ совокупности,—въ малорусскихъ народныхъ сказаніяхъ мы не находимъ отвѣта на подобные вопросы. Несомнѣнно, что важное вліяніе на народное воззрѣніе имѣлъ византійскій взглядъ на женщину, какъ источникъ зла и всякаго соблазна.

Всѣ вообще колдуньи извѣстны подъ именемъ вѣдьмъ, хотя малорусская вѣдьма имѣетъ свои особыя, спеціальныя черты. Подраздѣляются онѣ на два вида: природныхъ или родимыхъ и наученныхъ. Первыя—это ублюдки женщины и чорта, или же дѣти заклятыя кѣмъ либо въ несчастный часъ еще въ утробѣ матери [2]), вторыя—научившіяся колдовству по собственному желанію. Отличительною, важною особенностію родимыхъ является небольшой, величиною въ палецъ, хвостикъ, который, если вѣдьма занимается колдовствомъ, выростаетъ до размѣровъ хвоста собаки. Природныя вѣдьмы не такъ опасны, какъ наученныя; занимаются онѣ исключительно лишь доеніемъ чужихъ коровъ и овецъ,—это спеціальность всякой малорусской вѣдьмы, но дѣлаютъ это обыкновеннымъ способомъ [2]). Наученной же достаточно разъ подоить чью либо корову, въ день Благовѣщенія или св. Юрія (Георгія Побѣдоносца—23 апрѣля), чтобы молоко послѣдней на будущее время принадлежало исключительно ей одной. Вѣдьма не имѣетъ уже надобности доить такую корову, она пробуравливаетъ дыру въ одномъ изъ столбовъ своей «коморы» или хаты и, при извѣстныхъ ей заговорахъ, затыкаетъ ее колышкомъ; достаточно лишь вынуть этотъ послѣдній, чтобы изъ этой дырки полилось молоко, какъ изъ крана [4]).

---

[1]) На Западѣ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно. Шпренгеръ въ своемъ трактатѣ конца XV в. „Malleus maleficarum“ (Молотъ чародѣекъ) говоритъ, что женщина вслѣдствіе своей слабости скорѣе подчиняется вліянію чорта, и это положеніе подкрѣпляетъ филологіей, производя слово femina отъ fe—вѣра и minus—менѣе, что доказываетъ, что у женщинъ меньше вѣры.

[2]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1, стр. 203.

[3]) Ibidem, стр. 803.

[4]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, стр. 198.

Вѣдьмы могутъ превращаться временно въ собакъ, кошекъ птицъ или даже въ предметы неодушевленные (решето, иглу и т. п.), снимать звѣзды съ неба, взлѣзая вверхъ ногами на придорожные кресты [1]), задерживать дождь и производить такимъ образомъ засуху, управлять градовыми тучами [2]), насылать на людей разныя бѣды.

Свой колдовской секретъ вѣдьмы окружаютъ величайшею тайною и всякій желающій проникнуть въ нее долженъ за свое любопытство поплатиться жизнію: онѣ высасываютъ изъ него во время сна кровь и онъ умираетъ. Приступая къ своимъ экспериментамъ, вѣдьма, какъ гласитъ народное повѣрье, снимаетъ съ себя рубашку, смазываетъ все тѣло какою-то мазью, ставитъ затѣмъ на огонь въ печь горшокъ съ какою-то жидкостію и когда послѣдняя начинаетъ закипать, она, схвативъ помело или кочергу, улетаетъ на ней въ трубу вмѣстѣ съ парами [3]). Въ ночь на Ивана Купала вѣдьмы собираются такимъ же образомъ на Лысую гору, подъ Кіевомъ, для общихъ совѣщаній и веселья вмѣстѣ съ чертями [4]). По временамъ онѣ, кромѣ того, устраиваютъ и частныя собранія, на условленномъ заранѣе мѣстѣ, подъ предсѣдательствомъ «вѣдьмака», который слѣдитъ, чтобы вѣдьмы не причинили людямъ много зла. На этомъ «шабашѣ» затѣваются также игры, въ родѣ войны на мечахъ; ихъ замѣняютъ «мечики» отъ «терныци», т. е. песты, которыми мнутъ стебли льна или конопли.

Обученіе своему искусству вѣдьма начинаетъ обыкновенно испытаніемъ желающей стать колдуньей. Для этого она беретъ кусочекъ сыру, другой даетъ своей прозелиткѣ и отправляется вмѣстѣ съ нею къ рѣкѣ или колодцу. Экспериментируемая, по приказанію вѣдьмы, раздробивъ свой сыръ, бросаетъ его въ воду, наблюдая за происходящимъ; но не замѣчаетъ ничего особеннаго. Тоже самое повторяетъ затѣмъ старая вѣдьма,—является вдругъ множество всевозможныхъ гадовъ и расхватываютъ брошенный ею сыръ. «Такъ растерзаютъ черти на томъ свѣтѣ твою душу за ремесло вѣдьмы», говоритъ она при этомъ испытываемой, и если та не мѣняетъ послѣ этого своего рѣшенія, начинается ученье [5]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, стр. 198.

[2]) Ibidem, стр. 197; 203.

[3]) Ibidem, стр. 197.

[4]) Ibidem, стр. 199.

[5]) Ibidem., стр. 198—9.

Въ способѣ разыскиванія вѣдьмы въ юго-западной Руси сказалось вполнѣ вліяніе европейскаго запада. Въ началѣ XVIII вѣка было въ ходу такъ называемое «плаваніе вѣдьмы», какъ уже *укоренившійся старинный обычай*, хотя починъ въ этой операціи принадлежалъ не самому народу, а дворянству. Въ каменецъ-подольской гродской книгѣ подъ 1709 годомъ находимъ довольно обстоятельную запись о подобныхъ розыскахъ вѣдьмы. Въ этомъ году въ Подоліи была засуха. Мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, дворяне: Дружковскіе, Нагурскіе, Локучевскіе и Руцинскіе составили совѣтъ относительно необходимыхъ мѣръ противъ упомянутаго бѣдствія. Дружковскіе указывали причину засухи въ зломъ умыслѣ чаровницъ и это мнѣніе было признано справедливымъ. Приступили къ розыску. Въ видѣ перваго испытанія приказано было всѣмъ крестьянкамъ носить чрезъ поля ведрами воду изъ рѣки Збруча и поливать ею крестъ, стоявшій при дорогѣ на довольно значительномъ разстояніи отъ рѣки. Всѣ крестьянки выполнили приказаніе и такимъ образомъ отклонили отъ себя падавшее на нихъ подозрѣніе. Совѣщавшіеся пришли теперь къ твердому убѣжденію, что зло коренится въ ихъ-же дворянской средѣ.

Между прочимъ Дружковскій своей сосѣдкѣ Яворской долженъ былъ уже два года значительную сумму денегъ и уклоняясь отъ уплаты долга, подвергался за это со стороны Яворской непріятностямъ и сильнымъ преслѣдованіямъ. Чтобы отплатить ей за это, онъ убѣдилъ сосѣдей, что она несомнѣнно произвела засуху. Съ общаго совѣта, на берегу Збруча были устроены необходимыя для предстоящаго испытанія приспособленія. Къ рѣкѣ были собраны всѣ жители села, была приглашена сюда и Яворская. Лишь только явилась эта послѣдняя, на нее, по приказанію Дружковскаго, набросилось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, раздѣли ее до нага и, связавъ особеннымъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній образомъ [1]), принялись «купать» ее, то опуская въ воду, то опять подымая вверхъ. Благодаря лишь тому, что она тонула, ее признали невинною [2]).

---

1) Для этой цѣли связывали вмѣстѣ большой палецъ правой руки и лѣвой ноги и наоборотъ; въ точкѣ скрещенія прикрѣплялась длинная веревка для подыманія и опусканія на блокахъ испытываемой.

2) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 347.

Въ 1711 году производились такіе-же розыски вѣдьмъ на Волыни. По настоянію одного управляющаго имѣніемъ, дворянина Ѳедора Ковнацкаго, «по давнему обычаю» купали въ рѣкѣ женщинъ, заподозрѣнныхъ въ произведеніи засухи. Десять изъ нихъ, признанныя послѣ испытанія виновными, были арестованы и подъ стражей препровождены въ дубенскій замокъ и только по настоятельнымъ просьбамъ мужей были отпущены на поруки, съ тѣмъ, чтобы по первому требованію явились въ судъ для разбирательства дѣла [1]).

Всѣ вообще бѣдствія приписывались колдовству и причину ихъ искали не въ какихъ либо гигіеническихъ или физическихъ условіяхъ, а въ зломъ умыслѣ людей. Достаточно было самаго незначительнаго, какъ увидимъ ниже, повода, чтобы навлечь на себя подозрѣніе; особенно во время какихъ либо общественныхъ бѣдъ: мора, голода и т. п. болѣзненно настроенное воображеніе народа порождало чрезвычайную подозрительность. Причиною повальныхъ болѣзней считали обыкновенно такъ называемыхъ упырей [2]), и горе тому, на кого налагали это клеймо, если только, по своему положенію, онъ не былъ недоступенъ для черни; иначе ея дикіе инстинкты не знали удержу.

Народныя воззрѣнія на упырей, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми образами народной фантазіи, крайне спутаны и неопредѣленны. Варьируются они на нѣсколько ладовъ, смотря по мѣстности ихъ происхожденія и распространенія. По однимъ—это ублюдки отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. «Упыръ и непевный усимъ видьмамъ родичъ кревный», гласитъ малорусская народная поговорка; по другимъ—это настоящіе черти, имѣющіе лишь внѣшній видъ людей [3]). По третьему вѣрованію, упыри представляются трупами колдуновъ, вѣдьмъ и всѣхъ вообще проклятыхъ родителями или отверженныхъ церковью, которые одухотворяются поселившимися въ нихъ чертями, сообщающими имъ движеніе [4]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Чубинскій, т. I. Прилож. Документы о колдовствѣ, № 45, стр. 379.

[2]) Упырь—исковерканное на малорусскій ладъ слово вампиръ; характеризуются они сходными чертами: тотъ и другой питаются человѣческою кровію.

[3]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1, стр. 205.

[4]) Lud ukrain. Nowosielskiego, t. II, str. 161, 1857 г. „Кіевская Старина“ за 1883 г., іюнь, стр. 342.

по послѣднему представленію, упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы [1]).

По внѣшнему виду, въ однихъ мѣстахъ упырь ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ его надѣляютъ краснымъ, почти багровымъ лицемъ, хотя-бы то былъ и старикъ, и крѣпкимъ богатырскимъ тѣлосложеніемъ [2]). Подраздѣляются они на два разряда: живыхъ и мертвыхъ. Послѣдніе безъ первыхъ совершенно безвредны и даже немыслимы, такъ какъ сами они не могутъ двигаться и живые таскаютъ ихъ на своихъ спинахъ [3]). Мертвые упыри лежатъ въ своихъ гробахъ всегда навзничь и никогда притомъ не разлагаются. Ночью они оставляютъ свои могилы и бродятъ по свѣту, летаютъ по воздуху, или-же, взбираясь на могильные кресты, своимъ шумомъ пугаютъ запоздалыхъ путниковъ, а иногда и гоняются за ними. Но болѣе страшны упыри, когда, забираясь въ дома, высасываютъ кровь у сонныхъ людей, особенно у дѣтей, причиняя неизбѣжную смерть путемъ постепеннаго ослабленія организма, если заблаговременно не будутъ приняты должныя мѣры [1]). Эти ночныя странствовааія упырей продолжаются «до первыхъ пѣтуховъ», послѣ чего они опять возвращаются въ свои могилы [4]).

На правой сторонѣ Днѣпра упырями называютъ еще дѣтей-уродовъ съ большою головой, длинными руками и ногами, т. е. страдающихъ размягченіемъ костей, или англійскою болѣзнію [5]). Подобные уроды «безъ костей» носятъ въ народѣ еще кличку «одмины»: ихъ считаютъ подкидышами «нечистаго», въ замѣнъ выкраденныхъ имъ человѣческихъ дѣтей [6]). Упырь-одмина не вреденъ людямъ, тѣмъ болѣе, что ходить онъ не можетъ, а напротивъ приноситъ даже пользу, такъ какъ, отличаясь предвѣдѣніемъ, можетъ предсказывать будущее.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 557; Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 371.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣд., собран. П. Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 206.

[3]) Ibidem.

[4]) М. Драгомановъ, Малорус. народн. предан. и разсказы. Отд. V, № 1, стр. 62 и № 3, стр. 63—6.

[5]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. II, стр. 419. Спб. 1878 г.

[6]) Lud ukrain., т. II, стр. 161; Кіев. Стар. за 1883 г., іюнь, стр. 373.

[7]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 193—4.

Вѣрованія въ упырей не были одного лишь отвлеченнаго характера. Народная масса стремилась приложить свои представленія о нихъ къ извѣстнымъ, дѣйствительно существующимъ личностямъ, реализировать ихъ. Въ упыри зачислялись обыкновенно люди чѣмъ либо выдѣляющіеся, выходящіе изъ ряда другихъ, какъ напримѣръ знахари, калѣки, самоубійцы, или-же лица хищнаго, злостнаго нрава, хотя въ моменты народныхъ бѣдствій, какъ увидимъ ниже, это зависѣло чисто отъ простой, ничего не значущей случайности. Кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, болѣзненныя галлюцинаціи и иллюзіи, открытіе заживо погребенныхъ съ истерзаннымъ окровавленнымъ лицемъ и наконецъ собственное признаніе, вынужденное-ли пыткою, или-же произнесенное психически больными, поддерживали вѣрованіе въ упырей. Публичное сожженіе сильно поражало воображеніе массы, настраивало его на особый болѣзненный ладъ и еще болѣе способствовало укорененію и распространенію предразсудка.

При Станиславѣ-Августѣ указывали на упыря въ Бѣлоруссіи [1]).

Лѣтомъ 1727 года, *кіевскій полковникъ*, Антонъ Танскій, *прислалъ* въ малороссійскую войсковую канцелярію крестьянина Семена Калениченка, который въ своихъ показаніяхъ призналъ себя за упыря и предрекалъ, между прочимъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи [2]). Фактъ такого болѣзненнаго настроенія, которымъ только и можно объяснить показанія Калениченка, доказываетъ все таки разспространенность и силу народнаго убѣжденія. Но еще болѣе выразилось то и другое въ легендѣ, составленной относительно самаго-же Танскаго.

Танскій былъ человѣкъ богатый, владѣвшій какъ большимъ капиталомъ, такъ и значительной земельной собственностію. Женитьбой на дочери Палія, за которой онъ взялъ большое приданое, своими грабежами и притѣсненіями козаковъ и посполитыхъ, онъ еще болѣе увеличилъ свое состояніе; земли получилъ онъ въ даръ отъ Петра I-го. Не смотря на всѣ его неправды, имя Танскаго, благодаря богатымъ вкладамъ и пожертвованіямъ на монастыри и

---

1) Кіев. Стар., 1883 г., іюнь, стр. 373.
2) Ibid., стр. 374—5.

церкви, часто поминалось между строителями и благотворителями храмовъ и пользовалось въ этомъ отношеніи широкою извѣстностію. Разъ пришли въ Украйну за подаяніемъ на свои обители монахи съ Аѳона; Танскій подарилъ имъ боченокъ («барило») червонцевъ, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой домъ для храненія всего собраннаго на Украйнѣ. Но скупость одолѣла Танскаго, жаль ему стало своихъ червонцевъ, завидно было смотрѣть и на собранныя богатства монаховъ и онъ рѣшилъ возвратить свое съ лихвою. Слугамъ было отдано приказаніе потопить монаховъ въ Днѣпрѣ и овладѣть ихъ сокровищами. Но при этомъ одинъ изъ нихъ все таки спасся и разсказалъ обо всемъ случившемся своему архимандриту. Послѣдній прибылъ въ Украйну, съ цѣлью уговорить Танскаго возвратить заграбленное достояніе Аѳона. Танскій отъ всего отпирался. Архимандритъ послѣ этого наложилъ на него слѣдующую клятву: «за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, пріобрѣтенное неправдою, исчезнетъ, яко воскъ отъ лица огня, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется» [1]). И не нашелъ Танскій покоя и въ могилѣ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ проклятія: сталъ онъ бродить по свѣту, пока наконецъ сыновья не пробили его осиновымъ коломъ, раскопавъ его могилу.

Еще съ большею увѣренностію утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Борковскаго, бывшаго прежде черниговскимъ полковникомъ. Этотъ Борковскій извѣстный богачъ; ему князь Голицынъ предлагалъ за 10 тысячъ рублей гетманство, но онъ отказалъ боярину изъ скупости. Мазепа, выпросивъ въ займы у скупаго богача требуемую сумму, воспользовался предложеніемъ князя. Борковскій отличался чрезвычайною невоздержанностію, сластолюбіемъ и жестокостію. Семейное преданіе отмѣчаетъ его какъ человѣка чрезвычайно злаго, помимо его непомѣрной скупости [2]).

Умеръ онъ въ Чигиринѣ и былъ похороненъ въ тамошнемъ троицкомъ монастырѣ. На другой послѣ похоронъ день, его будтобы видѣли ѣдущимъ шестеркой вороныхъ коней по Красному мосту,

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 375.
[2]) Кіев. Стар., 1883 г., іюнь, стр. 371.

что на рѣчкѣ Стрижнѣ. Кучеръ, форейторъ и три его собесѣдника были черти. Молва объ этомъ быстро распространилась, Борковскаго прокляли и онъ провалился въ рѣчку Стрижень со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Открыли гробъ, въ немъ лежалъ краснолицый упырь съ открытыми глазами.

Это сказаніе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія была закрашена эта фреска, представлявшая легенду объ упырѣ [1]).

Танскій и Борковскій были, такъ сказать, упыри соціальные, упивавшіеся народною кровью, его жизненными соками. Накипавшая противъ нихъ злоба, ненависть и могли выразиться лишь въ сказаніяхъ, надолго сохранявшихъ въ потомствѣ недобрую славу о нихъ, но проявиться въ другой, ощутительной для нихъ-же самихъ, формѣ онѣ не могли, для этого подобные упыри были слишкомъ сильны и недоступны. Съ упырями другой категоріи, не занимавшими высокаго общественнаго положенія, чернь расправлялась иначе, и горе тому, кто навлекалъ на себя подобное подозрѣніе, особенно если это было въ минуты общественныхъ бѣдствій. Расходившіяся народныя страсти не знали состраданія, масса была безпощадна, вымещая свою ярость на несчастной жертвѣ своего невѣжества за всѣ понесенныя утраты.

Довольно характеристичны въ этомъ отношеніи слѣдующіе три случая.

Въ южной Волыни, въ 1720 году, распространилась моровая язва; мѣщане мѣстечка Красилова составили совѣщаніе относительно мѣръ противъ страшнаго бѣдствія. По всеобщему убѣжденію, зараза коренилась въ чьемъ-то навожденіи. Общее вниманіе обращала на себя старуха Евфросинія Каплунка, такъ какъ дожила до рѣдко достигаемаго возраста: ей было уже въ это время сто двадцать лѣтъ. Съ вѣдома красиловскаго управляющаго, дворянина Стеткевича, мѣщане, въ видѣ предварительной мѣры, заключили старуху подъ стражу, сами же отправили депутацію къ знахарю спросить, справедливы ли ихъ подозрѣнія. Пока разыскивали

[1]) Кіев. Стар., за 1883 г., іюнь, стр. 378; Н. Маркевичъ. Обычаи, повѣрья, кухня малорос., стр. 79.

знахаря, Каплунка пять сутокъ томилась въ заключеніи и чуть не умерла отъ страха и лишеній. Дѣти ея, зятья и внуки просили Стеткевича отпустить ее на поруки; ходатайство ихъ было уважено, и принявшій Каплунку зять ея, Ѳедоръ Мельникъ, немедленно, со всѣмъ семействомъ, выѣхалъ изъ мѣстечка и укрывался на берегу рѣки Случи. Между тѣмъ посланные къ знахарю возвратились, онъ вполнѣ подтвердилъ подозрѣнія мѣщанъ относительно «упырства» Каплунки. Собравшись теперь цѣлою «громадою» за мѣстечкомъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ, жители м. Красилова отрядили четырехъ выборныхъ розыскать колдунью. Убѣжище Мельника было открыто; его, вмѣстѣ съ тещею, усадили на возъ и привезли на мѣсто сборища. «Подъѣхавъ къ мѣстечку», разсказывалъ Ѳедоръ Мельникъ въ своемъ показаніи объ этомъ происшествіи, записанномъ въ Дубенскомъ магистратѣ, «мы застали у перекрестныхъ дорогъ большую толпу, которая ожидала нашего прибытія, и кучу приготовленнаго хворосту. Тотчасъ принялись рыть яму. Схвативъ затѣмъ Каплунку, сняли ее съ воза и поволокли къ ямѣ, не спрашивая ее, дѣйствительно ли по ея винѣ распространилась зараза, не давъ ей времени для покаянія и не призвавъ священника для исповѣди. Ее посадили въ яму по плечи и забросали землею, утоптавъ затѣмъ послѣднюю бревнами. Изъ земли были видны лишь голова и плечи. Сверху набросали хворосту и зажгли его». Въ это время десятникъ Ѳеодосій Винникъ присталъ къ зятю покойной и угрожая ему палкою, требовалъ съ ругательствами выдачи жернова съ его мельницы. Подъ конвоемъ пяти, отряженныхъ для этой цѣли человѣкъ, Мельникъ принужденъ былъ отправиться въ свою мельницу и выдать жерновъ, которымъ и привалили затѣмъ то мѣсто, гдѣ сожгли покойницу [1]).

Восемнадцать лѣтъ спустя такая же расправа съ «упыремъ» повторилась въ Подоліи. Въ 1738 году здѣсь распространилось моровое повѣріе. Стали принимать мѣры, обратились и къ духовной помощи. Жители села Гуменецъ устроили ночью процессію съ крестнымъ ходомъ по своимъ полямъ; между тѣмъ у дворянина сосѣдняго села Превратья, Михаила Матковскаго, пропали ло-

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 393, № 30.

шади. Взявъ съ собою уздечки, онъ отправился въ ту-же ночь на поиски, гдѣ и наткнулся на упомянутую процессію. Матковскій хотѣлъ укрыться, но его замѣтили; поведеніе его показалось крестьянамъ страннымъ. Они сообразили, что Матковскій и есть упырь и ходитъ съ цѣлью наслать на нихъ страшную болѣзнь. На него набросились гуменецкіе парубки, жестоко избили, изорвали на немъ платье и оставили на полѣ чуть живаго. Кое-какъ дотащился онъ домой. На разсвѣтѣ въ Превратье пришелъ посланный изъ Гуменецъ и узнавъ, что Матковскій живъ, бѣгомъ возвратился назадъ. Вслѣдъ затѣмъ, еще до восхода солнца, пришли сюда всѣ жители Гуменецъ, вооруженные чѣмъ попало: ружьями, пиками, косами, серпами и т. п., и окружили домъ Матковскаго. Отрядили депутатовъ къ владѣльцу имѣнія Маковецкому просить о выдачѣ имъ Матковскаго, какъ человѣка вреднаго для всей мѣстности. Матковскій въ свою очередь просилъ у него покровительства, такъ какъ не считалъ себя въ чемъ либо виновнымъ. Маковецкій сказалъ посланнымъ отъ крестьянъ, что помимо его воли тутъ никто не властенъ распоряжаться. Толпа прождала до полудня, наконецъ явился дворянинъ Бржозовскій, ѣздившій къ владѣльцу по порученію Матковскаго, и передалъ ложное извѣстіе, будто-бы Маковецкій выдаетъ Матковскаго. Сломавъ двери, его взяли силою и повели въ Гуменцы. Здѣсь, во дворѣ дворянина Качковскаго, куда собралась вся эта толпа, Матковскаго подвергли пыткѣ: ему дали пятьдесятъ или сто ударовъ, допрашивая о вліяніи его на распространеніе моровой язвы. Не смотря на увѣренія въ невинности, его все-таки приговорили къ сожженію. Нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили однако сомнѣніе въ юридической правильности такого приговора. Дворянинъ Вепршинскій протестовалъ, что дворянина незьзя казнить смертію безъ приговора гродскаго суда. У него потребовали, чтобы онъ взялъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія могутъ произойти отъ того, что Матковскій будетъ оставленъ въ живыхъ. давъ письменное поручительство. Вепршинскій отговаривался сперва неимѣніемъ чернильницы, а затѣмъ сказалъ: «некогда мнѣ писать, жгите». Произошли нѣкоторыя колебанія: *громада* боялась все-таки судебной отвѣтственности. Въ это время во дворъ прискакалъ верхомъ дворянинъ Скульскій и закричалъ толпѣ: «жгите скорѣе, я дамъ сто злотыхъ, если только

прійдется отвѣчать за это; имѣетъ онъ губитъ насъ и нашихъ дѣтей, такъ лучше мы его самаго погубимъ!» Это рѣшило участь несчастнаго «упыря», нерѣшительность толпы исчезла. Призвали священника для исповѣди, послѣ которой онъ замѣтилъ: «мое дѣло позаботиться о душѣ,—ваше о тѣлѣ, жгите скорѣй!» «Жечь, жечь», загалдѣли въ толпѣ. Матковскаго передали наконецъ экспертамъ. Ихъ было три: дворянинъ Лобуцкій отрѣзалъ ремень изъ сыромятной кожи, надѣлъ его на голову жертвы и положивъ въ уши подъ повязку камушки, крѣпко окрутилъ концы ея большимъ гвоздемъ; дьякъ Андрей Сопрончукъ, надѣвъ на ноги Матковскаго осиновыя «дыбы» (колодки), повязалъ на глаза тряпку, намоченную въ деготь; какой-то Войцехъ Дикій замазалъ ему ротъ свѣжимъ навозомъ. Всѣ предварительныя операціи надъ упыремъ, вслѣдствіе которыхъ онъ становился безвреднымъ послѣ смерти, были такимъ образомъ покончены. Приступили къ сожженію. Былъ приготовленъ костеръ изъ сорока возовъ дровъ и двадцати соломы; костеръ зажгли и бросили въ огонь Матковскаго, а затѣмъ и его платье, оставшееся на мѣстѣ пытки [1]).

Такая же участь, въ 1770 году, постигла какого-то захожаго изъ Турціи, Іосифа Маронита, въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, во время свирѣпствовавшей тогда чумы. Достаточно было, что онъ былъ иностранецъ, да еще занимавшійся лѣченіемъ, хотя и очень удачно, чтобы теперь обратить на себя подозрительную мнительность массы. Маронитъ былъ признанъ виновникомъ разразившихся бѣдствій; его сожгли, погрузивъ предварительно въ смоляную бочку [2]).

Раскрытіе мнимыхъ козней колдовства стало какой-то маніей. Моръ, голодъ, болѣзнь-ли ребенка, несчастный-ли случай, психическое разстройство, незначительная неудача въ извѣстномъ предпріятіи—все было дѣломъ колдовства. Мелкое чувство самосохраненія и эгоизма создавали чрезмѣрную суевѣрную подозрительность, которая очень часто доходила до курьезности.

Такой напримѣръ незначительный и притомъ очень естественный случай, какъ передача матерію цвѣтка своему ребенку, кото-

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 425—32, № 55.

[2]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1, стр. 339.

рый былъ взятъ ею изъ рукъ другаго ребенка, показывается родителямъ этого послѣдняго чѣмъ-то подозрительнымъ. Этому дѣйствію приписываютъ чародѣйственную силу и безчеловѣчно расправляются съ мнимо-виновной [1]).

Всякое «зѣлье», хотя бы приготовленное для самыхъ безупречныхъ цѣлей, уже внушало суевѣрный страхъ и опасенія за личное благосостояніе.

Мѣщанинъ Григорій Бабиженко, въ 1710 году, жаловался въ каменецъ-подольскій магистратъ на мѣщанина Ѳедора Яцева за то, что онъ унесъ изъ его дома стоявшій въ печи горшокъ съ зельемъ, предназначеннымъ для больнаго ребенка, заподозривъ, что оно приготовлено для чародѣйства [2]).

1732 года, въ дубенскомъ магистратѣ разбиралось подобное-же дѣло. Солдатъ Степанъ Гембаржевскій обвинялъ мѣщанку Анну Дембскую, будто-бы она причинила ему болѣзнь, развѣшивая на его заборѣ какое-то зѣлье. На судѣ обвиняемая объяснила, что это была горчица, которую она разложила для просушки, чтобы затѣмъ истолочь на лѣкарство для больнаго ребенка [3]).

Всякому отвару или вообще какой-либо жидкости приписывали особенно разрушительное дѣйствіе; въ пролитіи напр. помоевъ видѣли чародѣйство, которымъ объяснялись всѣ случившіяся затѣмъ несчастія. Въ этомъ случаѣ допускали—какъ очень часто бываетъ, когда не подъ силу установить причинную связь явленій—логическую погрѣшность: post hoc, ergo propter hoc, которая главнымъ образомъ является основой всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ...

Въ олыкскомъ магистратѣ 1747 года мѣщаниномъ Аѳанасіемъ Моисеевичемъ обвинялась мѣщанка Омельчиха, будто-бы она причинила болѣзнь женѣ и ребенку истца, выливъ въ его дворѣ какую-то жидкость. Обвиняемая на судѣ объяснила, что это былъ просто щолокъ, въ которомъ она выстирала рубаху, и что съ пролитіемъ его вовсе не соединялся какой либо злой умыселъ. Судъ призналъ обвиненіе въ чародѣйствѣ не доказаннымъ, но воспретилъ

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1. Прилож. Докум. о колдовствѣ, стр. 450—1, № 57.

[2]) Ibidem, стр. 377, № 13.

[3]) Ibidem, стр. 401—2, № 38.

Омельчихѣ, подъ угрозою наказанія въ пятьдесятъ ударовъ, выливать что либо въ чужомъ дворѣ [1]).

Въ дубенскомъ магистратѣ въ 1767—8 гг. разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанина Тимоѳея Середы, между прочимъ, въ томъ, что онъ приготовилъ для мѣщанки Анны Духинской какой-то особенный составъ, которымъ она облила Мельника Карпа, когда тотъ, совершенно пьяный, въ безчувственномъ состояніи лежалъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ и получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели подтверждали, что Середа дѣйствительно похвалялся, будто-бы онъ отнялъ ноги у Карпа и получилъ за это восемь злотыхъ. «Бѣсъ его не возьметъ, говорилъ Середа, а до пояса лишь отниметъ у него движеніе; объ этомъ просилъ меня Яцко Мельникъ, чтобы онъ не могъ ходить; ходить однако онъ еще будетъ» [2])...

Какой либо глупой хвастливой похвальбы, сорвавшагося въ досадѣ неблагожеланія, а тѣмъ болѣе угрозы, было вполнѣ достаточно, чтобы поднять настоящую суматоху съ формальными заявленіями властямъ, для огражденія себя отъ какихъ-то грозящихъ невѣдомыхъ бѣдъ разслѣдованіями, допросами, пытками...

Въ 1702 году, въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ, мѣщанка Маргарита Бахчинская жаловалась на мѣщанина Северина Хржановскаго съ женою, что они оклеветали ее, будто-бы она посредствомъ чародѣйства лишила разсудка ихъ дочь. Дѣло было въ слѣдующемъ. Обѣ судящіяся стороны заискивали одного и того-же богатаго жениха для своихъ дочерей, мѣщанина Бернацкаго, который и женился на дочери Бахчинской. Съ дочерью Хржановскихъ послѣ этого произошло съ горя что-то въ родѣ помѣшательства. Родители ея приписали эту болѣзнь чарамъ Бахчинской и въ свою очередь взялись отплатить ей тѣмъ-же. Они похвалялись, что дочь Бахчинской послѣ свадьбы жить долго не будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пытались подослать Бернацкому какіе-то «околдованные» пирожки, чтобы разстроить его семейную жизнь. Бахчинская, чтобы оградить себя и семью отъ могущихъ произойти отъ чародѣйства Хржановскихъ несчастій, заноситъ свое заявленіе въ магистратскія книги [3]).

---

[1]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I. Прил. Докум. о колдовствѣ, стр. 437—8, № 62 и 63.

[2]) Ibidem., стр. 452—4, № 69 и 70.

[3]) Всѣ подобныя жалобы въ предупрежденіе будущихъ несчастій чародѣйства имѣютъ одинъ общій типъ. Вотъ какъ Бахчинская опредѣляетъ значе-

Подобное же заявленіе было записано въ овручскомъ судѣ 1733 года. Дворяне Стефанъ и Ѳеофила Вепровскіе жаловались на супруговъ Луку и Анастасію Ярмолинскихъ за то, что послѣдніе, нанося разныя оскорбленія и обиды, похваляются при этомъ причинить имъ чародѣйствомъ смерть и искоренить самый родъ ихъ. Напуганные этой угрозой, Вепровскіе заявляютъ ее въ судѣ для записи, чтобы возбудить противъ Ярмолинскихъ законное преслѣдованіе, если-бы угроза на самомъ дѣлѣ исполнилась [1]).

Въ 1703 году солдатъ Матѳей Росковскій жаловался въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ на мѣщанку Марину Дубеняцкую, будто бы она похвалялась околдовать его (obiecała oczarować). Судья призналъ однако это обвиненіе недоказаннымъ, постановивъ принять обвиняемой очистительную клятву, что она не занимается чародѣйствомъ [2]).

Въ томъ же магистратѣ, 1705 года, слушалось дѣло по жалобѣ мѣщанки Морской на сосѣдку Зелинскую, отъ чаръ которой ей угрожала будто бы опасность потерять здоровье. Морская заявляла, что видѣла обвиняемую ночью на своемъ дворѣ со свѣчей босую и простоволосую, и что затѣмъ въ слѣдующую субботу она въ костелѣ доминиканцевъ, сломавъ свѣчу, оборотила ее верхнимъ концемъ внизъ. Зелинская объяснила, что ходила она ночью раздѣтая, отыскивая свою дочь, которая бѣжала изъ дому, свѣчка же, по ея заявленію, была поставлена въ костелѣ какъ слѣдуетъ. Не имѣя однако возможности увѣриться въ справедливости послѣдняго заявленія, магистратъ на всякій случай приговорилъ Зелинскую къ эпитиміи—лежанію «крижемъ» (павзничь съ распростертыми по полу руками) въ томъ же костелѣ доминиканцевъ въ теченіи двухъ обѣ-

---

ніе своей „протестаціи“: „I to przy protesłaciej zapisuię i waruję sobie, *aby mi napotym na dom mój i na dziatki moje czego uczynić nie chciała* (т. е. Хржановская), *bo jezeli mi się co stanie, to na nią wszystkie wine skladać musze, bo się nawazyła na moj dom. O co wszystko protestując się, zachowuję sobie salve w tym prawnie czynić*“. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Документы о колдовствѣ, № 4, стр. 371.

[1]) Книга гродская овруцкая, „записовая и поточная“, року 1733—1734, № 3283, листъ 393.

[2]) Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 379—80, № 16.

день. Между тѣмъ армянинъ Богданъ Лукашевичъ, узнавъ объ этомъ, въ свою очередь заявилъ магистрату свои подозрѣнія, что свѣча была поставлена въ обратномъ положеніи, но во вредъ не Морской, а его женѣ, которая въ этотъ именно день очень серьезно заболѣла. Въ подтвержденіе своихъ подозрѣній, онъ ссылался между прочимъ на то обстоятельство, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ Зелинская произносила угрозы его женѣ въ такихъ словахъ: «не могла съ тобою сладить пани Шагиновая, такъ я тебя упрячу, не будешь ты здоровая обитать въ этомъ домѣ» [1]). При этомъ надо сказать, что у Лукашевичей велась тяжба съ Зелинской за домъ.

Эта система запугиваній практиковалась очень часто при какихъ либо взаимныхъ неудовольствіяхъ, спорахъ, особенно судебныхъ тяжбахъ, чтобы склонить такимъ образомъ враждебную сторону на уступки, мировую. Нельзя сомнѣваться, что подобныя мѣры производили желанное дѣйствіе, достигали своей цѣли, если судить по тому впечатлѣнію, тому переполоху, какой наводили всегда эти угрозы на тѣхъ, кого онѣ касались, побуждая ихъ обращаться за покровительствомъ къ властямъ для огражденія себя отъ угрожающихъ несчастій.

Между кременецкимъ мѣщаниномъ Адамомъ Еткевичемъ и мачихой его жены, Анастасіей Залѣсской, велась тяжба за спорную землю (1732 года). Чтобы покончить это дѣло миромъ и слѣдовательно въ свою пользу, Залѣсская публично похвалялась не допустить истца и его жену къ судебному разбирательству, причинивъ имъ тяжкую болѣзнь. Она говорила въ шинкѣ при всѣхъ: «когда Адамъ подалъ первый позовъ въ судъ—онъ заболѣлъ, второй позовъ подалъ—сломалъ руку, за третьимъ сломитъ уже шею, жену же его будетъ ломать во всемъ тѣлѣ» [2]). Подобныя угрозы иногда какъ будто осуществлялись на дѣлѣ, причинную связь между ними и послѣдующими несчаттіями устанавливали по крайней мѣрѣ въ массѣ.

Въ магистратѣ города Выжвы, на Волыни, 1716 года, разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанами Сопронюками мѣщанки Ломазянки въ причиненіи ею, при посредствѣ чародѣйства, смерти нѣ

[1]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 333.
[2]) Ibidem, стр. 400, № 37.

сколькимъ лицамъ. Дочь Сопронюковой выговаривала Ломазянкѣ, что она «съѣла ея мать». Лука, сынъ Сопронюковой, называя ее чародѣйкой, прибавилъ: «ты заѣла Токарика и Хильчука, а теперь и нашу мать; постой колдунья, это даромъ тебѣ не пройдетъ: мы пошлемъ за палачомъ, если бы даже пришлось пожертвовать для этого парою воловъ». Сама Сопронюкова на очныхъ ставкахъ съ Ломазянкой говорила: «Дѣйствительно, ты извела со свѣта Токарика и Хильчука. Я утверждаю, господа судьи, что мои слова справедливы, принимая на себя всю отвѣтственность за это, *и теперь скажу, что лишь только кто поспоритъ съ нею—даромъ ему это не проходитъ.* Токарикъ и Хильчукъ затѣяли съ нею процессъ и скоро померли; тутъ свидѣтелей не нужно, я опять утверждаю, что умерли они по ея винѣ» [2]).

Колдовство, по народному воззрѣнію, обнимало и другія стороны обыденной жизни, кромѣ личнаго, такъ сказать, вреда, могло причинить и матеріальный убытокъ въ хозяйствѣ и прочее.

Летичевскимъ мѣщаниномъ Михаиломъ Трублаенкомъ, 1714 года, было получено письмо отъ крестьянина Ивана Боровскаго, съ порученіемъ прочитать его въ полномъ собраніи магистрата. Боровскій требовалъ должной ему отъ города суммы—40 злотыхъ, угрожая, въ случаѣ отказа, прибѣгнуть къ таинственнымъ средствамъ, при помощи которыхъ онъ можетъ разрушить всѣ городскія плотины и мельницы. «Мѣщане летичевскіе», писалъ между прочимъ Боровскій, «должны благодарить Бога и дѣлать вклады въ мѣстныя церкви за то, что онъ, находясь въ городской мельницѣ, не прикоснулся рукою къ жернову, иначе произошли бы весьма дурныя послѣдствія для города» [2]).

Магистратъ до того былъ встревоженъ этими угрозами, что немедленно занесъ это письмо въ гродскія книги.

Въ луцкомъ гродскомъ судѣ 1700 года разбиралось дѣло по жалобѣ дворянъ Костюшкевичей-Хобултовскимъ и другихъ лицъ на дворянъ Сенковскихъ о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ. Сенковскіе обвинялись между прочимъ въ томъ, что посредствомъ чародѣйства произвели убыль въ хозяйствѣ Костюшкевичей, привязывая конскія

---

[1]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 384—5. Прилож., № 21.
[2]) Ibidem., стр. 580—1, № 17.

кости къ шеямъ ихъ овецъ. Они подговорили будто бы при этомъ свою крѣпостную, Хведониху, извѣстную уже во всемъ околоткѣ чародѣйку, дѣйствовать во вредъ истцевъ. «Увидите, что я вамъ сдѣлаю», похвалялась сама Хведониха предъ Костюшкевичами; и дѣйствительно съ тѣхъ поръ у нихъ начали околѣвать лошади, рогатый и другой мелкій скотъ, пасѣка не дала никакого дохода, потому что Хведониха заглянула и туда, ворожа при посредствѣ какихъ то узелковъ и обливаній [1]).

Въ каменецъ-подольскій гродскій судъ, 1711 года, поступила жалоба дворянъ Стеблевскихъ на крестьянина Ивана Короваша, будто-бы лошадь ихъ околѣла вслѣдствіе какихъ-то заклинаній обвиняемаго [2]).

1708 года, въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ слушалось дѣло по обвиненію мѣщаниномъ Степаномъ Жульниченкомъ мѣщанина Александра Божкевича, будто бы онъ владѣетъ какимъ-то секретомъ, при посредствѣ котораго портитъ кожи. Слухи о Божкевичѣ распространялись даже въ сосѣднемъ отъ Каменца городѣ Жванцѣ. Обвиненіе однако было признано судомъ неосновательнымъ и истецъ былъ приговоренъ къ штрафу и тюремному заключенію за клевету, при чемъ долженъ былъ публично извиниться предъ Божкевичемъ, обязываясь не распространять о немъ подобныхъ слуховъ [3]).

Обнимая такимъ образомъ всѣ, такъ сказать, стороны хозяйственнаго быта, чародѣйство вліяло также на ростъ огородныхъ овощей и полевыхъ посѣвовъ.

Въ магистратѣ города Выжвы, 1710 года, разбиралось дѣло по жалобѣ мѣщанина Никиты Веремейчика на мѣщанина Данила Олефировича за клевету. Этотъ послѣдній распустилъ слухи, будто бы жена Веремѣйчика околдовала его огородъ, вслѣдствіе чего у него произошелъ неурожай капусты. Свое обвиненіе онъ основывалъ на томъ, что она часто проходила мимо его капустныхъ грядокъ. Судъ постановилъ извиниться Олефировичу предъ женой Веремейчика при свидѣтеляхъ и затѣмъ подвергнуть взысканію того, кто повторитъ про нее подобную клевету [4]).

---

[1]) Чубинскій, т. I, Матер. и изслѣд.. стр. 264—70, № 2.

[2]) Ibidem, стр. 348.

[3]) Ibid., стр. 348—9.

[4]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. 1 Прилож. Докум. о колд., стр. 375, № 10.

Хлѣбнымъ посѣвамъ, по общему народному суевѣрію, вредятъ особенно такъ называемыя «закрутки» или завитки. Это пучекъ ростущихъ на полѣ колосьевъ, связанный узломъ при извѣстныхъ заговорахъ. Вредное дѣйствіе этихъ завитковъ можетъ быть уничтожено тѣми же чародѣйскими пріемами [1]).

Въ селѣ Мошкахъ, близь г. Овруча, 1723 года дворянки Любовь и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были односельчаниномъ, дворяниномъ Ильею Духовскимъ въ произведеніи завитковъ. Завитка оказалась на полѣ Никона Мошковскаго, которому Духовскій предложилъ свои услуги отворожить ее. Встрѣтя Любовь Мошковскую, онъ съ этой цѣлью ударилъ ее на-отмашь въ грудь съ такой силой, что она повалилась на земь [2]).

Въ 1718 году дворяне Немержицкіе жаловались въ овручскій судъ на своихъ сосѣдей, дворянъ Верновскихъ и Ярмолинскихъ за то, что они «очаровали и завили» ихъ пшеницу [3]).

Проявленіе этой таинственной, чародѣйственной силы не могло ограничиться лишь разрушительнымъ, такъ сказать, отрицательнымъ направленіемъ ея. Разрушеніе всегда служитъ лишь средствомъ для осуществленія другихъ цѣлей, очищая мѣсто для новыхъ созиданій. Мелкій эгоизмъ, стремясь расширить, даже въ ущербъ другимъ, свое личное благосостояніе, созидалъ его на обломкахъ чужаго. «Счастіе зиждется на чужомъ несчастіи», сказалъ гдѣ-то И. С. Тургеневъ, а тутъ именно производилось подбное созиданіе, на которомъ и сосредоточивалось главное вниманіе, когда была покончена требуемая въ извѣстномъ случаѣ ломка.

Но съ другой стороны требовалось также оградить себя отъ чужихъ разрушительныхъ вліяній той же силы, возстановить разру-

---

[1]) Этотъ предразсудокъ относительно завитковъ или „закрутокъ“ сохранился въ Малороссіи до настоящаго времени. Открытіе на чьемъ либо полѣ такой закрутки возбуждаетъ сильное безпокойство владѣльца. Для уничтоженія ея обращаются въ иныхъ мѣстахъ къ знахарю, въ другихъ къ священнику, который отправляется на поле съ крестнымъ ходомъ и вырываетъ связанные колосья крестомъ. Вырвавшій закрутку безъ такихъ предосторожностей дѣлается, по народному повѣрью, калѣкой, хотя пишущій эти строки до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ, не смотря на свои неоднократные опыты въ этомъ родѣ.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 337—8.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. I, стр. 388.

шенное. Чародѣйство, такимъ образомъ, вліяя разрушительно на здоровье человѣка, въ тоже время должно было поддержать его, не только производить, но и исцѣлять физическіе и нравственные недуги, предотвращать разныя бѣды. Подобныя требованія были тѣмъ болѣе естественны, что вытекали изъ народнаго взгляда на причины ихъ происхожденія. Корень всевозможныхъ бѣдъ, болѣзней лежалъ не въ естественныхъ причинахъ, не въ патологическихъ измѣненіяхъ организма, а стоялъ во внѣ, въ таинственной силѣ, которой можно было противопоставить такую же силу, при помощи заговоровъ и заклинаній. Извѣстная болѣзнь, каждое бѣдствіе имѣло особыя воплощенія, требовали и своего особаго ритуала. Такой взглядъ на происхожденіе болѣзней очень понятенъ при тогдашнемъ состояніи у насъ медицинской науки, которая не отрѣшилась еще отъ астрологическихъ бредней и недовѣрія къ ней массы. Медицина и колдовство очень часто ставились подъ одну рубрику, а между тѣмъ знахарь стоялъ ближе къ народу, пользовался большимъ довѣріемъ, чѣмъ интеллигентный лекарь. Знахарство находило такимъ образомъ въ области медицины полный просторъ и широкое примѣненіе.

Леченіе производилось большею частію симпатическими средствами, которыя содержались въ секретѣ. Укажемъ нѣсколько документальныхъ данныхъ изъ юридической практики XVIII в. въ юго-западной Руси.

Въ г. Каменцѣ 1718 года была арестована еврейка Хайка Шмулиха, зарывавшая въ навозъ горшокъ съ какимъ-то составомъ. При допросѣ оказалось, что дѣлала она это по порученію другой еврейки, Іосевой, дочь которой была больна. Приглашенная для леченія какая-то знахарка приказала сварить смѣсь разныхъ съѣстныхъ припасовъ и, удаливъ свидѣтелей, что-то производила съ ними, а затѣмъ приказала зарыть горшокъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди не ходятъ. Дѣло это было оставлено судомъ безъ послѣдствій [1]).

Тѣмъ же каменецъ-подольскимъ магистратомъ 1729 года крестьянка Ѳеодосія Чумачиха была приговорена къ наказанію 100 ударами плети за то, что по совѣту какой-то неизвѣстной женщины прибѣгла къ подозрительному средству для излѣченія своего мужа отъ «гнильца» и «болячокъ». Обмакивая ножъ въ пиво, она капала имъ по лѣстницѣ съ какими то таинственными заговорами [2]).

[1]) Чубинскій, т. I, стр. 389, № 27.

[2]) Ibid., стр. 396—7, № 33.

Обвиненіе и тутъ играло такую же важную роль, какъ и въ чародѣйствѣ отрицательнаго характера.

Магистратскія книги города Олыки сохранили слѣдующій процессъ, возникшій между мѣщанами Андріевичемъ и Остаповичемъ. У перваго заболѣло дитя отъ испуга; жена его, по совѣту свѣдущихъ людей, рѣшила «вылить переляκъ». Совершивъ требовавшійся при этомъ пріемъ обливанія больнаго, она вынесла эту воду и поставила на углу своего дома, а затѣмъ вылила ее на собаку, которая лежала въ усадьбѣ Остаповича. Послѣдній счелъ это дѣйствіе подозрительнымъ и вреднымъ для него, обвиняя жену Андріевича въ чародѣйствѣ и «вовкулацствѣ» [1]). Судъ постановилъ: Андріевичамъ извиниться предъ Остаповичами, а такъ какъ они пръ этомъ прибѣгали къ разнымъ нашептываніямъ и вѣрили въ предразсудки, что грѣшно предъ Богомъ, то должны уплатить штрафъ въ пользу магистрата и дать два фунта воску въ костелъ и столько же на двѣ православныя церкви [2]).

Иногда эти лекарскіе пріемы были гораздо сложнѣе, окружались большею таинственностію, нашептыванія и заговоры сопровождались употребленіемъ цѣлебныхъ снадобій.

Въ 1710 году, въ ковельскомъ магистратѣ обвиненъ былъ мѣщанинъ Григорій Козловскій въ неудачномъ лѣченіи при помощи чародѣйства. Изъ показаній свидѣтелей и самаго подсудимаго оказалось, что секретъ для лѣченія болѣзней, соединенныхъ съ безсонницей, переданъ ему отцемъ. Козловскій пользовался обширной практикой, хотя и лѣчилъ большею частію неудачно. Употреблялъ

---

[1]) Вовкулаки, по народному повѣрью, люди превращающіеся на извѣстное время противъ воли въ волковъ. Въ эту пору они убѣгаютъ въ лѣсъ и съ особымъ ожесточеніемъ душатъ домашній скотъ, хотя и не ѣдятъ его. Эти превращенія происходятъ отъ Бога за грѣхи родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія связи. Вовкулаки это не болѣе, какъ страдающіе припадками меланхоліи, нервнаго разстройства, граничащаго съ сумашествіемъ. Въ домѣ моего отца былъ слуга, молодой парень лѣтъ 25, котораго считали всѣ односельчане вовкулакомъ. Во время своихъ болѣзненныхъ припадковъ онъ пропадалъ по недѣлямъ и болѣе; обыкновенно случалось это лѣтомъ. Его иногда встрѣчали въ лѣсу, гдѣ онъ собиралъ ягоды (чернику) и питался ими. Подобныхъ встрѣчь онъ избѣгалъ. Спустя извѣстное время, онъ опять возвращался назадъ и принимался за недоконченную имъ работу. Кличка вовкулака приводила его въ сильное смущеніе.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1. Прилож., стр. 434—6, № 59—60.

онъ постоянно одни и тѣ-же пріемы, толокъ какую-то траву, которую онъ не назвалъ, полынный корень и стружки червонца. Этимъ составомъ производилось обкуриваніе больнаго, имъ-же смазывались снурки для перевязки больныхъ членовъ. У паціента отрѣзывались затѣмъ четыре пряди волосъ и ногти и забивались въ дыру, просверленную на вершинѣ дверныхъ лутокъ осиновымъ колышкомъ. Обративъ вниманіе на неоднократные примѣры безполезности употребляемаго средства, магистратъ воспретилъ Козловскому лѣченіе, подъ угрозою уплаты 100 гривенъ штрафа, приговоривъ его притомъ къ отдачѣ какъ въ костелъ, такъ и церковь довольно значительнаго количества воску и «лежанію крижемъ» въ теченіи трехъ обѣденъ въ костелѣ и трехъ въ церкви[1]).

Та таинственность, къ которой обыкновенно прибѣгали знахари въ подобныхъ случаяхъ, та строгая тайна, какою окружали они свои дѣйствія, вытекали изъ практическихъ, матеріальныхъ соображеній. Знахарство было спеціальной профессіей нѣкоторыхъ лицъ, являлось для ихъ ремесломъ, доставлявшимъ имъ кусокъ хлѣба. Конкуренція въ этомъ отношеніи была для нихъ конечно невыгодна, а тѣмъ болѣе опасны были разоблаченія, могущія подорвать ихъ авторитетность и съузить ихъ практику. Маскированіе своего шарлатанства знахари считали поэтому необходимымъ, чтобы не лишиться средствъ къ жизни, достававшихся безъ особенныхъ усилій и труда. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи процессъ.

1741 года мѣщаниномъ Иваномъ Михалюкомъ въ дубенскій магистратъ была занесена жалоба на солтыса Дементія Халичука, который, «учинившись ворожбитомъ, или докторомъ», взялся излѣчить его жену, но своимъ лѣченіемъ причинилъ ей смерть. Михалюки жили въ супружествѣ уже тридцать лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Халичукъ взялся пособить горю: вылечить Михалюкову отъ безплодія. Отъ какихъ-то снадобій у нея дѣйствительно появились признаки беременности, въ которой она была и сама вполнѣ увѣрена, совѣтуя мужу приготовиться къ крестинамъ. Родовъ однако не послѣдовало, хотя мнимая беременность продолжалась уже полтора года. Мужъ, обратившись къ свѣдущимъ бабкамъ, убѣдился въ обманѣ и отправилъ жену въ г. Острогъ къ доктору. Не смотря на это, она все таки

---

1) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т, I, стр. 340.

умерла. Михалюкъ притянулъ теперь «ворожбита» къ судебной отвѣтственности, требуя отъ него уплаты всѣхъ издержекъ по лѣченію жены, которыя, по его словамъ, простирались до значительной суммы 500 злотыхъ. Халичукъ, не дожидаясь судебнаго разбирательства, бѣжалъ изъ города, отвѣтчицей должна была явиться его жена. На судѣ она просила снисхожденія, такъ какъ уплата требуемой суммы была ей не подъ силу. Михалюкъ соглашался на значительную уступку. «У меня, говорилъ онъ, убытку на триста злотыхъ чистыми деньгами, но я дѣлаю для тебя то, что требую лишь сто, которые внесу въ церковь; пусть приметъ Господь эту жертву, какъ за душу покойницы, такъ и ваши души. Съ своей стороны, послѣ этого, я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, чтобы твой мужъ могъ возвратиться въ свою семью». На этихъ условіяхъ и состоялась мировая, утвержденная магистратомъ [1]).

Но между знахарями шарлатанами попадались люди дѣйствительно знавшіе свойство цѣлебныхъ травъ, лѣчившіе очень добросовѣстно и удачно. Мы упомянули уже объ Іосифѣ Маронитѣ, ставшемъ жертвою подозрительности невѣжественной массы въ м. Ярмолинцахъ, во время моровой язвы 1770 года. Подводили-жъ однако и такихъ знахарей подъ одну рубрику—чародѣевъ.

1747 года въ дубенскій магистратъ была прислана крестьянка села Гуржикъ, Анастасія Иваниха, заподозрѣнная въ чародѣйствѣ. Она не отрицала, что занимается лѣченіемъ, но утверждала, что ея лѣченіе основано не на чародѣйствѣ, а на знаніи лекарственныхъ травъ, которое ей сообщила ея свекровь; поясняла, что можетъ лѣчить головную боль, ревматизмъ (гостецъ), чахотку, колики, лихорадку и нѣкоторыя другія болѣзни, но не знаетъ никакой травы, употребляемой для дурныхъ цѣлей, никакихъ средствъ, при помощи которыхъ могла бы причинить болѣзнь, смерть или вообще какое-либо зло [2]).

Послѣ физическаго благосостоянія видное мѣсто занимаетъ матеріальное, и колдовство не оставило безъ вниманія и эту сторону обыденной жизни. Изъ взятаго въ нашемъ изслѣдованіи періода сохранилось нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ объ употребленіи колдовства ремесленниками и торговыми людьми

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 410. Прилож., № 46.

[2]) Ibid., стр. 436—7, № 61.

выми людьми для пріобрѣтенія заказовъ и увеличенія своихъ доходовъ. Интересенъ особенно процессъ мастеровыхъ, представляющій довольно обстоятельно магическіе секреты ихъ чародѣйственнаго ритуала.

Въ каменецъ-подольскій магистратъ, 1704 года, была подана жалоба ткацкимъ подмастерьемъ, Василіемъ Фіалковскимъ, на своего хозяина Ивана Затварзяловича, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія въ денежныхъ разсчетахъ и обманѣ со стороны хозяина.

На судѣ дошло до разныхъ попрековъ и разоблаченій, не имѣвшихъ уже отношенія къ данному дѣлу. Подмастерье уличалъ между прочимъ своего хозяина, что тотъ для снисканія работы прибѣгалъ къ чарамъ; мастеръ въ свою очередь показалъ, что самъ Фіалковскій былъ при этомъ его сообщникомъ, давалъ разные совѣты, доставлялъ и самыя средства для этого чародѣйства. Дѣло приняло такимъ образомъ совершенно другое направленіе, вызвали уже свидѣтелей для показаній о чародѣйствѣ тяжущихся. Изъ данныхъ на судѣ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что почти всѣ мастера употребляли какія-то магическія средства для увеличенія своихъ доходовъ. Самымъ распространеннымъ было колдованіе посредствомъ урѣзка веревки отъ церковнаго колокола.

Будучи еще ученикомъ, Фіалковскій замѣтилъ, что его хозяйка окуривала такимъ отрѣзкомъ свой ткацкій станокъ, приговаривая шепотомъ какія-то таинственныя слова.

Поступивъ затѣмъ къ новому мастеру, разъ, во время отсутствія заказовъ, Фіалковскій посовѣтовалъ ему испробовать пресловутое сродство, добывъ при этомъ кусокъ требовавшейся веревки. Произвели окуриваніе станка, но безъ шептаній, которыя Фіалковскому не были извѣстны, и употребленное средство было признано поэтому недостаточнымъ.

Самъ Затвардзяловичъ, кромѣ окуриванія, употреблялъ и другія мѣры. Онъ забивалъ паклею изъ той-же веревки всѣ щели станка и, взявъ у Фіалковскаго антидоръ, намочилъ его въ святой водѣ и окропилъ ею станокъ. Но когда и это не помогало и заказовъ не было по прежнему, онъ обратился за помощію къ какой-то знаменитой Микитихѣ. Послѣдняя снабдила его какимъ-то чудодѣйственнымъ чернымъ порошкомъ, приговаривая: «нехай ся до васъ все добре привертае», и совѣтовала насыпать его за голени-

ща. Вполнѣ увѣренный въ силѣ сообщеннаго ему средства, Затвардзяловичъ рекомендовалъ обратиться за нимъ къ той-же ворожкѣ и своему товарищу Телицкому, который былъ у него вечеромъ того-же дня. Телицкій послѣдовалъ совѣту и на другой-же день, вмѣстѣ съ матерью, отправился за магическимъ порошкомъ. Третій ткачь, Желиховскій, когда ему указали на порошокъ Микитихи, замѣтилъ, что ему болѣе искусная ворожка посовѣтовала гораздо лучшее средство, въ дѣйствительности котораго онъ убѣдился по собственному опыту.

Судъ, основываясь на добровольномъ сознаніи мастеровъ, за то, что они «поступили противъ Бога и совѣсти, прибѣгая къ бабскимъ предразсудкамъ», постановилъ: Затвардзяловича отрѣшить отъ должности цехмистра впредь до слѣдующихъ выборовъ; Телицкій и Желиховскій, тоже до времени выборовъ, должны были на цеховыхъ сходкахъ занимать послѣднія мѣста и безпрекословно исполнять возложенныя на нихъ порученія цеха. Сверхъ того всѣ они должны были дать на церковь или костелъ, смотря по вѣроисповѣданіямъ, опредѣленное количество воска [1]).

Колдовство посредствомъ веревки отъ церковнаго колокола не ограничивалось однако предѣлами цеха мастеровыхъ, а имѣло болѣе широкое распространеніе, оно было во всеобщемъ употребленіи, способствуя будто-бы увеличенію матеріальнаго благосостоянія. 1707 года, въ томъ-же каменецкомъ магистратѣ братчиками церкви св. Николая была обжалована какая-то вдова Агафія изъ Острога за то, что заказавъ въ ихъ церкви обѣдню, приказала своему сыну, проникнувъ чрезъ церковь, во время службы, на колокольню, урѣзать нѣсколько кусковъ веревки отъ колоколовъ. Мальчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ проступка ученикомъ братской школы и вдова была представлена братчиками въ судъ для разъясненія этого дѣла [2]).

Такое же вліяніе на успѣхъ хозяйственныхъ и другихъ предпріятій имѣла веревка отъ повѣшеннаго или повѣсившагося («вишалника»), доставляя обладателю ея счастье въ дѣлахъ имѣющихъ цѣлью матеріальную прибыль, скорую наживу.

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣдов., т. I, стр. 372—74. Прилож., №№ 5, 6, 7.
[2]) Ibid., стр. 374, № 8.

Въ 1717 году въ Каменцѣ-же возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковскимъ и Колецкимъ. Послѣдній распустилъ слухъ, будто-бы жена Маньковскаго, для завлеченія въ свое заведеніе посѣтителей [1]), держитъ отрѣзокъ веревки, добытый у палача, служившей ему для повѣшенія преступника.

Судъ призналъ однако это обвиненіе пустою сплетнею и приговорилъ Колецкаго за клевету къ аресту при городской ратушѣ, впредь до взысканія съ него 12-ти фунтовъ воску на магистратскую часовню. Кромѣ того, сторонамъ подъ угрозою баниціи, было заказано дѣлать какія либо попреки [2]).

Колдовство служило также для гаданій, съ цѣлью напередъ опредѣлить исходъ задуманнаго предпріятія, чтобы, дѣйствуя по извѣстнымъ указаніямъ, обезпечить его успѣхъ.

Такъ, въ 1749 году въ каменецъ-подольскомъ гродскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію семерыхъ крестьянъ и одного шляхтича въ томъ, что они безъ вѣдома экономіи откопали будто-бы кладъ на землѣ, принадлежащей общинѣ доминиканокъ въ селѣ Пудловцахъ. Кладоискатели обращались при этомъ къ знахаркѣ, которая вполнѣ обнадежила ихъ въ успѣхѣ предпринятаго дѣла. Обстоятельства послѣдняго, какъ уяснили показанія подсудимыхъ, состояли въ слѣдующемъ.

Трое крестьянъ села Пудловецъ, возвращаясь изъ церкви послѣ пасхальной всенощной, замѣтили, что за селомъ, въ прилегающихъ къ нему кустахъ, показалось надъ землей какое-то пламя. По всей вѣроятности, это былъ падавшій аэролитъ, свѣтъ котораго и былъ принятъ крестьянами за пламя горѣвшихъ денегъ, какимъ, по всеобщему народному повѣрью, должны были теплиться въ эту ночь сокрытые въ землѣ клады. Тотчасъ рѣшили пойти одному

[1]) Въ настоящее время можно видѣть на порогѣ лавочекъ, кабаковъ и пр. прибитыя съ тою же цѣлью подковы. Нужно только, чтобы подкова была найдена. Характерно между прочимъ, что подобный предразсудокъ нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ одного изъ почтенныхъ народныхъ учителей мѣстечка Ш. (на Волыни), И. Г., который, занимаясь продажей учебныхъ принадлежностей, чаю и проч., прибилъ на порогѣ лошадиную подкову, „чтобы люди заходили", какъ объяснялъ онъ ея назначеніе.—Что-жъ дѣйствуетъ? спросилъ я его.—И дверь никогда отъ посѣтителей не затворяется, отвѣчалъ онъ вполнѣ серьезно!

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 387—9, №№ 25, 26.

для изслѣдованій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, на мѣстѣ видѣннаго огонька должно-бы оттаять,—на дворѣ была заморозь. Но предполагавшейся примѣты не оказалось. «Станемъ копать на Божью волю», замѣтилъ одинъ изъ нихъ успокоительно. Боясь недоразумѣній съ экономіей, крестьяне соглашались объявить о своемъ предпріятіи, но въ виду общихъ насмѣшекъ, если оно окончится неудачей, рѣшили работать тайно по ночамъ. Приступили къ дѣлу. Земля была мерзлая, приходилось рубить топорами. Работа подвигалась медленно и была слишкомъ утомительна. Рѣшили поэтому пригласить еще кого нибудь изъ сосѣдей; компанія кладоискателей увеличилась. Работали уже нѣсколько ночей подъ рядъ, но усилія были напрасны: кладъ не давался. «Не намъ судилъ Богъ», говорили одни, но тутъ же порѣшили обратиться къ Его помощи. Сдѣлали складчину и дали на службу въ церковь и еще съ большимъ рвеніемъ принялись вновь за работу, но все также безуспѣшно. Наткнулись было на какую-то твердую поверхность, принятую ими за плиту, коророю и долженъ быгь приваленъ кладъ, но пока расчистили это мѣсто, вырубивъ росшій на немъ кустъ, никакой плиты не оказалось. Съ общаго совѣта было принято обратиться за указаніями къ ворожеѣ, проживавшей въ сосѣднемъ селѣ Пораевкѣ. Прибывшій туда съ этимъ порученіемъ одинъ изъ кладоискателей, Процько, явился къ ворожкѣ и, не объявляя ей о цѣли своего посѣщенія, потребовалъ, чтобы она угадала ее сама. Она «вылила воскомъ» и сказала, что у него произошелъ уронъ въ хозяйствѣ. Процько промолчалъ, ворожка смутилась. Накрывъ столъ бѣлой скатертью, она вылила во второй разъ и разсмотрѣвъ воскъ внимательно, отвѣтила, что дѣло идетъ о кладѣ, который дѣйствительно зарытъ въ извѣстномъ ему мѣстѣ, въ мѣдномъ котлѣ съ желѣзной дужкой, но нѣсколько къ западу отъ вырытой ямы. Она совѣтовала затѣмъ продолжать работу, увѣряя, что кладъ непремѣнно найдется, и при этомъ указывала на слѣдующія примѣты: къ юго-западу отъ большаго, зарытаго въ землѣ, камня окажется мусоръ, немного далѣе черные черепки, а подъ ними уже и самыя деньги. Кладъ этотъ слѣдуетъ откапывать въ полнолуніе ночью послѣ вторыхъ пѣтуховъ, когда уже не можетъ помѣшать въ этомъ злая сила. Эти указанія оказались правдоподобными: откопали дѣйствительно и большой камень, и мусоръ въ

указанномъ отъ него направленіи, находили и черные черепки, но денегъ все таки не было. Крестьяне, полагаясь на эти примѣты, работали уже въ продолженіи четырехъ недѣль. Между тѣмъ огонь, высѣкаемый въ ямѣ для закуриванія трубокъ, былъ принятъ другими односельчанами тоже за пламень горящихъ денегъ, составилась вторая компанія, открывшая свои работы не вдалекѣ отъ первой. Результаты и тутъ были тѣ же, только черепья были зеленые.

Узнавшая объ этихъ предпріятіяхъ экономія положила имъ конецъ: кладоискатели были всѣ арестованы и препровождены въ Каменецъ для отдачи показаній въ судѣ, такъ какъ открывшіе ихъ пастухи утверждали, что кладъ дѣйствительно найденъ и они видѣли, какъ одинъ изъ крестьянъ пряталъ подъ полой что-то блестящее. Такъ закончилось неудачное исканіе клада. Изъ показаній старожиловъ оказалось, что на мѣстѣ поисковъ стоялъ когда-то, давно уже заброшенный, кирпичный заводъ [1]).

Подобнымъ указаніямъ знахарей вѣрили безусловно, имъ приписывали чуть ли не силу прозорливости. Въ силу такого убѣжденія къ знахарямъ обращались иногда для открытія виновниковъ тѣхъ или иныхъ преступленій, когда для изобличенія ихъ не было другихъ уликъ. Мы видѣли выше, какое рѣшающее значеніе имѣли слова знахаря въ дѣлѣ Каплунки, сожженной въ мѣстечкѣ Красиловѣ 1720 года. Примѣръ такого довѣрія въ подобныхъ случаяхъ въ знахарскую непогрѣшимость не является исключительнымъ. Приведемъ нѣсколько подтверждающихъ это фактовъ.

Такъ, въ барскій замковый судъ въ 1738 году *дворянинъ* Василевскій жаловался на дворянина Скоржевскаго, будто-бы пропавшая у него лошадь украдена послѣднимъ. Въ подтвержденіе этого обвиненія онъ представилъ свидѣтельство, выданное ему знахаремъ, или «ложнымъ пророкомъ», какъ названъ онъ въ судебномъ актѣ. Судъ оправдалъ Скоржевскаго, Василевскій же за то, что «вопреки заповѣди Божей и канонамъ церкви, обратившись къ знахарю, поклонился чужимъ богамъ», присуждался къ денежному штрафу въ двѣ съ половиною гривны [2]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1, стр. 439—447. Прилож. №№ 64—2.

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 408. Прилож. Докум. о колдовствѣ, № 13.

Въ городѣ Олыкѣ 1740 года случился пожаръ. По указаніямъ ворожки поджигателями были будто-бы кузнецы, которые послѣ этого съ трудомъ могли оправдаться отъ взводимаго на нихъ обвиненія. Изъ показаній той-же ворожки видно, что она давала также указанія относительно происшедшей предъ тѣмъ въ городѣ покражи [1]).

Въ томъ-же городкѣ 1742 года въ домѣ мѣщанина Павла Савоновича случилась крупная пропажа. Потерпѣвшій для разысканія воровъ обратился къ ворожкѣ, мѣщанкѣ Казанихѣ. Послѣдняя, какъ на виновниковъ преступленія, указала на жену Савоновича и ея брата, Григорія Чайковскаго. Чайковскій за безчестіе занесъ въ судъ жалобу. Магистратъ, принявъ во вниманіе безупречность ихъ прежняго поведенія, оправдалъ оговоренныхъ, а Савоновича за то, что онъ прибѣгалъ къ колдовству, приговорилъ къ недѣльному тюремному заключенію. Сторонники обвиненія подвергались—одинъ денежному штрафу, другой тѣлесному наказанію въ 20 ударовъ. Послѣднюю кару за навѣтъ, опорочившій имя честныхъ людей, понесла и ворожка, ее присудили къ 50 ударамъ [2]).

Въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ 1717 года разбиралось дѣло между мѣщанками Фарановскою и Фурикевичевою о взаимныхъ откорбленіяхъ. Первая была призвана въ домъ послѣдней для ворожбы, но, вмѣсто указаній относительно пропавшаго у Фурикевичевой платка, она распространила невыгодныя о ней слухи, будто-бы въ домѣ Фурикевичей происходитъ что-то не доброе, такъ какъ вода, употребленная ею для гаданія, вспыхивала пламенемъ [3]).

Къ колдовству обращались однако не только потерпѣвшіе, но и виновники пропажи для сокрытія слѣдовъ своего преступленія.

Въ луцкій гродскій судъ 1710 года была подана жалоба дымерскимъ старостою, Петромъ Лоскою, на своего слугу Франциска Рагозинскаго, который укралъ у него восемьсотъ золотыхъ и при помощи колдовства хотѣлъ скрыть свой проступокъ. Пытка въ подобныхъ случаяхъ не достигала своей цѣли, такъ какъ колдовствомъ предотвращалось чувство боли.

---

1) Чубинскій, т. I, стр. 409. Прил., № 45.

2) Ibid., стр. 413. Прил., № 48.

3) Ibid., стр. 377—8. Прил., № 14.

Въ каменецъ-подольскій магистратъ помѣщикомъ Верещатынскимъ 1724 года былъ представленъ его крѣпостной, Василій Гоцулъ, съ требованіемъ подвергнуть его пыткѣ, по подозрѣнію въ воровствѣ господскихъ воловъ и лошадей и въ сношеніяхъ съ разбойниками. Во время пытки, обвиненный ни при растягиваніи членовъ, ни при жженіи огнемъ не высказалъ никакихъ наружныхъ признаковъ страданія и не сознался ни въ чемъ. Судъ все таки приговорилъ его къ смертной казни, основываясь на томъ, что помѣщикъ съ пятью другими дворянами подтвердилъ присягою свои подозрѣнія. Такое упорство, такую твердость воли магистратъ объяснялъ лишь тѣмъ, что Гоцулъ несомнѣнно имѣлъ при себѣ чары и, вслѣдствіе этого, во время пытки «проявилъ завзятіе и терпѣніе, необычное въ человѣческомъ тѣлѣ» [1]).

Вліяніе чаръ, по вѣрованію того времени, могло иногда сказаться и на ходѣ самаго судебнаго процесса, нарушивъ его нормальное теченіе таинственнымъ способомъ.

Такъ, въ барскій замковый судъ 1736 года дворянинъ Галузинскій подалъ жалобу на крестьянина Трофима Лукашенка, обвиняя его въ покражѣ вола. Свидѣтелемъ со стороны истца былъ поставленъ дворянинъ Андрей Сохацкій, но на судѣ онъ далъ сперва противорѣчивыя показанія, а затѣмъ сознался, что былъ подкупленъ Галузинскимъ и только вслѣдствіе этого явился въ судъ. Истецъ объяснилъ предъ судомъ съ своей стороны, что свидѣтель Сохацкій околдованъ подсудимымъ и его тещею, почему и далъ сбивчивыя показанія. Судъ оправдалъ Лукашенка, подвергнувъ штрафу Галузинскаго за ложное обвиненіе, при чемъ однако предоставилъ этому послѣднему право взыскать свои убытки съ Сохацкаго [2]).

Вліяніе колдовства, какъ показываютъ приведенные нами процессы, простиралось такимъ образомъ и на область психическихъ явленій, дѣйствуя на волевыя отправленія человѣка. Но особенно сильное вліяніе, по общему убѣжденію того времени, колдовство оказывало на сердечныя влеченія, начиная отъ простого расположенія и дружбы до чувства самой сильной любви.

---

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. V, т. I, стр. 302; Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 355.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 405—7. Прил., № 42.

Къ нему прибѣгали крѣпостные, чтобы приворожить своихъ господъ, т. е. пользоваться ихъ благосклонностію, расположеніемъ, хотя, какъ выходило на дѣлѣ, очень часто достигалось противное. Господа, боясь какого либо чувствительнаго для нихъ вреда отъ чародѣйства, жестоко наказывали обращавшихся къ этимъ приворотнымъ средствамъ.

Такъ, въ книгахъ кременецкаго магистрата подъ 1730 годомъ сохранился возмутительный, по строгости наказанія, процессъ между помѣщикомъ Лукою Малинскимъ и его крѣпостною, которая посредствомъ чародѣйства хотѣла будто-бы снискать его благосклонность. Опасаясь какихъ либо вредныхъ для себя послѣдствій, Малинскій требовалъ, чтобы къ обвиняемой во всей строгости было примѣнено уложеніе магдебургскаго кодекса. Обвиненіе поддерживали пятеро односельчанъ, которые показали, что обвиняемая, Матрена Перистая, разъ высказалась про своихъ господъ такъ: «госпожу свою я уже прибрала къ рукамъ; если-бы удалось достичь того-же въ отношеніи самаго пана, то я боялась-бы тогда лишь одного Бога». Кромѣ того двое изъ свидѣтелей указали, что подсудимая когда-то въ спорѣ съ ними произносила угрозы—одному говорила: «тогда улучшатся твои обстоятельства и выдашь замужъ своихъ дочерей, когда волосы выростутъ у тебя на ладони»; другому сказала: «ты станешь нагъ и бѣденъ, подобно тому, какъ нага ладонь твоя». Но кромѣ свидѣтельскихъ показаній, по кодексу требовалось еще сознаніе самаго подсудимаго; если оно не было произнесено добровольно, его вынуждали пыткою. Перистая-же на допросѣ отвѣтила лишь какою-то загадочною фразой: «уповаю на Господа Бога, на своего пана и паню; лишь-бы мѣсяцъ свѣтилъ надо мною, а звѣзды я коломъ разгоню», причемъ замѣтила: «сознаюсь-ли я въ чемъ или нѣтъ, все равно пропасть прійдется». Судьи признали подобныя показанія еще недостаточными. Обвиняемую подвергли пыткѣ. Три раза повторили мучительный процессъ растягиванія членовъ на блокахъ, три раза жгли ее раскаленнымъ желѣзомъ, но она все таки утверждала, что не знаетъ никакихъ чаръ и что обвиненіе возникло, благодаря распущеннымъ про нее сплетнямъ сосѣдки Корнѣихи. Судъ все таки, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ Перистую, главнымъ образомъ за

угрозы господамъ, къ смертной казни, которая должна была совершиться на слѣдующій-же день [1]).

Но особенно въ ходу были «приворотныя» средства въ любовныхъ дѣлахъ. Хотя подобныя отношенія двухъ половъ содержатся большею частію въ тайнѣ и рѣдко даютъ поводъ къ искамъ, тѣмъ не менѣе и тутъ иногда происходили нескромныя разоблаченія, разбиравшіяся судебнымъ порядкомъ. Вытекали они то изъ чувства ревности или мести, то изъ суевѣрнаго страха, чтобы не приворожили къ себѣ почему либо нежелательные люди. Мы уже упоминали выше про жалобу солдата Росковскаго въ 1713 году на мѣщанку Марину Дубеняцкую, къ которой понудила его жена изъ ревности къ этой послѣдней.

1749 года въ каменецъ-подольскомъ гродскомъ судѣ были сняты показанія съ парубка Андрея, обвиненнаго въ незаконной связи съ дворянкой Ружковскою. Обвиненный подтвердилъ, что онъ дѣйствительно состоялъ въ этой связи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно пытался уклониться отъ нея и разъ десять убѣгалъ изъ дома Ружковской, но послѣдняя противъ воли заставляла его возвращаться назадъ. Послѣ каждаго подобнаго побѣга она прибѣгала къ чародѣйству, весь ритуалъ котораго, требовавшійся въ данномъ случаѣ, по порученію Ружковской выполнялся ея приближенной, кормилицей Евдокіей. Послѣдняя обыкновенно сперва потрясала плетнемъ, сыпала затѣмъ горячія уголья и совсѣмъ нагая обѣгала кругомъ дома; уголья пересыпались далѣе на собственную рубашку и прикрывались горшкомъ. Если рубашка не загоралась—это было признакомъ возврата Андрея. Разъ онъ, по его показанію, за нежеланіе вернуться во время одной изъ своихъ отлучекъ, поплатился за это тяжкою болѣзнію [2]).

Въ городѣ Каменцѣ, въ домѣ войта армянскаго. Павла Святовича, была задержана 1716 года нищая Марина съ какимъ-то подозрительнымъ узелкомъ, въ которомъ заключалась горсть песку, куски костей и зубъ, признанный почему-то за зубъ мертвеца. Арестованная на судѣ показала, что найденные при ней предметы она хотѣла передать какъ талисманъ одной дѣвушкѣ, просившей

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 397—9. Прил., № 34.

[2]) Ibid., стр. 447—50, № 66.

доставить ей средство, способствующее выходу замужъ. Магистратъ находилъ, что дѣйствія подсудимой весьма подозрительны и постановилъ допросить ее еще подъ пыткой [1]).

Въ барскомъ замкѣ 1731 года разбиралось дѣло, возникшее между дворянами Гольчинскимъ и Новосельскимъ. Послѣдній хвасталъ разъ предъ сосѣдями, что если-бы жена Гольчинскаго жила въ одномъ съ нимъ селѣ, то онъ навѣрное затѣялъ-бы съ нею любовную связь, про которую мужъ и не узналъ-бы, такъ какъ онъ напоилъ-бы его отваромъ чемерицы и другими снадобьями. Выпивъ такой составъ, мужъ, по увѣренію Новосельскаго, теряетъ способность слѣдить за поведеніемъ жены.

Это донеслось до Гольчинскаго и при встрѣчѣ съ Новосельскимъ онъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ саблею, причинивъ пораненія. По суду Гольчинскій долженъ былъ лѣчить своего противника на свой счетъ, Новосельскій-же былъ приговоренъ къ штрафу въ 15 гривенъ за непристойную похвальбу [2])...

Прошлымъ вѣкомъ заканчивается у насъ существованіе колдовства оффиціальнаго т. е. мало по малу оно теряетъ свой юридическій смыслъ и процессы по этому поводу прекращаются. Не трудно замѣтить изъ приводимыхъ нами процессовъ, что въ отношеніи къ нимъ замѣтна какая неустойчивость, колебаніе самихъ судій: на ряду съ обычнымъ почти порицаніемъ предразсудковъ и вѣры въ «бабьи» чары, встрѣчается еще такой фактъ, какъ оправданіе Комарницкаго, хотя его можно назвать исключительнымъ. Юрисдикція въ отношеніи колдовства вступаетъ въ новую фазу, освобождаясь отъ средневѣковыхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Статьи дѣйствующихъ еще въ ту пору судебныхъ кодексовъ, налагающія очень строгія наказанія за чародѣйство, остаются большею частію мертвой буквой и примѣняются лишь въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно дѣло ограничивалось наложеніемъ церковной эпитиміи, денежнаго штрафа, тѣлеснымъ наказаніемъ. Судебныя уложенія городскаго устава полагали между прочимъ такое требованіе: «ренегатъ, отрекшійся отъ вѣры, долженъ быть сожженъ. *Таже казнь назначается и для чародѣевъ*» [3]). Въ

---

[1]) Чубинскій, т. I, стр. 385—6. Прил., № 22.

[2]) Ibid., стр. 393, № 65.

[3]) „Porządek sądow miejskich“. Krakow. 1629 r.. cz. VI. str. 221—2.

дополненіяхъ къ кодексу магдебургскаго права говорится тоже самое еще съ большею опредѣленностію и полнотою. «Если-бы оказалось, такъ гласитъ XIV ст., что кто либо училъ чародѣйству другое лице, или угрожалъ кому либо колдовствомъ, а потомъ приключилось-бы дѣйствительно несчастіе тому, противъ кого была произнесена угроза, равно если-бы на кого либо пало подозрѣніе въ чародѣйствѣ, вслѣдствіе его словъ, обычаевъ, *внѣшняго вида и другихъ обстоятельствъ, свойственныхъ колдунамъ, то, въ силу установившейся молвы, такое лице должно быть обвинено предъ судомъ* и если признаки чародѣйства окажутся на немъ, оно должно *подвергнуться пыткѣ*». Тамъ-же опредѣляются и рамки допроса (ст. XXII): «во время пытки чернокнижника и чародѣя должно допрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ его преступленія: какія онъ употреблялъ средства, какимъ образомъ и въ какое время, какія при этомъ произносилъ слова, или совершалъ дѣйствія; затѣмъ слѣдуетъ допросить, у кого онъ учился чародѣйству, или какимъ образомъ усвоилъ его пріемы, сколько разъ прибѣгалъ къ нему и какое бѣдствіе и кому причинилъ.»

Жестокости инквизиціи не мирились однако съ духомъ малорусскаго народа и она не привилась на чуждой ей почвѣ. Въ подобныхъ случаяхъ руководились въ судахъ болѣе здравымъ смысломъ и имѣли болѣе трезвый взглядъ на дѣло. Тутъ не опредѣляли чародѣевъ по ихъ «внѣшнему виду и другимъ, свойственнымъ колдунамъ, обстоятельствамъ», «сила установившейся молвы» не имѣла также значенія и очень часто наказанію подвергались сами истцы, за нелѣпость своихъ обвиненій и вѣру въ предразсудки. Это обстоятельство естественно должно было уменьшать число подобныхъ жалобъ съ каждымъ годомъ и отбить охоту обращаться къ суду въ дѣлахъ о чародѣйствѣ. Тѣмъ не менѣе чародѣйство не искоренилось, а приняло лишь болѣе замкнутый, такъ сказать семейный характеръ, занявъ тотъ укромный уголокъ народной жизни, гдѣ не могутъ уже вліять какія либо административныя мѣры. Вѣра въ колдовство сохранилась и по настоящую пору въ формѣ различныхъ суевѣрій, предразсудковъ и повѣрій, и къ стыду нужно сознаться не въ одной лишь темной народной массѣ чернаго люда! Дымкой густаго тумана распростерлись эти повѣрья надъ широкой русской землей, пока

лучь дневнаго свѣта не разсѣетъ этого мрака и не наступитъ полное «просвѣтленіе». Но пройдутъ еще десятки лѣтъ, пока перестанутъ выдѣляться «тяжелые дни», изгладится вѣра въ привороты, вліяніе дурнаго глаза и встрѣча съ зайцемъ, перебѣжавшимъ дорогу, перестанетъ считаться зловѣщею... На труженикахъ народнаго образованія лежитъ высокая задача этого умственнаго и нравственнаго просвѣтленія массы, хотя съ грустью нужно сказать, что многіе изъ нихъ сами не свободны отъ недуга предразсудковъ, отъ котораго должны врачевать другихъ!..

Арсеній Сѣлецкій.

1886 г., 30 генваря.
Винница, подольск. губ.

БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

и умственное пробужденіе южной Руси къ концу XVI в.

(Историческій очеркъ).

(Окончаніе) [1].

Вмѣстѣ съ школами въ предѣлахъ сѣверо и юго-западной Руси къ концу XVI в. разростается и книгопечатаніе, и быстро возникаютъ одна за другой типографіи. Печатаніе славянскихъ книгъ началось еще съ конца XV вѣка, за границей. Въ 1490—1491 гг., въ Краковѣ, нѣкто Швайпольтъ Фіоль, нѣмецъ по происхожденію, хотя и мѣстный житель, напечаталъ первыя славянскія книги: «Шестодневъ», «Часословъ», «Псалтирь» и др. [2]). Въ 1493—1512 гг. нѣсколько богослужебныхъ славянскихъ книгъ было издано въ Венеціи, Зенѣ, Цетиньѣ и Угровлахіи [3]). Въ 1517—1519 гг., въ Прагѣ, нѣкто Францискъ Скорина, «докторъ врачебныхъ наукъ изъ Полоцка», предпринялъ изданіе всей Библіи на «русскомъ» языкѣ, т. е. на современномъ литовско-русскомъ говорѣ, въ переводѣ съ Вульгаты. Изданіе выходило отдѣльными выпусками, которыхъ вышло 22 [4]). Объ этомъ изданіи Курбскій въ одномъ мѣстѣ замѣ-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., апрѣл. кн., стр. 729—763.

[2]) *Сахарова*, Хронологическая роспись славяно-русской библіографіи. Спб., 1849 г., №№ 1—5. *П. Строева*, Опис. старопеч. книгъ Толстого, М. 1825 г., № 1.

[3]) *Сахарова*, Хронол. роспись, №№ 6—9.

[3]) Подробное описаніе вышедшихъ выпусковъ у *Сахарова*, Хрон. роспись, № 10; къ описанію приложены тщательныя библіографическія изысканія. См. также: *П. Строева*, Опис. старопечатныхъ книгъ Толстого, №№ 5—11, стр. 6—19. (Описаніе, съ значительными выписками).

чаетъ: «Да и се не утаится, книги обрѣтаются въ землѣ нашей ветхаго и новаго завѣта и пророческія вси, а переводъ Скорины полоцкаго,—перевелъ въ недавнихъ лѣтахъ, аки лѣтъ 50 или мало къ симъ, съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ»... Въ 1525 году Скорина перенесъ свою типографію въ Вильну и напечаталъ здѣсь нѣсколько богослужебныхъ и духовнонравственныхъ книгъ, въ томъ же литовско-русскомъ переводѣ, именно: «Апостолъ», «Псалтирь», «Часословъ», «Акаѳистникъ», «Шестодневъ», «Канонъ», краткіе Святцы и Пасхалію [1]). Типографія Скорины была первою типографіею въ литовской Руси. Впрочемъ, и послѣ того славянскія книги продолжали печататься за границей,—въ Венеціи, Угровлахіи, Бѣлградѣ, Тюбингенѣ и другихъ мѣстахъ [2]). Собственно западно-русскія типографіи начинаютъ возникать съ половины XVI вѣка. Такъ, въ 1562 г. мы видимъ типографію въ Несвижѣ, гдѣ были напечатаны «Катихизисъ» и «Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ» Симона Буднаго, въ литовско-русскомъ переводѣ [3]). Въ 1569 году открыта типографія въ Заблудовѣ, въ имѣніи гетмана Г. А. Ходкевича, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ Московіи Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ, первые русскіе книгопечатники; на средства Ходкевича они издали здѣсь въ 1568—1569 гг. «Евангеліе учительное» [4]), сборникъ отрывковъ изъ твореній отцевъ церкви, извѣстный по славянскимъ рукописямъ съ XIV вѣка [5]). Съ 1573 г. открывается типографія въ Львовѣ и скоро переходитъ въ вѣдѣніе братства. Въ 1575 году заводится новая типографія въ Вильнѣ. Въ 1580 г. кн. К. К. Острожскій открылъ на свои средства въ Острогѣ типографію, которой суждено было играть видную роль въ начавшейся борьбѣ съ врагами вѣры и народности русской. Въ томъ же 1580 г. была открыта типографія

---

1) *Сахарова,* Хронол. роспись, №№ 13—14. *П. Строева,* Опис. книгъ Толстого, №№ 12—14.

2) *Сахарова,* Хронол. росп., №№ 15—39 (книги, напечатанныя въ 1527—1562 гг.).

3) *Сахарова,* Хронол. росп., №№ 40—41.

4) Реестръ старопечатныхъ славянскихъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ *А. С. Ширяева,* М. 1833 г., № 6.

5) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 470.

нѣкоего Тягинскаго. Позднѣе мы видимъ дѣйствующими въ юго-западной Руси слѣдующія типографіи: въ Евьѣ (1600), въ Дермани при монастырѣ (604), Крилосѣ (1606), Кіевѣ (1614), Могилевѣ (1616), Почаевѣ (1618), Рохмановѣ (1619), Луцкѣ (1628), Кутеинѣ (1613) и другихъ мѣстахъ [1]). Самыми важными типографіями были: львовская, виленская, острожская, кіевская, въ Евьѣ и кутеинская. Изъ книгъ, напечатаныхъ въ нихъ, отмѣтимъ главнѣйшія.

I. *Апостолъ*, напеч. въ Львовѣ въ 1573 году, Иваномъ Ѳедоровымъ. Къ книгѣ приложено любопытное послѣсловіе, въ которомъ Ѳедоровъ разсказываетъ о печальныхъ обстоятельствахъ своей жизни, а также о начальной исторіи львовской типографіи. Извѣстно, что Ѳедоровъ былъ печатникомъ въ Москвѣ. Принужденный бѣжать отсюда, «презѣльнаго ради озлобленія» отъ многихъ начальникъ и стященно-начальникъ и учитель, которые, зависти ради, многія ереси на него умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити», онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Петромъ Мстиславцетымъ, ушелъ «въ ины страны незнаемы», именно въ Бѣлоруссію. Здѣсь оба они нашли самый радушный пріемъ у гетмана Ходкевича. «Прія насъ любезно, разсказываетъ Ѳедоровъ: и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще-же и сіе недовольно ему бѣ, еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) не малу дарова ми на упокоеніе мое, намъ-же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа и слово Его по вселеннѣй разсѣевающе»... Вскорѣ однако болѣзни и старость принудили гетмана прекратить изданіе книгъ, и онъ предложилъ печатникамъ посвятить себя деревенскому труду; но «неудобно ми бѣ, продолжаетъ Ѳедоровъ, раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ, время живота своего сокращати», «имамъ убо... вмѣсто житныхъ сѣменъ духовныя сѣмена по вселеннѣй разсѣвати»... Для разсѣянія этихъ сѣменъ путемъ книгопечатанія онъ отправился въ Львовъ, но тутъ ему пришлось испытать новыя неудачи и лишь съ помощью нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ онъ приступилъ къ печатанію «Апостола» и окончилъ его въ 1573 году. Вскорѣ ти-

---

[1]) *Пыпинъ и Спасовичъ*, Исторія славянскихъ литературъ. Спб., 1869 г., т. I, стр. 323. 328—329.

пографія, принесенная имъ въ Львовъ, перешла въ вѣдѣніе мѣстнаго братства.

II. *Библія*, напечатанная въ Острогѣ Иваномъ Өедоровымъ, 1581 года: «Библіа, сирѣчь книгы ветхаго и новаго завѣта, по языку словенску, отъ еврейска въ еллинскій языкъ... преведенаго зводу, съ тщаніемъ и прилежаніемъ, елико мощно, помощію Божіею, послѣдовася и исправися, въ лѣто по воплощеніи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581». Въ предисловіи, написанномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, какихъ стоило изданіе: «ни дѣла начати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ: ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводъ сего дѣла, начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и писаньми своими, много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія островы, паче-же много монастырей грецкихъ, сербьскихъ и болгарскихъ, даже и до самаго апостоломъ намѣстника и всея церкве восточныя строенію чиноначалника, пречестнаго Іеремія, архіепископа Константинаграда, новаго Рима, вселенныа патріарха... доидохъ, требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилѣжнымъ: тако людей, наказаныхъ въ писаніяхъ святыхъ, еллинскихъ и словенскихъ, яко-же и зводовъ, добрѣ исправленыхъ и, порока всякаго кромѣ, свидѣтельствованыхъ. И сицевымъ всесилный Богъ сподобитимися благоизволи... нынѣ-же... и съвръшеніе сподобихся видѣти» [1])...

III. *Книжица*, изд. въ Вильнѣ въ 1585 г. и заключающая въ себѣ себѣ: Діалогъ Геннадія, Іоанна Дамаскина Прѣніе христіанина съ сарациномъ, Слово Іоанна Златоуста и др. [2]). Всѣ эти статьи были переведены Курбскимъ [3]).

IV. *Книжица о вѣрѣ*, изд. въ Острогѣ въ 1588 г. и состоящая изъ шести отдѣловъ; первый отдѣлъ надписанъ: «о единой истинной православной вѣрѣ и о св. соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распространися»... Въ концѣ пятаго отдѣла подписался: «многогрѣшный и хуждѣйшій въ христіанѣхъ убогій Василій» [4]).

---

[1]) *П. Строевъ*, Опис. старопеч. книгъ гр. Толстого, стр. 50—60.

[2]) *Сахарова*, Хронолог. росп., № 75.

[3]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. цер., т. IX, стр. 423.

[4]) *Сахарова*, Хронол. росп., № 80; *П. Строева*, Опис. книгъ гр. Толстого № 26. См. также: *Преосв. Макарія*, Ист. рус. ц., т. IX, стр. 425—426.

V. *Грамматика*, имѣющая слѣдующее многословное заглавіе: «Грамматика доброглаголиваго еллинословенского языка, совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому Россійскому роду. Во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591». На другомъ листѣ читаемъ: «грамматика, сложенна отъ различныхъ грамматикъ, спудейми, иже въ львовской школѣ». Въ помѣщенномъ въ началѣ «извѣщеніи» говорится: ...«изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христоименитый роде рускій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу». Грамматика раздѣляется на четыре части: «орѳографія, просодія, етимологія и синтаксисъ, сирѣчь: правописаніе, припѣваніе, правословіе и съчиненіе». О пользѣ грамматики замѣчается: «Сія бо есть первая ключь, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достизають діялектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи; и сими же седми, яко же нѣкіимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе же и врачества, ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія».. Далѣе излагаются причины недостатка просвѣщенія въ россійскомъ родѣ, а въ заключеніе разсказывается исторія возникновенія въ Львовѣ братства и при немъ школы и типографіи [1]).

VI. *Книга о постничествѣ Василія Великаго*, напеч. въ Острогѣ, 1594 г. Въ одномъ изъ предисловій къ книгѣ въ вычурныхъ выраженіяхъ дается уразумѣть, что издателемъ былъ князь Константинъ-Василій Острожскій, который «не пощадѣ труду, не пощадѣ тщаніа, не пощадѣ съкровищъ» для изданія книги [2]).

VII. *Казанье св. Кирилла іерусалимскаго о антихристѣ*, изд. въ Вильнѣ, 1596 г., на литовско-русскомъ и польскомъ языкахъ. Переводъ принадлежалъ Стефану Зизанію [3]); но онъ сопровождается широкими толкованіями и обличеніями навязываемыхъ православнымъ римскихъ догматовъ; въ послѣднихъ авторъ видитъ признаки пришествія антихриста, котораго находитъ въ лицѣ папы.

---

[1]) *П. Строева*, Опис. старопеч. книгъ гр. Толстого, № 27, стр. 64—65.

[2]) *П. Строева*, Опис. книгъ гр. Толстого, № 31, стр. 70—75.

[3]) *Сахарова*, Хронол. росп., № 99 (при описаніи сообщаются свѣдѣнія и о самомъ Ст. Зизаніи).

VIII. *Грамматика* словенска, съвершенаго искуства осми частей слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставлена Л. Z. (Лаврентіемъ Зизаніемъ). Въ Вильни, въ друкарни братской, року 1596»... Въ концѣ приложено: «Толкованіе молитвы Отче Нашъ, составленное тѣмъ же Л. Зизаніемъ [1]).

IX. *Наука* ку читанію и разумѣнію писма словенскаго. Ту тыжъ о св. Троицѣ и о вочеловѣченіи Господни. Въ Вильни, въ друкарни братской, року 1596».. Здѣсь помѣщены: азбука, молитвы, Исповѣданіе прав. вѣры, «Лексисъ реченій словенскаго языка на простый русскій діялектъ истолкованныхъ Лаврентіемъ Зизаніемъ, а также брата его Стефана Зизанія «Изложеніе о православной вѣрѣ», «О вочеловѣченіи Господни» и «О знамени крестномъ». [2]).

X. *Апокрисисъ*, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи (набоженства) греческой, чрезъ Христофора Филалета врихлѣ дана.. Напеч. въ Вильнѣ въ 1597 г. [2]). Знаменитое въ свое время полемическое сочиненіе.

XI. *Книжица* изд. въ Острогѣ въ 1598 г., въ десяти отдѣлахъ. Здѣсь помѣщены: семь посланій александрійскаго патріарха Мелетія къ западно-русскимъ православнымъ и посланіе къ нимъ-же кн. К. К. Острожскаго отъ 24 іюля 1595 года съ предостереженіемъ противъ готовящейся уніи [2]). Всѣ эти посланія и статьи перепечатаны въ изслѣдованіи проф. *Малышевскаго*: Мелетій Пигасъ, т. II, въ приложеніяхъ.

XII. *Отповѣдь* на листъ... Ипатія володимерскаго и берестейскаго епископа до ясне-освѣцоного княжати Константина Острозского, воеводы кіевского, о залецанью и прехваляныо восточной церкви зъ заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писанный, чрезъ одного наименьшого клирика церкви острозской, въ томъ-же году отписанный.—Въ концѣ приложено особое сочиненіе: «Исторія о листрикійскомъ, то есть разбойническомъ Феррарскомъ або Фло-

---

[1]) *Сахарова*, Хронол. росс., № 101.

[2]) См. о немъ: *проф. Малышевскаго*, предисловіе къ русскому изданію Апокрисиса, Кіевъ, 1869—1870 г. и *Скабалановича*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филарета. Спб., 1873 г. Въ польскомъ и западно-русскомъ подлинникахъ Апокрисисъ изданъ въ VII т. Русской Исторической Библіотеки, Спб., 1882 г.

[3]) *Сахаровъ*, Хронол. росп., № 110; *Преосв. Макарія*, Ист. рус. ц., т. X, стр. 285—286.

ренскомъ соборѣ, вкоротцѣ правдиве списаная» [1]). «Отповѣдь» сполна помѣщена въ приложеніи къ изданію Апокрисиса на русскомъ языкѣ. Кіевъ, 1870 г.

Таковы были первые опыты литературы, возникшіе въ юго-западной Руси на почвѣ упорной борьбы православія съ латинствомъ и вызванные дѣятельностью братствъ. Имъ предшествовали, отчасти ихъ сопровождали или же прямо къ нимъ примыкали однородные труды двухъ выдававшихся дѣятелей того времени, обращенные на защиту родной вѣры и распространеніе въ западно-русскомъ обществѣ образованія, труды отрывочные, случайные, но имѣвшіе въ высшей степени благотворное вліяніе въ смыслѣ общаго возбужденія, поддержки и развитія умственно религіознаго движенія въ западно-русскомъ обществѣ. Разумѣю труды кн. А. М. Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго. Просвѣтительно-литературная и горячая полемическая дѣятельность этихъ двухъ лицъ то восполняетъ, то завершаетъ собою то, что создано было въ это время усиліями всего западно-русскаго общества въ лицѣ братствъ. Обзоромъ оной и мы въ свою очередь дополнимъ и закончимъ очеркъ того умственнаго пробужденія въ южной Руси въ концѣ XVI в., которое явилось какъ послѣдствіе продолжительной борьбы ея съ латинствомъ. Дѣйствовали они не съобща, не по установленному плану или соглашенію, потому и говорить мы будемъ отдѣльно о каждомъ изъ нихъ. Начнемъ съ кн. Курбскаго.

Происходя изъ древне-русскаго княжескаго рода, кн. *А. М. Курбскій* (фамилія—отъ села Курба, стоящаго на рѣкѣ Курбицѣ, ярославскаго уѣзда) родился въ 1528 году. Первые годы его жизни неизвѣстны; имя его въ первый разъ встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1549 г.; въ этомъ году Курбскій сопровождалъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ походъ подъ Казань. Въ слѣдующемъ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Пронскъ, гдѣ долженъ былъ ожидать нападенія крымскихъ татаръ. Въ 1552 году Курбскій участвуетъ во второмъ походѣ подъ Казань, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ войска, и получилъ здѣсь тяжелыя раны. Въ

---

[1]) *Сахаровъ,* Хронол. росп., № 111; *Преосв. Макарія,* Исторія русской церкви, т. X, стр. 292—294.

открывшихся потомъ войнахъ Россіи съ Ливоніей и Крымомъ (въ 1557—1563 гг.) Курбскій съ большимъ успѣхомъ командовалъ войсками и не разъ былъ щедро награждаемъ царемъ; подъ конецъ онъ былъ назначенъ воеводою въ Дерптъ (Юрьевъ Ливонскій) и на этомъ кончается его дѣятельность въ предѣлахъ московскихъ. Въ 1563—1564 г. Курбскій бѣжалъ отъ Грознаго въ Литву и вступилъ въ подданство польскому королю. Въ одной рукописи Московскаго Архива бѣгство Курбскаго описано такъ: «Въ таже лѣта (1563—1564) во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ быша воеводы кн. Андрей Михайловичъ Курбскій да зять его кн. Ѳед. Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождался присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія своя службы и ожесточися. Рече же супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хощеши: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же къ нему рече: яко не точію тя мертва видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь-же Андрей прослезися, и цѣлова ю и сына своего девятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе; ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именемъ Васька, по реклу же Шибановъ, приготови князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отъѣхаша и въ Литву пріидоша. Оттуда же князь Андрей посла того же своего вѣрнаго раба къ великому государю царю съ досадительнымъ своимъ писаніемъ изъ Литвы» [1])... Бѣгство не было случайнымъ; Курбскій уже давно велъ переговоры и дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно. Причины, побудившія его на такой шагъ, онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ отъ короля грамоту на ковельскую волость,—одно изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ королевскихъ имѣній, и на староство *Кревское*. Но предварительно Курбскій долженъ былъ участвовать въ походѣ поляковъ на Россію и сражаться противъ родины подъ стѣнами Полоцка; только по возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій былъ введенъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Впрочемъ, имѣнія эти причинили

---

[1]) *Сказанія князя Курбскаго*, изд. 3-е, 1868 г., стр. 239—340, примѣч. 213.

много хлопотъ Курбскому. Очень скоро у него начались непріятныя столкновенія и судебныя тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, смотрѣвшими вообще крайне недружелюбно на московскаго пришельца. Почти одновременно возникаютъ у Курбскаго и семейныя непріятности. Жена, оставленная имъ въ Юрьевѣ, скоро умерла, и Курбскій въ 1571 году вступилъ во второй бракъ съ Маріею Юрьевной, урожденною княжной Голшанской, бывшею до этого времени уже за двумя мужами и отъ перваго замужества имѣвшею дѣтей. Марія Голшанская, оставшись вдовою, владѣла большими помѣстьями; независимо отъ этого, вступая съ нею въ бракъ, Курбскій вѣроятно имѣлъ въ виду также породниться со многими литовскими фамиліями, находившимися въ родствѣ съ богатой и знатной княгиней. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Марія Голшанская, выйдя за Курбскаго и тотчасъ же записавъ на него почти всѣ свои владѣнія, послѣднимъ поступкомъ возстановила противъ него всю свою родню. Почти вслѣдъ за бракомъ начинается открытая и непримиримая вражда къ Курбскому дѣтей Маріи Голшанской отъ перваго замужества (Монтолтовъ) и родственниковъ ея втораго мужа (Козинскаго). Возбуждаемая родней, скоро и сама княгиня раскаялась въ своемъ великодушномъ поступкѣ. Къ тому-же она сильно разочаровалась въ своемъ мужѣ; ни характеромъ своимъ, ни привычками, ни своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ польско-литовскомъ обществѣ Курбскій не могъ нравиться молодой заносчивой княгинѣ. Онъ не могъ сродниться съ враждебной къ нему и вольнодумной шляхтой, тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ. Не находя ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій погрузился въ чтеніе св. писанія и въ науки, сталъ изучать произведенія Аристотеля, началъ на старости лѣтъ учиться латинскому языку и ревностно переводить съ латинскаго на славянскій языкъ творенія отцевъ церкви. Онъ образовалъ около себя кружокъ, хотя весьма не большой, который поддерживалъ его и помогалъ ему въ его ученыхъ трудахъ [1]). Такой образъ

---

[1]) О своихъ „помощникахъ" Курбскій упоминаетъ самъ въ „Сказаніяхъ". Однимъ изъ такихъ его помощниковъ былъ его родственникъ, молодой кн. Михаилъ Оболенскій, котораго Курбскій, не смотря на то, что онъ былъ

жизни долженъ былъ скоро наскучить Марьѣ Юрьевнѣ... Подстрекаемая родней, она рѣшилась бросить мужа и отнять записанныя на него свои имѣнія; она выкрала у мужа на нихъ документы и начала тяжбу. Тяжба кончилась разводомъ Курбскаго съ женой, въ 1578 году. Весной слѣдующаго года Курбскій женился на дѣвицѣ А. П. Сѣмашковной, происходившей изъ небогатой шляхетской фамиліи, и послѣдніе годы жизни пользовался, кажется, семейнымъ счастіемъ. Съ 1571 по 1578 г., занятый семейными и другими непріятностями, Курбскій мало принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ; теперь, послѣ новаго брака, онъ отправляется вмѣстѣ съ войсками Стефана Баторія въ походъ на Россію; во время этого похода, торжествуя побѣды Баторія, взятіе Полоцка и Сокола, Курбскій изъ Полоцка написалъ два свои посланія къ московскому царю... По возращеніи изъ похода у Курбскаго открылись новыя непріятности: Марія Голшанская подняла дѣло о незаконности брака Курбскаго съ Александрой Сѣмашковной; княгинѣ хотѣлось, чтобы дѣти Курбскаго, рожденныя отъ этого брака (сынъ и дочь) были признаны незаконными и, какъ таковыя, были лишены по смерти отца наслѣдственныхъ правъ. Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ.. Курбскій умеръ въ Ковелѣ въ маѣ 1583 года, оставивъ по завѣщанію всѣ свои литовскія имѣнія женѣ своей Александрѣ Сѣмашковнѣ [1]).

Литературная дѣятельность кн. Курбскаго началась и окончилась въ Литвѣ. Его литературныя занятія главнымъ образомъ сосредоточивались въ переводахъ на тогдашній западно-русскій языкъ твореній отцевъ церкви, которыхъ такъ не доставало современному западно-русскому обществу. Весьма лю-

---

женатъ и имѣлъ дѣтей, убѣдилъ провести нѣсколько лѣтъ вдали отъ семьи, въ Краковѣ и Италіи для изученія высшихъ наукъ. Такимъ же помощникомъ былъ нѣкто юноша Амвросій, „зѣло въ писаніяхъ искуссный и верхъ философіи внѣшнія достигшій“; у него учился „внѣшнимъ“ наукамъ и самъ Курбскій. Но вообще помощниковъ у Курбскаго было не много, хотя онъ старался всячески отыскивать ихъ, „набываючи ихъ къ таковому дѣлу“. *Сказанія*, стр. 224—225—275.

[1]) О жизни Курбскаго см. *Сказанія*, предисловіе Устрялова, стр. I—XXXIII; Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Соч. *Иванишева*, стр. 153—200.

бопытной является также его переписка съ разными лицами мѣстнаго общества: переписка эта можетъ дать не мало матеріала для характеристики происходившихъ въ это время броженій и «шатаній» въ умственной и религіозной жизни юго-западной Руси. Обращаемся сначала къ его переводамъ.

Изъ переводовъ, сдѣланныхъ Курбскимъ, извѣстны:

1) «*Новый Маргаритъ*», заключающій въ себѣ избранныя сочиненія Іоанна Златоустаго. Переводъ въ рукописи, современной переводчику, хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, подъ № 187. Языкъ перевода—бѣло-русскій или западно-русскій XVI вѣка. Въ «предисловіи многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію» разсказывается между прочимъ «жалостна и плачу достойная исторія кратка» о его жизни въ Литвѣ и занятіяхъ по переводу отеческихъ твореній. Пришлось ему жить здѣсь «между человѣки тяжкими и не гостелюбными и къ тому въ ересѣхъ различныхъ развращенными», а между тѣмъ онъ слышалъ «во отечествѣ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ попаляемъ родъ христіанскій безъ пощаженія, и лютость кипящу презѣльную на народъ христіанскій, горшую, нежели при древнихъ мучителѣхъ»... Грозный царь «матерь его, и жену, и отрочка единого сына, въ заточенію затвореныхъ, троскою (скорбью) поморилъ; братію его, единоколѣнныхъ княжатъ Ярославскихъ, различными смертьми поморилъ, служащихъ ему вѣрнѣ, имѣнія его и ихъ разграбилъ, отъ любимаго отечества его изгналъ, отъ друговъ прелюбезныхъ разлучилъ.».. Изгнанникъ все это зналъ и слышалъ, и былъ объятъ жалостію, тяжкое уныніе давило его, нестерпимыя бѣды, какъ моль, съѣдали сердце его. И сталъ онъ искать утѣшенія въ книжныхъ дѣлѣхъ: «разумы, говоритъ, высочайшихъ древнихъ мужей прохождахъ, прочитахъ, разсмотряхъ физическіе (физика есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную або естественную философію и есть зѣло премудра) и обучахся и навыкохъ еттическихъ (также и еттика, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, сирѣчь обычае любомудрія, и человѣческому роду найпаче зѣло потребнѣйша), часто же обращахся и прочитахъ сродныя мои священныя писанія, ими же праотцы мои были по душѣ воспитаны».. «И пріѣхавъ мнѣ уже ту (въ Литву) отъ отечества моего, съ сожалѣніемъ (объ отсутствіи оте-

ческихъ твореній въ русскомъ переводѣ) потщихся латинскому языку пріучатися, того ради, ижъ бы моглъ преложити на свой языкъ, что еще не преложено, ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свое зряще. И того ради не мало лѣтъ изнурихъ, въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ пріучахся»... Но однихъ его силъ не хватало на задуманное дѣло, а помощниковъ не находилось. «Искахъ, заключаетъ Курбскій жалостную исторію своихъ трудовъ, мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицыхъ обрѣтохъ мниховъ и мірскихъ, не возмогоша помощи ми: мниси отрекошася, уничижающеся не похвальнѣ, не глаголю лицемѣрнѣ, а лѣностнѣ, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ. Азъ же бояхся, ижъ отъ младости не до конца навыкохъ книжнаго словенскаго языка» [1])...

По предположенію Ундольскаго, переводъ Іоанна Златоуста сдѣланъ Курбскимъ съ латинскаго изд. Еразмова. 1530 г., V т. [2]). Рукопись перевода вообще чрезвычайно важна и заслуживала-бы спеціальнаго изученія.

Кромѣ помѣщенныхъ въ «Новомъ Маргаритѣ», Курбскому принадлежалъ переводъ и нѣкоторыхъ другихъ твореній Іоанна Златоуста. Такъ, по соображеніямъ изслѣдователей, Курбскому принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ бесѣдъ въ собраніи словъ Златоуста, по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, XVI вѣка, № 126. О своихъ переводахъ отдѣльныхъ бесѣдъ Златоуста Курбскій не разъ упоминаетъ и самъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ (къ К. К. Острожскому, къ Кузьмѣ Мамоничу, къ Семену Сѣдларю).

II. «*Небеса*» *Іоанна Дамаскина* и нѣкоторыя другія его творенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Фрагментовъ» (напр. *Діалектика* или *Логика*, *Прѣнія съ Сарациномъ* и пр.). Эти переводы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ рукописи XVI в., № 193, въ рукописи собранія Ундольскаго, XVI в., № 187, и собранія Пискарева, XVII в., № 189, а также въ Московской

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 273—275.

[2]) Рукописи Ундольскаго, стр. 166.

Синодальной Библіотекѣ, въ рукописи XVI—XVII вв., № 191. Въ рукописяхъ Ундольскаго и Пискарева при переводахъ находится «предувѣдомленіе къ читателю», въ которомъ говорится, что «книга Іоанна Дамаскина содержащая въ себѣ четыре его книги, яко то: о усопшихъ, о судномъ дни и проч., а также Логику або Діалектику, и повѣсти о преподобныхъ пустынножителяхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ, переведена съ еллино-римскаго языка на славянскій діалектъ блаженныя памяти княземъ Андреемъ Курбскимъ, собственною его рукою», что предисловіе его-же сочиненія и что во многихъ мѣстахъ этой книги «на неудоборазумныя рѣчи онъ положилъ на поляхъ разсужденіе онымъ, а по концѣ Логики, на л. 67-мъ, поясненное сказаніе» [1])... Переводъ твореній Дамаскина относится, нужно думать, къ періоду времени 1575—1579 гг. Въ посланіи къ Чаплію, 1575 года, Курбскій еще замѣчаетъ: «книга его (Іоанна Дамаскина) не переведена въ словенскій»...; въ посланіи-же своемъ къ Грозному, въ 1579 году, говоря «о книгѣ премудраго Іоанна Дамаскина», уже пишетъ: «мню, ижъ въ твоей землѣ не преложена сполна съ грецка языка; а у насъ здѣ, благодатію Христовою, вся есть цѣла переведена и съ такимъ тщаніемъ исправлена» [2])...

III. *Отдѣльныя «слова» Василія Великаго, Григорія Богослова* и *Діонисія Ареопагитскаго.* Переводы эти не дошли до насъ; но объ нихъ Курбскій упоминаетъ въ письмахъ къ Марку Сарыгозину и Кузьмѣ Мамоничу.

IV. *«Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ».* Переводъ ихъ приписывается также Курбскому, а рукопись онаго въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ собраніи Ундольскаго, № 182, въ концѣ.

V. *«Діалогъ» патр. Геннадія.* Къ переводу «Діалога» присоединено любопытное предисловіе переводчика. Переводъ изданъ былъ въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Вильнѣ въ 1585 году [3]); находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки, XVI—XVII вв., № 191 [4]), а также въ рукописи XVII в. соловецкой библіотеки казанской духовной академіи, № 510 [5]).

---

[1]) *Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго,* М. 1870 г., стр. 166—167.

[2]) *Сказанія,* стр. 236. 213. *Горскій и Невоструевъ:* Опис. слав. рук. синод. библ., Отд. II, кн. 2, стр. 567—569.

[3]) Опытъ славяно-русской библіографіи Сахарова, № 75.

[4]) *Горскій и Невоструевъ,* Опис. слав. рук. моск. синод. библ., Отд. II, кн. 2, стр. 567—569.

[5]) См. Описаніе рук. солов. библ., т. I, стр. 492 -493.

VI. *Слово о св. Духѣ*, неизвѣстнаго проповѣдника, несправедливо приписанное Іоанну Златоусту. Переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI—XVII в., подъ № 191, на лл. 564—574; приписывается Курбскому на основаніи особенностей языка [1]).

VII. *Отрывки изъ исторіи Евсевія*, встрѣчающіеся въ рукописяхъ сочиненій и переводовъ Курбскаго [2]).

Что касается частной переписки Курбскаго съ разными лицами современнаго ему западно-русскаго общества, то она, какъ мы замѣтили, можетъ быть любопытнымъ матеріаломъ для характеристики происходившихъ въ этомъ обществѣ религіозныхъ броженій и мнѣній. Письма Курбскаго адресованы: кн. К. К. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, княгинѣ Збаражской, пану Кадіану Чаплію, пану Бокею Печихвостскому, пану Древинскому, пану Евстафію троцкому, Марку Сарыгозину, Кузьмѣ Мамоничу, Семену Сѣдларю, Вассіану старцу печерскаго монастыря и кромѣ того нѣсколькимъ лицамъ, не названнымъ по имени. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ лицъ, какъ напр. кн. Острожскій, стояли въ центрѣ тогдашней общественной жизни западной Руси, многія принадлежали къ высшему классу общества, другія мало извѣстны. Совершенно неизвѣстна кн. Чарторыжская; полагаютъ, что это была вдова князя Ивана Чарторыжскаго [3]). Неизвѣстны также Кадіанъ Чаплій, Древинскій и Семенъ Сѣдларь. Что касается Ѳедора Бокея, то очевидно онъ былъ однимъ изъ членовъ древнѣйшей литовской фамиліи Бокеевъ, хотя лично и неизвѣстенъ. Панъ Естафій троцкій есть по всей вѣроятности Естафій Воловичъ, въ 1568 году подканцлеръ и маршалокъ надворный литовскій, а съ 1569 года каштелянъ троцкій; умеръ въ Сандомирѣ, въ 1581 году, будучи каштеляномъ виленскимъ и великимъ канцлеромъ литовскимъ. Евстафій Воловичъ не разъ былъ посланникомъ въ Москвѣ. Кузьма Мамоничъ состоялъ виленскимъ бургомистромъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Лукою Мамоничемъ, имѣлъ въ Вильнѣ типографію,

---

[1]) Опис. слав. рукоп. моск. синод. библ., Отд. II, кн. 2, № 191, стр. 569.

[2]) *Строевъ*, Опис. рук. Царскаго, стр. 191—192.

[3]) *Максимовичъ*. Собр. соч., т. I, Кіевъ, 1876 г.. стр. 180; *Устряловъ*, Сказанія Курбскаго, стр. 364.

въ которой печатались православныя богослужебныя книги; многія изъ нихъ сохранились до насъ. О старцѣ Вассіанѣ, кромѣ того, что онъ былъ инокомъ и жилъ въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ, мы ничего не знаемъ. Рѣшительно неизвѣстенъ также «Иванъ многоученый», къ которому обращается въ одномъ изъ своихъ посланій Курбскій. Письма Курбскаго были большею частью отвѣтами на письма къ нему; но изъ этихъ послѣднихъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось.

Вотъ перечень писемъ самаго Курбскаго съ нѣсколькими замѣчаніями о содержаніи каждаго изъ нихъ.

I. *Листъ Андрея Ярославскаго до Константина Острожскаго, противъ варвара нѣкоего, мнящагося быти мудра, еже похулилъ словеса новопреложенныя Іоанна Златоустаго* [1]). Въ этомъ письмѣ Курбскій удивляется поступку князя Острожскаго, который переведенную Курбскимъ съ латинскаго и присланную имъ Острожскому «бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, любви и надеждѣ» отдалъ перевести на польскій языкъ, «лѣпшаго ради выразумѣнія», отдалъ какому-то человѣку, по словамъ Курбскаго, «не токмо въ наукахъ неискусному, но и граматическихъ чиновъ отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словесъ исполненному и стыда неимѣющему, глаголы священныхъ писаній нечистѣ и скверно отрыгающему»... Въ доказательство, что подобныхъ порученій не должно дѣлать невѣждамъ, Курбскій приводитъ слова Діонисія Ареопагитскаго. Упоминаемый здѣсь переводъ бесѣды до насъ не дошелъ.

II. *Листъ Андрея Ярославскаго до князя Костянтина воеводы кіевскаго* [2]). «Листъ твоего величества», начинаетъ Курбскій свое письмо, «и книжицу Скарги езуита, софизматовъ исполненную, такъ-же и листъ, до твоей милости писанный отъ инославнаго и прелукаваго Мотовила, пріяхомъ и выразумѣхомъ»,—и за тѣмъ разражается рядомъ упрековъ противъ своего пріятеля князя. Оба они были борцами за православіе, стражами церкви, защищали ее изо всѣхъ силъ, но средства защиты понимали не одинаково. Краснорѣчивый и многоученый іезуитъ Скарга только что выпустилъ громовую свою книгу «О единствѣ церкви», направленную въ подрывъ

[1]) *Сказанія кн. Курбскаго,* стр. 221—223.
[2]) *Сказанія*, 245—246.

православію. При дворѣ кн. Острожскаго жилъ и его расположеніемъ пользовался образованный южно-русскій дворянинъ Мотовило, впавшій въ ересь социніанъ, которыхъ называли здѣсь аріанами. Ему-то поручилъ князь Острожскій написать опроверженіе на книгу Скарги и какъ самую эту книгу, такъ и письмо объ ней Мотовила прислалъ Курбскому. Послѣдній нашелъ, что неприлично «христіанину правовѣрному отъ аріанина христоненавистнаго услаждаться эпистоліями или пріймовать отъ него писанія, на помощь церкви Христа Бога», и упрекаетъ въ томъ Острожскаго, громя Мотовила. «Той-то Мотовило инославный, замѣчаетъ Курбскій, не токмо аріанскаго духа въ себѣ имѣетъ, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовнѣйшаго діавола, лясфимы (богохульства) на общаго владыку Христа нашего отрыгающаго, далеко горчайшій и ядовидшій, нежели Арій безбожный»... «Годитъ-ли ся ти отъ таковаго, о вельможный и свѣтлѣйшій княже христіанскій, догматовъ и слышавати и отвѣтовъ просити на іезуитскія фабулы?.. Отъ лѣности вся сія намъ приключаетъ, нерадѣнія ради почитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устнѣ стужахъ и докучахъ, да прочитываеши ихъ часто, аще и по малу; и не престану ти воистину докучати и до моей смерти (понеже зѣло люблю тя), дондеже узрю тя лѣпшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоемъ постигнути»...

III. *Цыдула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы кіевскаго* (кн. К. К. Острожскаго)[1]. Посланіе довольно обширное, писано по поводу того-же отвѣта на книгу Скарги, составленіе котораго Острожскій поручалъ Мотовилу. Предостереженіе Курбскаго не помогло, отвѣтъ не только былъ напечатанъ, но и присланъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе. «Не вѣмъ, откуда сія приключишася вашему величеству», пишетъ онъ Острожскому: «прислалъ ми ваша милость книгу, отъ сына діаволя написанну, отъ явственнаго непріятеля Христа нашего, истиннѣйше рекше, отъ антихристова помощника и вѣрнаго слуги его сочиненну, мнѣ ваша милость христіанину правовѣрному, брату своему присяглому негли вмѣсто поминка (подарка) шлетъ? О, бѣда, воистину плача достойна!.. Въ таковую дерзость и стультицію (глупоту) начальницы христіан-

---

[1]) *Сказанія*, 2.6—250.

скіе внидоша, ижъ не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнѣмаютъ! И что еще дивнѣйшаго: отъ духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію обороняти имъ росказуютъ и книги супротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣваютъ! О заслѣпленія и безумія нашего!.. Любовникъ твой Мотовило не токмо во всей прескверной книгѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладаетъ, паче-же прескверпѣ и грубе, но и въ конклюзіи тое-то книги своей Христа проповѣдуетъ—паки пріити и на тысячу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити, и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... Отъ него-же (аріанства) уже мало не вся Волынь заразилася и неисцѣльнѣ болитъ, скверными догматы подущаема». Курбскій негодуетъ далѣе на Острожскаго за покровительство его іезуитамъ и убѣждаетъ его не дружиться съ врагами православія: «возвесели общаго царя нашего, Христа Бога твоего, престани уже дружитися съ тѣми супостаты, непріятельми Его, прелукавыми и презлыми; никто-же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховаетъ, яко за нѣдрами зміевъ. Трикраты молютися: престани, уподобляяся праотецъ твоихъ ревности благочестія, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, отжени, глаголю, прелукавыхъ и прелютыхъ ругателей»..—Къ сожалѣнію, отвѣтъ Мотовила на книгу Скарги, равно и письмо его къ Острожскому по поводу этой книги до насъ не дошли и мы знаемъ о нихъ только изъ разсматриваемыхъ посланій Курбскаго. Какъ это, такъ и предъидущее посланіе Курбскаго весьма важны для характеристики религіозныхъ взглядовъ кн. К. К. Острожскаго.

IV. *Листъ Андрея Курбскаго до Кузьмы Мамонича* [1]). Мамоничъ, какъ замѣчено выше жилъ въ Вильнѣ и былъ однимъ изъ защитниковъ православія. Въ Вильнѣ кипѣла тогда борьба между православными и католиками. Ксендзы громили православіе въ костелахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ и площадяхъ. Курбскій въ настоящемъ письмѣ проситъ Мамонича посовѣтовать православнымъ, чтобы они, какъ «несовершенные въ писаніяхъ» не вдавались

---

[1]) *Сказанія*, стр. 226—229.

«безъ ученыхъ нашея страны» въ богословскіе споры съ іезуитами и не ходили-бы къ нимъ на ихъ проповѣди; «тлятъ бо, говоритъ онъ, обычаи добрые бесѣды хитролестныя» и за тѣмъ, намекая на приготовляемые имъ переводы, прибавляетъ: «если Богъ восхощетъ, и мы къ вамъ поспѣшимъ съ тремя нарочитыми свѣдками (свидѣтелями): съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ и со Іоанномъ Златоустнымъ и со Іоанномъ Дамаскинымъ и со иными древними святыми учительми», т. е. ихъ сочиненіями въ русскомъ переводѣ. Время посланія не указывается.

V. *До Кузьмы Мамоныча листъ второй* [1]). Курбскій съ радостію извѣщаетъ Мамонича о полученіи съ Аѳона, въ защиту православія, сочиненій Григорія и Нила солунскихъ (греческихъ писателей XIV вѣка). «Не ужасайтесь софизматовъ ихъ, пишетъ онъ Мамоничу въ отвѣтъ на его письмо о новыхъ «злохитроствахъ» іезуитскихъ, но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпцѣ, пребывайте бодро... Благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ святыя горы, яко самою рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискуства церковниковъ русскихъ церквей, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ»...

VI. *Листъ князя Андрея Курбскаго до княгини Ивановой Черторижской* [2]). Курбскій поздравляетъ княгиню съ успѣхами ея сына въ изученіи «священныхъ писаній» и хвалитъ ея намѣреніе отдать сына, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ виленскую іезуитскую школу; но при этомъ предостерегаетъ княгиню противъ іезуитовъ: «не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, ижъ многіе родители, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ были дали имъ дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ (свободнымъ), яко слышимъ отъ нѣкоихъ, но они не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе... И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и

---

[1]) *Сказанія*, стр. 229—232.

[2]) Ibid., стр. 240—242.

противники зѣло великіе нашему правовѣрію»... Впрочемъ, онъ ободряетъ княгиню примѣрами великихъ учителей и отцевъ церкви, изъ которыхъ многіе ѣздили учиться и «по поганскимъ философамъ», но православія своего не повредили... При посланіи Курбскій посылаетъ княгинѣ какое-то сочиненіе свое противъ іезуитовъ: «а тотъ листъ, писанный отъ насъ къ единому брату, имъ-же есмо отчасти отвѣщали противъ тѣхъ іезуитовъ дерзновенія, обороняючи наше правовѣріе, посылаю преписавъ до вашей милости, вмѣсто малаго подарка»... Упоминаемое здѣсь полемическое сочиненіе Курбскаго, повидимому, до насъ не дошло.

VII. *Листъ князя Андрея Курбскаго до Марка, ученика Артемія* [1]). Кто такой этотъ Маркъ, съ точностью сказать трудно. Устряловъ называетъ его Сарыгозинымъ и думаетъ, что это одинъ изъ бѣжавшихъ одновременно съ Курбскимъ изъ Москвы въ Литву [2]). Настоящее письмо къ нему Курбскаго даетъ понять, что отношенія ихъ были близкія,—Курбскій называетъ его «юношею свѣтлыхъ обычаевъ навыкшимъ, братомъ и пріятелемъ своимъ милымъ», и что Маркъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ непосредственное отношеніе къ трудамъ Курбскаго по переводу на славянскій языкъ отеческихъ твореній. Курбскій сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя этимъ переводамъ, говоритъ, что самъ съ этой цѣлью, уже въ сѣдинахъ, много трудился надъ латинскимъ языкомъ, что пріобрѣлъ себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ въ Михаилѣ Оболенскомъ, который подготовлялся къ тому долго за границей, въ Краковѣ и Италіи и который возвратился теперь, называетъ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ, которыя намѣчены имъ къ переводу, прилагаетъ самый реестръ пріобрѣтенныхъ съ этой цѣлью книгъ и затѣмъ обращается къ Марку съ такой просьбой: «яви любовь ко единоплемянной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати на колько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискуству: бо не обвыкли мы, яко азъ, тако и князь Михайло, словенску языку въ конецъ, и того ради боимся пуститися едины, безъ помощи, на такое великое и достохвальное дѣло»... «Искахъ, продолжаетъ

[1]) *Сказанія*, стр. 223—226.
[2]) Ibid., стр. 359, примѣч. 327. Ср. тамъ же примѣч. 290.

Курбскій, помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и ни како-же обрѣтохомъ. Аще ли Богъ тебя принесетъ до насъ, то бы азъ сѣлъ со единымъ бакаляромъ за книгу Павловыхъ эпистолей, бесѣдованныхъ отъ Хризостома, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу, со княземъ Михайломъ, или Григорія Богослова, или Василія Великаго. Посылаю къ вашей милости, въ подарокъ духовный, орацію едину Григорія Богослова, а другое слово Великаго Василія переводу нашего: прошу, иже бы есть принялъ тотъ малый нашъ упоминокъ съ любовію». Переводъ обѣихъ бесѣдъ до насъ не дошелъ; не сохранилось и «предисловіице единой книги своего переводу», которое посылалъ Курбскій Марку и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ. Неизвѣстно, внялъ-ли Маркъ просьбѣ Курбскаго. Разсказывая въ предисловіи на «Новый Маргаритъ» исторію своихъ трудовъ по переводу этого и другихъ отеческихъ твореній, Курбскій ближайшимъ помощникомъ своимъ по этому дѣлу называетъ уже какого-то «юношу Амброжія»: «купилъ книги и умолилъ юношу ко переводу (у него-же внѣшнимъ наукамъ учихся), именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенскій всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, что онъ исправилъ, на семъ свѣтѣ будучи» [1])...

VIII. *Епистолія къ Кадіану Чаплію Андрея Ярославскаго.* «Епистолія» отвѣчаетъ на «широковѣщательный листъ» Чаплія къ Курбскому по религіознымъ вопросамъ и писана «въ Ковлю по рожденіи Іисуса Христа, Сына Божіяго, 1575 г., мѣсяца марта двадесятъ перваго дня». Чаплій былъ зараженъ социніанствомъ и вѣроятно въ духѣ его поучалъ Курбскаго. Курбскій проситъ Чаплія не трудиться наставлять его въ дѣлахъ вѣры, такъ какъ, замѣчаетъ онъ о себѣ, «есмя за благодатію Божіею отъ младости нашей во святыхъ писаніяхъ, по силѣ нашей, научени и утвержени въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, яко проповѣдали пророцы, яко уставили отъ Христа пріемшіи апостоли, не такъ, яко ваша милость..., иже еси отъ мутныхъ источниковъ напоенъ и отъ истиннаго самочинника»... Подъ послѣднимъ Курбскій разумѣетъ какого-то «пана Игнатія», послѣдователя «пана

---

[1]) *Сказанія,* стр. 274—275.

Θеодосія» (вѣроятно, Θеодосія Косого, извѣстнаго еретика, который около этого времени убѣжалъ изъ Москвы въ Литву и вліянію лжеученій котораго, можетъ быть, подпалъ Чаплій).

IX. *Листъ Андрея Ярославскаго до пана Θедора Бокея* [1]). «Листъ» писанъ въ отвѣтъ на посланіе Бокея и выражаетъ радость Курбскаго, что Бокей, «оставя еретическихъ бредней новосмышленія, паче же ни отъ кого свидѣтельствованную нынѣшнюю многоглавую ересь» (соцініанство), обратился опять къ родной православной вѣрѣ. Курбскій не совѣтуетъ ему «ни водворятися, ни во многія розмовы вдаватися съ мужьми нечестивыми и еретичествомъ дышущими» и вообще всячески беречься «отъ таковыхъ псовъ», «расколовъ безвѣрниковъ»...

X. *Листъ второй Андрея Ярославовича до Θедора Бокея* [2]). Писанъ также въ отвѣтъ на письмо Бокея и содержитъ общія нравственныя наставленія и предупрежденія.

XI. *Цидула князя Андрея Курбскаго до пана Древинскаго* [3]). Письмо касается сильно волновавшаго тогда западно-русское населеніе вопроса о введеніи новаго календаря [4]). Древинскій поздравлялъ Курбскаго съ новымъ годомъ. Курбскій заволновался: отъ чего не съ праздникомъ «Обрѣзанія Господня», не съ днемъ Василія Великаго? Только врагъ церкви Христовой могъ принести по-

---

1) *Сказанія*, стр. 237—239.

2) Ibid., стр. 239—240.

3) Ibid., стр. 143—244.

4) 13 февраля 1582 г., папа Григорій XIII обнародовалъ буллу о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Стефанъ Баторій тотчасъ издалъ универсалъ о введеніи его во всемъ польско-литовскомъ государствѣ. Іезуиты съ жаромъ принялись за осуществленіе универсала и произвели сильныя волненія въ средѣ православныхъ. Послѣдніе не принимали этого календаря, такъ какъ онъ совершенно измѣнялъ время церковныхъ праздниковъ; кромѣ того православные боялись, что новый календарь—только предлогъ оторвать ихъ отъ единенія съ восточной церковью. Волненія въ православномъ населеніи, по поводу изданнаго королевскаго универсала, были на столько сильны, что польское правительство сочло лучшимъ сдѣлать уступку и новымъ универсаломъ объявило введенный календарь не обязательнымъ для православныхъ. Попытка введенія въ средѣ православныхъ новаго календаря вызвала цѣлую литературную полемику, не прекращавшуюся долгое время и послѣ. См. объ этомъ у *Преосв. Макарія*, Ист. рус. цер., т. IX, стр. 427—434.

добное поздравленіе,—даетъ онъ понять Древинскому и проситъ его не дѣлать этого впредь.

XII. *Цыдула писана до пана Остафія Троцкаго*, т. е. къ Евстафію Воловичу, каштеляну троцкому [1]). Въ посланіи Курбскій выражаетъ надежду, что п. Остафій наконецъ вернется къ покинутому имъ православію, вѣрѣ своихъ «праотцевъ» и «заткнетъ честныя своя уши отъ инославныхъ ученія», часто прочитывая посылаемыя къ нему (Воловичу) отъ Курбскаго творенія Златоуста... Посланіе писано, вѣроятно, около 1575—1576 гг., во время двухлѣтняго междуцарствія: въ концѣ письма Курбскій упоминаетъ о современномъ «безглавномъ во время интеррегнумъ, сирѣчь между кролей, отечествѣ»...

XIII. *Посланейцо краткое къ Семену Сѣдларю, мѣщанину львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему* [2]). Писано «зъ Мильтовичъ, року 1580, мѣсяца генваря», въ отвѣтъ на «эпистолію» Сѣдларя, желавшаго знать, какъ думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ. Исполняя его просьбу, Курбскій посылаетъ при посланіи переведенную имъ съ латинскаго одну изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла: «Желаніе твое исполнихомъ безъ закосненія»,—пишетъ Курбскій: «не фолгуючи или не щадячи старость и недуги, мнѣ надлежащіе, и прочихъ приключившихся напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій не токмо о семъ реченный виршъ или стихъ, но всю цѣлую бесѣду оную и со нравоученіемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному»... «А схизматикомъ онымъ (іезуитамъ) не показуй того, прибавляетъ Курбскій: бо зѣло сварливы и упрямы»... Вѣроятно, Курбскимъ переведена была и послана Сѣдларю девятая бесѣда Златоуста на посланія Павла; этотъ переводъ Курбскаго не сохранился [3]).

---

[1]) *Сказанія*, стр. 250—251.

[2]) Ibid., 251—252.

[3]) Кромѣ перечисленныхъ доселѣ писемъ Курбскаго, уцѣлѣло еще нѣсколько его посланій или писемъ, но они не имѣютъ никакого почти отношенія къ предмету нашего изслѣдованія и потому мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ. Такъ въ *Посланіи къ Вассіану, старцу псковскому* (напечатано въ „Сказаніяхъ“, стр. 253—255, по списку одного рукописнаго сборника XVII вѣка, указаннаго Строевымъ) Курбскій говоритъ о своихъ напастяхъ и

Послѣ переписки, большой интересъ для мѣстнаго православнаго общества могла представлять *исторія флорентинскаго собора*, написанная кн. Курбскимъ въ Литвѣ [1]). Главнымъ источникомъ для Курбскаго служила въ этомъ трудѣ «Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная», авторомъ которой одни изъ изслѣдователей называютъ острожскаго клирика Василія [2]), другіе Смотрицкаго [3]). Къ своей «исторіи» Курбскій приложилъ *отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви правовѣрной* [4]).

Всѣ перечисленные нами литературные труды кн. А. М. Курбскаго, отражая на себя умственно-религіозное движеніе того общества, среди котораго ему пришлось доживать свой вѣкъ, несомнѣнно въ значительной степени поддерживали и усиливали это дви-

---

между прочимъ сильно нападаетъ на современныхъ иноковъ; въ двухъ другихъ письмахъ къ тому же старцу Вассіану (*Опис. рук. Царскаго*, стр. 577; *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII) ратуетъ противъ вѣры въ апокрифы; въ особой припискѣ, заканчивающей эти письма и приписываемой также Курбскому (*Строевъ*, Опис. рук. Царскаго, стр. 577), рѣчь идетъ *о Скорининыхъ книгахъ новопечатныхъ Полоцкихъ*, а слѣдующее за ними въ томъ же сборникѣ Царскаго посланіе, подъ заглавіемъ: *„Андрей Ивану Многоучвеному отвѣтъ о правой вѣрѣ предлагаетъ“*, направлено противъ католичества и протестантства (Напечатано въ *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII); наконецъ совершенно частный характеръ имѣютъ *два листа кн. Андрея Курбскаго Ярославскаго до княжны Анны Деспотовны Збаражской, старостины кременецкой*, писанные въ 1574 году (*Сказанія*, стр. 255—258) и относятся къ дѣлу объ одномъ бѣгломъ крестьянинѣ, въ укрывательствѣ котораго обвинялся Курбскій.

[1]) *Сказанія*, стр. 261—267.

[2]) *Преосв. Макарій*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 426.

[3]) *Засадневичъ*, Палинодія З. Копыстенскаго, Варшава, 1883 г., стр. 181.

[4]) *Сказанія*, стр. 267—268. Отвѣтъ этотъ, по мнѣнію проф. Петровскаго, есть не иное что, какъ извлеченіе изъ того же „сказанія о Листрійскомъ соборѣ“, сдѣланное, можетъ быть, въ формѣ посланія, но дошедшее до насъ въ испорченномъ спискѣ (*М. П. Петровскій*, Кн. А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его Сказаній. Казань, 1873 г., стр. 50).

Въ Литвѣ же была написана Курбскимъ *Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима*. Сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна Грознаго, отъ дѣтства его до 1578 года. „Исторія“ писана, вѣроятно, около 1577—1578 года. Отсюда же, изъ Литвы, были писаны, какъ извѣстно, и письма Курбскаго къ царю Ивану Васильевичу Грозному.

женіе, бывшее прямымъ послѣдствіемъ загорѣвшейся борьбы южнорусскаго народа съ католичествомъ. Курбскій, какъ мы видѣли, принималъ въ этой борьбѣ живѣйшее участіе и оказалъ ей сильную поддержку. Но болѣе видная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ его современнику и другу, мѣстному русскому князю К. К. Острожскому. Это былъ одинъ изъ могущественныхъ магнатовъ Великаго Княжества Литовскаго и свое вліяніе сохранялъ въ продолженіе полустолѣтія, притомъ въ эпоху особенно богатую событіями общественной, политической и религіозной жизни.

Родъ князей Острожскихъ, черезъ князей Галицкихъ, идетъ отъ св. Владиміра. Благочестіе было въ немъ наслѣдственно; одинъ изъ его представителей, кн. Ѳедоръ, знаменитый въ исторіи своею борьбою за независимость Руси противъ Польши [1]), считается святымъ; подъ конецъ своей жизни онъ постригся въ иноки и мощи его до сихъ поръ почиваютъ въ ряду кіево-печерскихъ угодниковъ [2]). Правнукомъ св. Ѳеодора былъ знаменитый Константинъ Ивановичъ Острожскій, отецъ Константина Константиновича. Ни у одного изъ литовско-русскихъ князей не было въ XVI в. столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ владѣнія состояли изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 670 селеній, кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ и церквамъ. Ежегодные доходы князей Острожскихъ, не считая поземельныхъ оброковъ и податей съ корчемъ и лавокъ, простирались до 1,200,000 злотыхъ. Ихъ дворъ содержался въ царской пышности: служащихъ и жившихъ при дворѣ было до 2000. Явилась даже пословица: «богатъ, какъ Острожскій» [3]). Громадныя богатства давали кн. К. К. Острожскому полную свободу для самой широкой общественной дѣятельности.

Въ противоположность отцу, князь Константинъ Константиновичъ, по замѣчанію одного изъ историковъ, «не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями»; тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи южной Руси велико и равнялось его не-

---

[1]) *Максимовичъ,* Собр. сочиненій, т. I, стр. 165—169; *Костомаровъ,* Рус. ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 536—542.

[2]) Ист. Рос. Іерарх. т. 1, стр. 313; *Филаретъ,* Рус. святые, августъ.

[3]) Временникъ Моск. Общ. ист. и древн. росс., кн. XIV, стр. 38—40, 44; *Максимовичъ,* Собр. сочиненій, т. I, стр. 191.

смѣтнымъ богатствамъ. Выросши въ понятіяхъ феодальнаго государственно-общественнаго строя и имѣя въ своемъ отцѣ Константинѣ Ивановичѣ примѣръ преданности польскому королю и интересамъ государства, съ которымъ южная Русь была въ династическомъ союзѣ, онъ не могъ своимъ умомъ стать выше понятій и порядковъ того времени и не имѣлъ настолько энергіи, чтобы, опираясь на свое высокое положеніе и богатства, положить рѣшительный отпоръ затѣянному на его глазахъ политическому сплоченію литовской Руси съ Польшею и распространенію на нее польско-общественнаго строя. Если онъ одинъ изъ первыхъ протестовалъ на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія Литвы, а тѣмъ болѣе Украйны, Волыни и Подоліи съ Польшей, то въ слѣдъ за тѣмъ, видя рѣшительную волю на это короля и руководившей имъ польской партіи, въ числѣ первыхъ подписалъ актъ этого соединенія [1]). Съ королемъ и дворомъ его связывали фамильныя традиціи, съ польскими магнатами родственныя и общественныя отношенія; къ тому же политика сліянія двухъ народовъ и государствъ, польскаго и литовско-русскаго, шагнула такъ далеко, пустила такіе глубокіе корни, что сторонниковъ ея можно было найти не только между чинами независимой польской партіи, но и между представителями литовско-русской народности, а къ тому времени, о которомъ у насъ рѣчь, дѣйствительное объединеніе было уже въ такомъ положеніи, что оставалась въ жизни обоихъ народовъ не тронутою одна только сторона, различіе въ вѣрѣ, которое теперь чувствовалось больше, чѣмъ когда либо.

При всемъ сочувствіи къ польскому общественно-политическому строю, кн. К. К. Острожскій всегда оставался преданнымъ православію, былъ, по выраженію современниковъ, «отцемъ и благодѣтелемъ Руси, рачителемъ благочестія, окомъ и свѣтиломъ церковнымъ». Православные видѣли въ немъ «вѣрнаго стража дому Божію, самимъ Богомъ избраннаго». Дѣйствительно, Острожскій не жалѣлъ своихъ громадныхъ средствъ на защиту и поддержку родной вѣры, на распространеніе образованія въ западно-русскомъ православномъ обществѣ. Князь велъ непосредственныя сношенія съ восточными

---

[1]) *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, т. I, ст. 103.

патріархами, выписывалъ съ Аѳона книги, которыя могли бы быть полезными православнымъ въ ихъ борьбѣ съ католиками, вызывалъ изъ Греціи ученыхъ для обученія въ устроенной имъ въ Острогѣ высшей школѣ, поручалъ переводить отеческія сочиненія или писать новыя въ защиту православія, заводилъ школы для обученія дѣтей и типографіи для печатанія и распространенія въ обществѣ церковно-богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ. По порученію кн. К. К. Острожскаго, Іовъ Борецкій, «мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добрѣ умѣвый», воспитанникъ львовской школы, впослѣдствіи священникъ и митрополитъ кіевскій, переводилъ съ греческаго языка посланія александрійскаго патріарха Мелетія къ отступнику Ипатію Поцѣю, и діалогъ того-же патріарха о православной вѣрѣ [1]). По мысли и порученію сего-же князя составлено было капитальной важности полемическое сочиненіе: «Апокрисисъ». Особенно важны были для умственнаго пробужденія Руси заводимыя Острожскимъ школы и типографіи. Въ 1572 году открыта была школа въ Туровѣ [2]), въ 1577 г. во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1580 г. школа въ Острогѣ [3]). Вскорѣ затѣмъ открыты были имъ же школы въ Слуцкѣ и въ Кіевѣ [4]). Самой важной изъ этихъ школъ была школа острожская.

Задумавъ основать высшую школу въ Острогѣ, Острожскій обратился прежде всего къ константинопольскому патріарху и извѣщая его о принятомъ намѣреніи, просилъ патріарха прислать ему изъ Греціи способныхъ учителей, обѣщая съ своей стороны вполнѣ обезпечить ихъ во всемъ [5]). Школа была открыта и въ ней учили не только элементарнымъ предметамъ: чтенію, пѣнію, письму, языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому, но и такъ называемымъ «наукамъ вызволенымъ» (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ и пр. [6]). Въ острожскую школу сте-

---

[1]) *Филаретъ*, Обзоръ, § 163.

[2]) *Опис. Рум. Муз.*, стр. 127.

[3]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 149, стр. 205—206.

[4]) *Прав. Соб.*, 1858 г., т. I, стр. 543.

[5]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, стр. 205—206.

[6]) *Грам. въ Акт. зап. Рос.*, т. III, № 157; IV, №№ 18 и 24.

калась масса молодыхъ людей, какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества [1]). Въ числѣ преподавателей острожской школы были такія лица, какъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, человѣкъ широко образованный, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ, и Никифоръ Грекъ, экзархъ константинопольскаго патріарха. Свѣдѣнія о послѣднемъ находятся въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ нимъ, происходившемъ въ 1597 году, вслѣдъ за брестскимъ соборомъ. Здѣсь самъ Никифоръ о себѣ сообщаетъ:.... «далъ о себѣ справу, што есть за человѣкъ, яко былъ въ Падвѣ (Падуѣ) колько лѣтъ лекторомъ наукъ еллинскихъ и грецкихъ, жесь и Польща полна слухами наукъ его; яко зась у Венецыи былъ казнадѣею семь лѣтъ въ церкви грецкой св. Марка, о чомъ много зацныхъ людей знаютъ; а потомъ, вернувшися до Константинополя, зосталъ великимъ протосинкгеломъ патріаршего ѳрону константинопольскаго, и по два кроть былъ справцею столицы патріаршей, чого посвѣтчутъ вси христіяне, а теперь посланъ отъ столицы патріаршей константинопольской тутъ, до славной сдавна епархіи нашей (западно-русской) [2]). По прибытіи въ литовскую Русь въ 1596 году, Никифоръ остановился въ Острогѣ, между прочимъ, «для отправованія наукъ вызволеныхъ» въ острожской школѣ и не смотря на лестныя предложенія Яна Замойскаго, который приглашалъ его въ свой, основанный не задолго до того, коллегіумъ, «тыя науки свои выкладати чужимъ не изволилъ, помнячи на оныя слова Спасителя: «не слушная рѣчь отняти хлѣбъ дѣтемъ и поврещи псомъ».. [3]). Вообще образованныхъ грековъ въ Острогѣ всегда бывало не мало; но, призывая ихъ, Острожскій подготовлялъ и своихъ мѣстныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія, собирая ихъ отовсюду. Не было недостатка и въ книгахъ; пресвитеръ Василій въ своемъ трудѣ пользуется не только обширнымъ собраніемъ твореній отцовъ греческой церкви, но и собраніемъ сочиненій западныхъ и польскихъ писателей [4]). Нѣтъ нужды говорить о великой пользѣ, принесенной шко-

---

[1]) *Прав. Соб.*, 1858 г., т. I, стр. 538.

[2]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 117, стр. 161.

[3]) *Акт. зап. Россіи*, № 149, стр. 213—214.

[4]) *Рус. солов. Библ.* каз. акад., № 603, л. 83, 165, 188, 224 и мн. др.

лами острожской и слуцкой западно-русскому православію, когда бывшій на мѣстѣ іезуитъ Поссевинъ въ свое время замѣтилъ, что съ помощью острожской и слуцкой типографій и школъ схизма расширяется во всѣ стороны [1]). Свою плодотворную дѣятельность острожская школа продолжала и въ XVII вѣкѣ [2]).

Щедротамъ и ревности князя К. К. Острожскаго западно-русская церковь и народъ обязаны основаніемъ типографій въ Острогѣ и Дермани, при дерманскомъ монастырѣ. Въ послѣдней еще при жизни князя было издано нѣсколько богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ книгъ, а главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ пресвитеръ Даміанъ [3]). Что касается первой, то, помимо значительнаго числа богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, ею выпущенныхъ, величайшимъ ея дѣломъ было двукратное изданіе славянской библіи (въ 1580—1581 гг.). Оно было событіемъ не только для юго-западной, но и для всей православной Руси; требовало большихъ предварительныхъ трудовъ и значительныхъ издержекъ и если не чуждо нѣкоторыхъ недосмотровъ и ошибокъ, повторенныхъ и позднѣе въ первопечатномъ московскомъ изданіи Библіи 1663 года, то, кромѣ недостатка ученыхъ средствъ, они оправдываются поспѣшностью, съ которою вели это дѣло издатели, «видяще, какъ замѣчено въ предисловіи къ Библіи, толикъ облежащъ намъ облакъ ругателей различныхъ и многохульныхъ супостатъ».

Вообще за благочестивымъ княземъ не только нельзя не признать весьма важной роли въ исторіи общаго религіознаго возбужденія, происходившаго въ это время въ западно-русскомъ православномъ обществѣ, но должно сказать, что его роль въ этомъ дѣлѣ была первенствующая, по причинѣ великаго образовательнаго значенія для этого общества открытыхъ княземъ школъ и напечатанныхъ въ его типографіяхъ книгъ. Онъ принималъ вообще непосредственное и самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви задолго до объявленія брестской уніи 1596 г. и его голосъ бывалъ иногда

[1]) Supplementum ad historica Russiae monumenta.

[2]) *Лукашевичъ,* Ист. Реформ., стр. 49, 54 (нѣм. изд. 1848).

[3]) *Прав. Соб.,* 1858 г., т. I, стр. 561 и 556—559; *Максимовичъ,* Собр. соч. т. III, стр. 666—672.

сильнѣе голоса самаго короля. Много каѳедръ епископскихъ роздано было по его желанію или съ его согласія. Въ 1572 г. новогродскій подсудокъ Ѳедоръ Евлашевскій выхлопоталъ для своего отца королевскую каѳедру на пинскую епископію; но прошло два года и тотъ, будучи посвященъ, не могъ занять своей каѳедры, пока изворотливый и имѣвшій большія связи сынъ не успѣлъ ублажить князя Острожскаго и испросить его на то согласіе [1]).

До насъ дошло множество писемъ и воззваній князя Острожскаго по дѣлу брестской уніи, показывающихъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Когда ясною стала для него цѣль задуманной уніи, она встрѣтила съ его стороны самый рѣшительный протестъ. Отличаясь всегда высокою толерантностію въ дѣлѣ вѣры, окруженный постоянно выдающимися учеными разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, сносясь съ папою римскимъ и патріархомъ константинопольскимъ, оказывая гостепріимство іезуитамъ и суровымъ отшельникамъ Аѳона, принимая съ радушіемъ представителей протестанства, социніанства и кальвинства и всѣхъ степеней духовныхъ особъ греческаго закона, переписываясь съ магнатами польскими и панами и владыками русскими, даже съ братчиками православными, болѣя самъ душею о непорядкахъ въ русской церкви и разладѣ въ государствѣ вслѣдствіе борьбы національностей и исповѣданій, хлопоча самъ не малое время о примиреніи польско-католической и русско-православной церквей и соединеніи ихъ подъ одною іерархическою юрисдикціею, для чего сносился съ королемъ и примасомъ, съ митрополитомъ Рагозою и владыкою Потѣемъ, либеральнѣйшій доселѣ князь, терпѣвшій нерѣдко даже укоры за свою толерантность, сталъ теперь твердъ, какъ адамаитъ, ополчился всѣми силами своего ума, образованія, положенія и вліянія на защиту церкви родной, обманомъ и насильствомъ приводимой въ подчиненіе римскому престолу. Извѣстно его горячее и мужественное участіе въ дѣлахъ брестскаго собора 1596 г., на которомъ рѣшено было объявить унію церквей, искусно задуманную и проведенную іезуитами, подкрѣпленную всѣми силами польскаго правительства и общества и принятую всѣми безъ исклю-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1886 г., январь, стр. 135.

ченія русскими епископами съ митрополитомъ во главѣ. Ободренные его присутствіемъ, оставшіеся вѣрными православію представители духовенства, дворянства и братствъ сгруппировались около своего покровителя, на ихъ сторону стали двое русскихъ владыкъ, подписавшихся раньше на унію и на объявленіе противной стороны о соединеніи провозглашено было, при участіи патріаршаго протосинкела, низложеніе отступниковъ-владыкъ и полное отдѣленіе отъ нихъ и отъ союза съ Римомъ русской православной церкви. Если чему она обязана своимъ спасеніемъ въ эту роковую минуту, то прежде и болѣе всего доминировавшему надъ всѣми и всѣмъ авторитету благовѣрнаго князя Константина и пробужденному главнымъ образомъ его просвѣтительною дѣятельностію образованію въ западно-русскомъ духовенствѣ и обществѣ, сознанію чистоты и святости своей вѣры и самобытности своей народности.

Князь К. К. Острожскій умеръ въ глубокой старости въ 1608 г., не переставая до конца жизни своей поддерживать заведенныя имъ и другими школы, типографіи и братства, благодѣтельствовать монастырямъ и церквамъ, противупоставлять преграды распространенію уніи, поддерживать бойцевъ за цѣлость вѣры родной. Не въ его силахъ, не въ силахъ всего даже русскаго общества было остановить въ короткое время зло, подготовленное вѣками. Великій ревнитель и защитникъ православія пережилъ отступленіе родныхъ своихъ дѣтей отъ вѣры и языка отцевъ; но посѣянныя имъ сѣмена возросли и принесли свой плодъ, просвѣщеніе дѣлало быстрые успѣхи въ южно-русскомъ народѣ, на смѣну богатыхъ и вліятельныхъ пановъ, постепенно переходившихъ въ католичество, выступилъ цѣлый рядъ убогихъ, но сильныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія, выдерживавшихъ жестокую борьбу за неприкосновенность вѣры и народности русской, пока на защиту ихъ не выступила непримѣтно выросшая грозная козачая сила, поколебавшая въ основѣ съ великими усиліями и искусствомъ задуманное и веденное дѣло польско-русскаго объединенія, точнѣе поглощенія Руси Польшею.

Такъ южная Русь пробудилась и прозрѣла отъ той самой борьбы, которая, казалось, должна была погубить ее на вѣки!

А. Архангельскій.

МАЛОРУССКІЯ ПЬЯНИЦКІЯ ПѢСНИ.

Довольно затруднительно опредѣлить простонародный взглядъ на пьянство, сказать, кто преимущественно пьетъ въ селѣ и, главное, почему, въ силу какихъ житейскихъ условій пьетъ до излишества. Въ литературѣ встрѣчаются болѣе или менѣе цѣнныя наблюденія надъ строемъ крестьянской жизни вообще, надъ формами проявленія пьянства и причинами его вызывающими въ частности, наблюденія, сдѣланныя интеллигентными людьми, по отдѣльнымъ явленіямъ и случаямъ, иногда сквозь призму воззрѣній и убѣжденій культурнаго класса общества. Нельзя не признать всей пользы и цѣнности изученія народной жизни по бытовымъ явленіямъ или по статистическимъ даннымъ, особенно въ томъ случаѣ, когда изученіе это идетъ со стороны такого проницательнаго и сильнаго литературнаго таланта, какъ Г. И. Успенскій. Желательно, однако, послушать самихъ крестьянъ, въ частности разузнать ихъ коллективное мнѣніе о значеніи водки и шинка въ сельской жизни. *Audiatur et altera pars*. Правда, эта громадная и таинственная *pars* не выражаетъ своихъ мнѣній, нуждъ и желаній въ періодической печати, преимущественно, по безграмотности, отчасти по опасливости подавать свой голосъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ «командующіе классы» общества. Но у народа, простаго народа есть свои формы и способы выраженія общественнаго мнѣнія—пѣсня, поговорка, сказка. Безъискусственная народная поэзія представляетъ отличное средство ознакомленія съ своеобразнымъ и замкнутымъ крестьянскимъ міромъ. Въ народной поэзіи съ одной стороны обнаруживаются идеальныя представленія народа, другими словами, природа и люди

представляются такими, какими они должны быть по воззрѣніямъ лучшихъ людей, во всемъ блескѣ красоты и нравственнаго совершенства, съ другой стороны обнаруживается современная бытовая дѣйствительность, со всѣми ея слабостями и недостатками, какъ историко-культурный продуктъ всей прошлой духовной и бытовой жизни народа. Идеальныя и реальныя черты въ пѣсняхъ перепутаны, перемѣшаны, но не въ такой степени, чтобы, при нѣкоторой опытности въ обращеніи съ народно-поэтическимъ матеріаломъ, нельзя было ихъ разобрать и разгруппировать, разумѣется, въ главныхъ, крупныхъ очертаніяхъ. Мелкія краевыя черты почти неуловимы, по многимъ причинамъ: во первыхъ, въ самой поэзіи лежитъ начало обобщенія, подведенія подъ извѣстный уровень народнаго пониманія и чувства отдѣльныхъ, личныхъ, субъективныхъ духовныхъ проявленій и мелкихъ краевыхъ чертъ быта; во вторыхъ, многое не договорено самими сборниками народныхъ пѣсенъ и обрядовъ, большею частью устарѣлыми и въ значительной степени хаотичными относительно распредѣленія заключающагося въ нихъ пѣсеннаго матеріала.

Въ сборникахъ малорусскихъ и галицкихъ пѣсенъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, де-Воллана, Лоначевскаго разбросано много корчемныхъ и пьяницкихъ пѣсенъ. Въ V томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» Чубинскаго, во 2 и 3 томахъ «галицкихъ и угорскихъ пѣсенъ» г. Головацкаго и во 2 томѣ «Pokucie» г. Кольберга пьяницкія пѣсни выдѣлены въ особые отдѣлы; у Чубинскаго въ отдѣлѣ пьяницкихъ пѣсенъ находится 35, у г. Головацкаго 15, у г. Кольберга 21 пѣсня. Далеко однако не всѣ пьяницкія пѣсни вошли въ эти отдѣлы. Много пѣсенъ этого рода разбросано въ другихъ отдѣлахъ сборниковъ, преимущественно въ отдѣлахъ пѣсенъ семейно-родственныхъ и свадебныхъ; двѣ вполнѣ пьяницкія пѣсни въ сборникѣ Чубинскаго попали даже въ отдѣлъ веснянокъ. Найболѣе характерныя галицко-русскія пьяницкія пѣсни находятся въ сборникѣ г. Головацкаго внѣ отдѣла корчемныхъ и пьяцкихъ пѣсенъ. Вообще, невозможно полагаться на отдѣлы въ сборникахъ пѣсенъ, изучая какое-нибудь бытовое явленіе по даннымъ народнаго пѣснотворчества. Многое цѣнное и важное въ такомъ случаѣ уйдетъ отъ вниманія изслѣдователя. Волей-неволей приходится по каждому отдѣль-

ному вопросу пересматривать цѣлые сборники, отъ доски до доски, и только послѣ такого пересмотра представляется возможность говорить съ нѣкоторой рѣшительностью и судить съ нѣкоторой, нельзя сказать большой, увѣренностью объ отдѣльныхъ явленіяхъ народнаго пѣснотворчества.

Пьяницкія пѣсни не представляютъ историко-литературнаго интереса. Ихъ нельзя поставить въ родство съ обрядными или историческими пѣснями. Въ нихъ почти совсѣмъ не оказывается чертъ вліянія письменности. Въ то время, какъ въ до-петровской московской Руси было много наставительныхъ сочиненій о вредѣ пьянства (Повѣсть о хмѣльномъ питіи, Повѣсть о высокоумномъ хмѣлѣ, Повѣсть о Горѣ-злочастіи, Слово объ упьянчивыхъ и др.), въ Малороссіи XVI и XVII стол. эта отрасль литературы была совсѣмъ неразвита, почти вполнѣ отсутствовала. Сколько намъ извѣстно, только въ одной галицко-русской пѣснѣ изъ гористаго коломыйскаго округа встрѣчается апокриѳическая черта: «дѣтька (т. е. чортъ) коло вынныць своимъ зѣльемъ заправляе горѣвку для пьяницъ» (Голов., т. II, стр. 466). Немногія пьяницкія пѣсни представляются интересными съ художественной точки зрѣнія, и притомъ почти исключительно малорусскія пѣсни. Галицко-русскія пьяницкія пѣсни отличаются длиннотой, безцвѣтностью и, за весьма немногими исключеніями, безсодержательностью, какъ продуктъ творчества людей съ помутившимся сознаніемъ. Между малорусскими пьяницкими пѣснями встрѣчается нѣсколько пѣсенъ, превосходныхъ по законченности, задушевности, силѣ чувства, и пѣсни этого разряда представляются продуктомъ творчества людей вполнѣ трезвыхъ, преимущественно женщинъ, натерпѣвшихся горя отъ пьяницъ мужей. Главный интересъ при ознакомленіи съ пьяницкими пѣснями возбуждаетъ ихъ жизненность, реальность, бытовая правдивость. Въ нихъ разбросаны черты деревенской злобы дня, иногда крупныя, часто мелкія, почти всегда характерныя. Народное своеобразіе пьяницкихъ пѣсенъ обнаруживается въ выборѣ и сочетаніи бытовыхъ мелочей. Если сравнимъ, напримѣръ, малорусскія и галицко-русскія пьяницкія пѣсни въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга съ польскими пьяницкими пѣснями въ «Lud» Кольберга (т. I, стр. 152, т. IV, стр. 57—59; т. VI, стр. 180—186), то въ тѣхъ и другихъ замѣтимъ массу мелочей различнаго свойства, при-

чемъ у малороссіянъ отдается предпочтеніе однѣмъ мелочамъ, положимъ, перечисленію пропиваемыхъ предметовъ хозяйства, у поляковъ—другимъ мелочамъ, положимъ, обрисовкѣ отношеній пьянаго человѣка къ своей кумѣ, его шатанія. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями, сколько можно судить по сборникамъ Головацкаго и Кольберга, обнаруживается болѣе сходства по содержанію, чѣмъ между пьяницкими пѣснями галицко-русскими и малорусскими. Малорусскія пьяницкія пѣсни вообще короче, выразительнѣе, задушевнѣе галицко-русскихъ и польскихъ. Въ особенности большое сходство между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями обнаруживается въ многочисленныхъ пѣсняхъ о пьянствѣ и интимныхъ отношеніяхъ кума и кумы, и въ этомъ отношеніи польскія пѣсни, повидимому, оказали вліяніе на галицко-русскую поэзію, внесли въ нее типъ пьющихъ и развратныхъ кумовьевъ.

Согласно со всеобщимъ распространеніемъ и важнымъ значеніемъ водки и шинка въ народномъ бытѣ, объ нихъ часто говорится въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ, присловьяхъ. Съ мыслью о горѣлкѣ не всегда въ народной поэзіи связывается выраженіе чего-либо дурнаго, безнравственнаго. Какъ въ жизни, такъ и въ отраженіи ея—поэзіи водка является только какъ «горилка-говорушечка» безъ нравственнаго паденія пьющаго, а въ такомъ случаѣ и «чарочка-чепурушечка», «фляшечка-потишечка».

Простолюдины пьютъ большею частью въ большіе праздники или при важныхъ случаяхъ семейной жизни. Такъ, на Рождество Христово колядовщики просятъ за спѣтую «колядочку бочку пива, бочку не бочку хоть коновочку, а зъ коновочки хоть кватиречку, а зъ кватиречки хоть порціечку» (Голов., т. III, стр. 123). На Свѣтлый праздникъ пьютъ, потому что, какъ говорится въ одной галицкой коломыйкѣ:

Ты, Господи милосердный, Господи ласкавый,
Якій-же то день веселый, якъ йдуть зъ пасками.
(Kolberg, т. II, стр. 240).

Жнецы по окончаніи полевыхъ работъ напоминаютъ хозяину поля, что ихъ нужно угостить, ибо не даромъ они потрудились надъ широкой нивой и свили изъ колосьевъ для хозяина вѣнокъ (Голов.,

т. III, стр. 195). За угощеніе жнецы славятъ хозяина, особенно усердно славятъ за щедрое угощеніе, когда «вся челядойка пьяна» (Голов., т. III, стр. 201).

Пьютъ водку на родинахъ, «щобъ диты росли». На крестинахъ «бабусенька гости садовить, пляшку зъ горилкою ставить, частуе, пріймае и хрещеного сына выхваляе» (Чубинскій, т. IV, стр. 11). На свадьбахъ пьютъ сильно, съ разными прибаутками и поговорками, «щобъ молоди любились, а старихъ щобъ и коломъ не розважити» (Номисъ, т. II, стр. 605). Пьютъ на похоронахъ и на поминкахъ «помершимъ на царство, а живымъ щобъ здоровья, та зъ неба дощъ, та хлибъ, та цвитъ, та всячину» (Номисъ, т. II, стр. 608).

Въ думахъ выраженіе «пить горѣлку» представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis*, равно какъ и въ былинахъ «пить чару вина въ полтора ведра»—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокуренія въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: «въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку» (Голов., т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ «фляшку съ горилкою» (Гол., т. I, стр. 7). Коновченко «рано ранесенько горѣвки ся напиває», и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться; потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (Гол., т. I, стр. 11). Вообще, по даннымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Савва Чалый по случаю рожденія сына (Голов., т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (Ант. и Драг., Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда питье водки представляется своего рода вознагражденіемъ за трудъ и за исключеніемъ

такихъ отдѣльныхъ и важныхъ событій въ жизни человѣка, какъ крестины и свадьба, когда пьютъ отъ полноты веселья, питье водки, переходящее въ пьянство, до потери сознанія, строго порицается народной моралью, что видно изъ произведеній народнаго творчества. Сюда относятся такія поговорки: «Пий та ума не пропивай»; «Дай, Боже, пить та не напиваться»; «За чарку то и за сварку»; «Прощай, розуме, якъ зъ горилкою зустрився»; «Пьяный—що дурный»; «Горилка—здоровью злодійка»; «Хмиль до лихого людей зводить» (Номисъ, стр. 224). Въ особенности много проявленій отрицательнаго отношенія народа къ пьянству находится въ семейно-родственныхъ, корчемныхъ и пьяницкихъ пѣеняхъ. Въ малорусскихъ и галицкихъ пѣсняхъ встрѣчается, между прочимъ, любопытное замѣчаніе, что водка сокращаетъ жизнь человѣка, причемъ обнаруживается свойственная простому народу идеализація старины:

Люде давно старосвѣцки
Горѣвки не пили,
По сто годовъ по пятьдесятъ
Та на свѣтѣ жили.
Але теперь, якъ узяли
Дуже напивати,
То по сорокъ исповна
Не будутъ тревати (Гол., т. II, стр. 466).

Можно собрать пять, шесть пѣсенъ, обрисовывающихъ такое положеніе семьи, когда мужъ и жена становятся пьяницами. Въ пѣсняхъ подобнаго рода обнаруживается игривое настроеніе духа пѣвца, иронія, насмѣшка. Пропивши имущество, мужъ и жена отправляются домой въ сознаніи, что далѣе имъ не на что уже пить и что люди надъ ними смѣются (Чубин., т. V, стр. 637). Подобнаго рода пѣсенный мотивъ вошелъ въ стихотвореніе Т. Шевченка «Тарасова ничъ».

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ большею частью изображается пьянство одной стороны, мужа или жены, причемъ другая сторона, не пьющая, почти всегда оказывается въ горемычномъ положеніи. Число пѣсенъ, изображающихъ пьянство женщинъ, незначительно въ сравненіи съ числомъ пѣсенъ о мужьяхъ пьяницахъ. Въ обоихъ случаяхъ получается одинаково печальная картина семейнаго разлада и разоренія.

Въ пѣсняхъ о мужѣ пьяницѣ прежде всего обращаетъ вниманіе горемычное положеніе его жены. Бѣдная женщина нарекаетъ на свою мать (Чуб., т. V, стр. 591, 624) или на отца. Въ одной пѣснѣ мужъ говоритъ женѣ, что ея отецъ заболѣлъ и проситъ воды; жена даетъ такой жесткій отвѣтъ:

Хоть най бажыть, хоть най умре;
Мени за нимъ жаль не буде:
Давъ-же мене, еденыцю,
Давъ-же мене за пьяныцю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Разумѣется, жалоба на родителей возможна въ томъ случаѣ, когда они побуждали дочь выйти за пьяницу. Иногда женщина сознается, что она сама всему виной: послушалась, поддалась своему сердечному увлеченію, и тогда она обвиняетъ только себя:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гультяя.
Гультяй не робыть, тилько пье,
Прійде до дому, мене бье.
Не виненъ отець и мати,
Не силовали мене оддати.
(Чуб., т. V, стр. 217; де-Волланъ, стр. 85).

Добре мени говорила небижчечка матка:
Не йди, доню, за такого, що на бакиръ шапка.
А я матки не слухала,
Сама-жъ биду напитала,
Теперъ пропаду! (Чуб., т. V, стр. 1092).

Не лай мене, моя мати,
Николи, ни за що,
Полюбила козаченька
Пьяныцю й ледащо,
Ледачого й батька;
Тилько его роскрасила
Що сивая шапка (Чуб., т. V, стр. 206).

Въ слѣдующей пѣснѣ находится выразительное описаніе неутолимой жажды пьяницы, его разоренія, горемычнаго положенія его жены и дѣтей:

Приходить до коршмоньки та сперся на фляшку,
А вси боги укладае въ арендарьску ласку:
«Арендару-господару, дай горилки на що маю,
Дай, горилки, дай!»
Стоить жинка пидъ викномъ та жалибно плаче;
—«Не плачь, не плачь, бисновата, не буде иначе.
Тоби ся тымъ не журитися;
Людямъ на то не дивитися:
Жидъ волы возьме!»
—Бодай тебе перунъ забывъ темненькои ночи;
Плачуть диты, выглядають темненькои ночи.
Плачуть диты, выглядають зъ коршмы идучи.
«Цытьте диты; идить на пичъ;
Я самъ бачу на васъ драння,
А горилку пью» (Чуб., т. V, стр. 1091).

Потребна большая сила словеснаго творчества, чтобы изъ такихъ мелкихъ бытовыхъ чертъ, какъ просьба пьяницы дать ему водки, проклятіе его жены, слезы дѣтей, создать яркую жанровую картинку.

Къ числу превосходныхъ пьяницкихъ пѣсенъ, обрисовывающихъ положеніе жены, у которой пьяница мужъ, слѣдовало-бы отнести помѣщенную въ «Запискахъ о южной Руси» П. А. Кулиша думу «Корчма, корчма, княгине?», если-бы не возиикало сомнѣніе въ простонародности этой думы. И въ цѣломъ составѣ думы, и въ отдѣльныхъ ея подробностяхъ обнаруживаются черты сочинительства, искуснаго личнаго творчества по даннымъ народной поэзіи. Отличительная особенность вполнѣ народныхъ пѣсенъ состоитъ въ типичности и простотѣ, отсюда въ значительной распространенности отдѣльныхъ ихъ мотивовъ, выраженій, эпитетовъ, сравненій, уподобленій, взятыхъ изъ внѣшней природы образовъ. Даже въ устарѣвшихъ и въ забытыхъ думахъ не все устарѣло и не все забыто. Отдѣльные ихъ образы и мотивы пристали къ другимъ пѣснямъ и живутъ въ нихъ въ измѣненномъ видѣ. Дума о корчмѣ по отдѣльнымъ подробностямъ представляетъ въ народной поэзіи исключительное явленіе. Нельзя сказать, чтобы народной поэзіи было чуждо общее содержаніе думы. Въ старинномъ сборникѣ пѣсенъ Ж. Паули (т. II, стр. 85) на-

ходится подобная пѣсня, «Стоить корчма надъ болотомъ» (у Голов., т. III, стр. 522), только очень простая, съ примѣсью шутки пропойцы надъ самимъ собою. Такъ какъ эта пѣсня, можетъ быть, послужила отчасти источникомъ для неизвѣстнаго автора въ дѣлѣ сочиненія думы о корчмѣ, то не лишне будетъ привести ее здѣсь цѣликомъ:

Стоить корчма надъ болотомъ,
Не пошита околотомъ:
«Ты, корчмонько, судотыне!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы'мъ тя злотомъ побивъ,
Тилько'мъ праци въ тобѣ пропивъ!
Пропивъ вивци въ полонинѣ,
Тысменицю въ половинѣ (?),
Ще маю въ Бозѣ надѣю,
Що пропью мѣсто Отынѣю!

Еще болѣе сходства съ думой «Корчма, корчма, княгине!» имѣетъ старинная козацкая пѣсня въ V т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр. 334. Здѣсь выступаетъ козакъ Нетяга въ плохой одеждѣ. Нетяга «поихавъ въ війско охотнее», а жена въ его отсутствіе распилась. Возвратившись домой, Нетяга «махавъ пугою» на жену и «поробивъ по пидъ-очима сине». Жена объясняетъ своимъ знакомымъ синеву подъ глазами тѣмъ, что въ хлѣву зашиблась о ключину. Эта козацкая пѣсня записана въ харьковской губерніи и почти также проста, какъ и галицко-русская пѣсня о корчмѣ судотынѣ. Въ думѣ о корчмѣ на первыхъ порахъ вызываетъ недоумѣніе читателя самое наимененованіе корчмы княгиней, чуждое народной поэзіи. Въ народныхъ пѣсняхъ княземъ называется мѣсяцъ, княгиней дѣвушка-невѣста. Вообще, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ никакого особеннаго наименованія корчмы, нѣтъ даже попытокъ къ ея олицетворенію или воплощенію въ извѣстный образъ, за исключеніемъ только-что приведеннаго галицко-русскаго наименованія корчмы «судотыной», т. е. щеголихой, отъ польскаго sudanny—стройный, гибкій, щегольской. Въ думѣ о корчмѣ выраженіе «судотыня» замѣнено выраженіемъ «княгине» или потому, что передѣлыватель пѣсни не понялъ перваго выраженія, или потому, что имѣлъ подъ

руками такой варіантъ народной пѣсни, гдѣ не было ироническаго сопоставленія предполагаемой щеголеватости корчмы и бѣдности ея посѣтителей, или потому что далѣе понадобилось добавленіе, что корчма «неошатно ходитъ». Далѣе собственное имя козака Нетяга замѣнено нарицательнымъ собирательнымъ козаки-нетяги. Въ результатѣ получилась такая редакція первой части думы:

Гей, корчмо, корчмо, княгине,
Чомъ то въ тоби козацького добра багато гине?
И сама еси неошатно ходишъ,
И насъ козакивъ-нетягъ пидъ случай безъ свитокъ водишь.

Здѣсь подозрительно еще выраженіе «пидъ случай». Въ народной поэзіи рѣдко встрѣчаются ограниченія и оговорки, ими обилуетъ рѣчь осторожнаго интеллигентнаго человѣка. Далѣе дума гласитъ:

Знати, знати, козацьку хату
Скризь десяту.
Вона соломою не покрыта,
Приспою не осыпана;
Коло-двора нечиста-ма и кола,
На дривотни дровъ ни полина.
Седить въ ней козацька жинка, околила.
Знати, знати козацьку жинку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полоникомъ диты напувае!

Тутъ много мелочей, отзывающихся искусственностью, авторствомъ. «Скризь десяту» въ народныхъ пѣсняхъ не встрѣчается. «На дривотни дровъ ни полина»—не характерная черта въ народномъ бытѣ и чужда народной поэзіи. Топятъ рѣдко дровами, большею частью мелкимъ хворостомъ, который можно ломать руками или о колѣно, на югѣ Россіи почти исключительно соломою и кизякомъ. Вообще, во всемъ строѣ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ думы обнаруживается нѣкоторая искусственность, преувеличеніе, одностороннее развитіе сюжета. Невольно возникаетъ мысль о поддѣлкѣ или, точнѣе сказать, тенденціозной передѣлкѣ народной пѣсни.

Къ тому-же, въ старинное время, лѣтъ сорокъ назадъ, сильно была распространена наклонность къ поддѣлкѣ народныхъ пѣсенъ, даже среди ученыхъ людей. Недавно стало извѣстно, что и М. А. Максимовичъ занимался подобнаго рода сочинительствомъ.

Пьянство мужа находится иногда въ связи съ его распутствомъ. Такъ, въ одной галицкой пѣснѣ (у Кольберга, т. II, стр. 232), мужъ въ присутствіи своей жены пьетъ съ кумой водку, любезничаетъ съ ней, приказываетъ женѣ постлать для него и кумы постель.

Гдѣ пьянство, тамъ брань и драка. «На пидпитку нема спинку». «Видъ пьяного полы врижъ та втикай» (Номисъ, стр. 224). Бьютъ пьяницу, чаще всего бьютъ такіе-же пропойцы, «милъ-сердечные» его друзья (у Чуб., т. V, стр. 1088). Большею частью бьетъ самъ пьяница, бьетъ прежде всего свою ближайшую помощницу и опору семьи, свою жену. И жена изливаетъ свое горе въ пѣснѣ о своей «красѣ уродливой—долѣ несчастливой». Въ пѣсняхъ находятся даже подробности битья жены мужемъ пьяницей. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слѣдующія двѣ пѣсни:

.... А мій милый у лиженьку лежить,
Мени мати розувати велить:
«Розуй, розуй, моя донечко,
Щобъ не вдаривъ та въ головочку».
—А вже мени, моя мамцю, та й не першина
Черезъ плече та й черемшина;
А вже мени, моя мати, не першій разокъ
Черезъ плечи дротяненькій батижокъ
(Чуб., т. V, стр. 592).

—

.... Вдаривъ милу по плечи,
Та й по билому лици,
Ажъ полилась кровь червона
По шитому рукавци.
Не жаль мини шитыхъ квитъ,
Якъ жаль мини моихъ литъ:
Шиты квиты отперутся,
Лита-жъ мои не вернутся (Чуб., т. V, стр. 584).

Въ двухъ, трехъ пѣсняхъ отмѣчено бѣгство жены отъ пьянаго и буйнаго мужа:

Ой мій чоловикъ та пьяниця;
Ой якъ напьется, то й не тямится.
Ой якъ иде зъ корчмы та выкрикае,
А не мени тило та потерпае...
Пидъ стрихою ничъ ночувала,
Охъ у дуплахъ не идну стояла.
Ой бида-жъ мени та съ такимъ мужемъ,
Що винъ не вьяже та штаны гудземъ.
(Чуб., т. V, стр. 1091).

—

Винъ въ двери—я утикаю;
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю;
До мисяца розмовляю.
Винъ до мене каменемъ,
Я дальше утикаю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Подобнаго рода дикая расправа съ женой не въ малороссіянина и строго осуждается народной моралью. Даже пьяница на другой день послѣ кулачной расправы съ женой чувствуетъ угрызеніе совѣсти и старается загладить свой проступокъ ласковыми словами или поднесеніемъ женѣ меду. Такъ, въ пѣснѣ:

Та не бий мене, мій миленькій, якъ ты пьянъ,
Бо на другій день буде тоби мене жаль;
Якъ я буду у постелюшки лежать,
А ты будешь стаканъ меду держать:
«Та встань, мила» (Чуб., т. V, стр. 581).

Въ Малороссіи большею частью мужъ подчиняется женѣ, ея нравственному вліянію. Вообще, замужняя женщина въ Малороссіи пользуется значительнымъ почетомъ. Даже дѣвицы не братаются съ молодицами, по уваженію къ нимъ, и зовутъ ихъ или вообще паниматками или непремѣнно по отчеству; равно и посторонніе мужчины относятся къ замужней женщинѣ съ уваженіемъ. Характернымъ выраженіемъ общесознаваемаго у малоруссовъ права замужней женщины на уваженіе служатъ разсказы и пѣсни о томъ, какъ «била жинка мужика, за чуприну взявши». Любопытнѣе всего здѣсь то, что жена бьетъ мужа не по самоуправству, а по приговору

всей громады, и притомъ бьетъ за ту провинность, что мужъ не поклонился ей, «шапочку изнявши». Мотивъ этотъ перешелъ и въ лубочныя картинки. Вліяніе замужней малорусской женщины на мужа въ значительной степени обусловлено общимъ превосходствомъ малорусской женщины надъ мужчиной малороссомъ по силѣ характера. «Малорусская женщина, говоритъ Чубинскій (т. VII, стр. 354), положительно стоитъ выше мужчины во всѣхъ отношешеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, являлась не разъ активнымъ членомъ общества... Во время крестьянскихъ движеній женщины не только одобряли, но и дѣйствовали... Бывали случаи, что когда дѣлались экзекуціи надъ крестьянами, то женщины становились впереди мужчинъ. И военному начальнику приходилось часть отряда употреблять на то, чтобы окружить женщинъ и не допускать ихъ вмѣшательства»... На волостной судъ и даже на мировой женщина иногда является съ мужемъ, чтобы защищать его или просить за него. Подчиненіе малоросса женѣ прекращается, лишь только онъ подопьетъ. Идея личности и чувство собственнаго достоинства, проникающія малоросса, въ моментъ его опьяненія выражаются угловато, грубо; въ результатѣ получается, что малороссіянинъ во время опьяненія дѣлается раздражительнымъ и ворчливымъ. Онъ усматриваетъ въ такомъ случаѣ въ своихъ сосѣдяхъ, знакомыхъ или родственникахъ тайныхъ недоброжелателей, бранитъ и даже бьетъ свою жену и дѣтей.

Нерѣдко бываетъ такой злополучный складъ семейной жизни, когда на одной сторонѣ, мужа или жены, находятся всѣ данныя для счастливой семейной жизни, тогда какъ другая сторона всѣмъ складомъ своего характера, всѣми своими привычками и наклонностями тянетъ къ разладу и разоренію. Въ малорусскихъ и галицко-русскихъ народныхъ пѣсняхъ иногда обнаруживается сильный порывъ женскаго любящаго сердца, порывъ, обусловливаемый такимъ трагическимъ стеченіемъ обстоятельствъ, когда мужъ—человѣкъ никчемный, негодный, горькій пьяница, буйный гуляка и драчунъ, и при всемъ томъ жена горячо его любитъ и ищетъ его любви, его нравственнаго исправленія. Сюда относится, напримѣръ, слѣдующая галицкая пѣсня:

Кобы'сь не пивъ, мене не бивъ,
Ябъ тебе любила,

Я бы тоби, шо суботы,
Головоньку змыла;
Змыла бы'мъ головоньку,
Змыла, росчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала (Голов., т. II, стр. 210).

Что дѣлать горемычной женѣ пьяницы среди тяжелой семейной обстановки? гдѣ находится для нея выходъ къ лучшему? гдѣ и въ чемъ, по крайней мѣрѣ, она ищетъ утѣшенія?

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали «великія разницы и раздоры»,—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакаго повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, независимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили «въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и не маючи добраго мешканя межъ собою», тогда они «одинъ другаго зъ стану малженскаго выпускали» (Загоровскій, о разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу «разлучные листы», опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили «разлучный листъ» въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ; каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало-по-малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (Маячанець, Про шлюбъ на Украини, въ «Зорѣ» 1884 г. № 18).

Малорусскій народъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ времени, когда можно было разойтись, «не маючи добраго мешканя», особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавнею пѣснею:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою!...
Ой пиду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо нароблю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама пиду до роду,
Зъ родомъ не загину!»

(Маячанець, въ «Зорѣ», 1884 г. № 18, стр. 211).

Обиженная мужемъ жена обращается съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ къ сельской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разсчитывать на защиту со стороны этой власти. Такъ, въ галицко-русской пѣснѣ жена, обиженная пьянымъ и развратнымъ мужемъ, въ то время, когда мужъ ея въ пьяномъ видѣ улегся спать съ кумою, говоритъ:

Ой побигла'мъ та до війта,
Та й заголосила:
Пане, війте, началныку!
Дай же мыни раду,
Бо я зъ своимъ чоловикомъ
На вики пропаду.
Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Стали на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якже ихъ закували,
Въ фурдыгу замкнули,

Та щобы си кума зъ кумомъ
Въ купи си набули.
А мій милый, чернобривый,
Плаче та голосить,
Щире винъ си изъ арешту
До домочку просить...

(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 233).

Въ какой степени распространенъ въ народѣ обычай жены, обиженной пьянствомъ и побоями мужа, обращаться съ жалобой въ волостной судъ и какія въ такомъ случаѣ мѣры наказанія примѣняются къ виновному, обо всемъ этомъ можно судить по извѣстнымъ въ печати рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, въ данномъ случаѣ преимущественно по VI тому «Трудовъ этногр.-стат. экспед. въ зап. рус. край», стр. 240—245. Такъ, волковыйскій судъ дубенскаго уѣзда волынской губерніи въ 1863 г. слушалъ жалобу крестьянки Фиглюковой на мужа и приговорилъ Фиглюка за пьянство и причиненіе побоевъ женѣ двухсуточному аресту на хлѣбъ и воду (§ 303). Таганчскій судъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи въ 1868 г. приговорилъ наказать двухъ крестьянъ за пьянство и блудную жизнь, давши каждому по 15 ударовъ розгами (§ 306). Тотъ же судъ наказалъ крестьянина Горшкодера за блудную жизнь двумя ударами розогъ и внушилъ ему притомъ жить съ законною женою (§ 307). Иногда мужъ за пьянство и блудную жизнь подвергается штрафу въ нѣсколько рублей въ пользу общества и отдается подъ надзоръ сельскаго старосты (§ 311).

Нужно имѣть слишкомъ высокое мнѣніе о волостномъ судѣ, чтобы признать въ немъ достаточную ограду крестьянской жены отъ пьянства и побоевъ мужа. Волостное начальство и само не безгрѣшно по части неумѣреннаго употребленія горѣлки, и зачастую судебные приговоры опредѣляются могорычемъ. Развѣ совсѣмъ пропащій человѣкъ, горькій пьяница подвергнется надлежащему осужденію и должной карѣ. Человѣкъ юркій, имѣющій пріятелей, не будетъ опасаться волостнаго суда. Не всякая жена, даже при крайне плохомъ складѣ семейной жизни, при пьянствѣ и побояхъ со стороны мужа, рѣшится нести свое семейное горе на площадь, кланяться старшинѣ, просить волостное начальство.

Любовь къ дѣтямъ иногда даетъ горемычной женѣ пьяницы силу превозмочь семейныя нестроенія. Женщина въ такомъ случаѣ доходитъ даже до сознанія святости выпавшаго на ея долю тяжелаго жизненнаго креста, и несетъ свой крестъ терпѣливо, сознательно, не теряя любви даже къ виновнику ея бѣдствій, пьяницѣ мужу. Такое сознаніе, между прочимъ, выразилось въ слѣдующей превосходной малорусской пѣснѣ:

Ой у лузи калина билымъ цвитомъ зацвила,
Мала мати дочку молодую—за пьяницю оддала.
А пьяниця—недбалиця цилый тыждень въ корчми пье,
А якъ прійде до домоньку, мене лае, мене бье.
— Загуляли два голубоньки та надъ криницею,
Горе мени, моя матусенько, жити зъ пьяницею.
Просуну я кватирочку, ажъ матуся въ гости йде,
Питаетця дочки молодои: «чи пьяниця въ дома е?»
— Дома, дома, моя матюнко; цыть, не гомони!
Спить пьяниця въ новій комори,—гляди, его не збуди!
— «Нехай спить, нехай лежить, та нехай не встане,
Нехай твоя бидна головонька отъ журботы одстане».
— Прошу тебе, моя матусенько, ты не лай ёго;
Въ мене дитки маленькіи,—горе жити безъ ёго!
— «Будешь ты, моя дочко, хлиба-соли заробляти,
Будешь маленькіи диты годувати».
— Прошу тебе, моя матусенько, та не жичъ мени того;
Горе, моя матенько, зъ нимъ, горе безъ ёго!
Лучче буду мужу догожати, а нижъ диты годувати!
(Чуб. т. V, стр. 624).

Цѣлая исторія разбитой жизни! Здѣсь порывы отчаянія и горя и побѣждающіе ихъ порывы любви. Нельзя не остановиться передъ раскрытой въ пѣснѣ силой народнаго поэтическаго творчества и передъ разлитой во всей пѣснѣ прелестью любящаго женскаго сердца и высокаго материнскаго чувства преданности дѣтямъ.

Нужно однако имѣть сильную волю, обладать выносливостью, значительной долей природной наклонности къ добру, чтобы сохранить доброе, любящее сердце въ тяжелыхъ условіяхъ семейной жизни. Натуры посредственныя изнемогаютъ и падаютъ, другими

словами, начинають искать утѣшенія въ шинкѣ. Сначала жена пьяницы заглядываеть въ шинокъ по необходимости, чтобы вызвать оттуда мужа; мало-по-малу она привыкаетъ къ шинку, встрѣчаетъ въ немъ знакомыхъ, входитъ въ составъ кабацкихъ завсегдатаевъ, переноситъ въ кабакъ всѣ свои помыслы и желанія, отыскиваетъ себѣ подходящихъ пріятельницъ и раздѣляетъ съ ними чарку, гдѣ случится, въ родномъ селѣ, на городскомъ базарѣ. Сюда относятся кое-какіе, мелкіе пѣсенные мотивы, напримѣръ, у Чубинскаго т. V, стр. 638, 863.

Бываетъ, что пьянство жены возникаетъ и развивается независимо отъ образа жизни ея мужа, даже при хорошихъ условіяхъ семейной жизни, при добродушномъ и тихомъ мужѣ. Въ пѣсняхъ попадаются грустныя картины бѣдности семьи, общаго семейнаго нестроенія, вызваннаго пьянствомъ жены и матери, причемъ мужъ, человѣкъ трезвый и трудолюбивый, оказывается безсильнымъ установить въ своемъ домѣ матеріальное довольство и нравственное благочиніе. Мелкій, кропотливый женскій трудъ и заботливость о домашнемъ благоустройствѣ составляетъ тотъ цементъ, который скрѣпляетъ всѣ связи и отношенія семейнаго быта. Семейная жизнь приходитъ въ разстройство, когда жена предается пьянству и мужу приходится самому готовить обѣдъ для своихъ голодныхъ дѣтей (у Чуб. т. V, стр. 654). «Нема кому рано встати, дрибнымъ дитямъ порядъ дати» (Лоначевскій, стр. 75).

Отношеніе мужа къ пьющей женѣ бываетъ различно, въ зависимости отъ силы характера и нравственнаго достоинства мужа. Въ угорско-русскихъ и галицкихъ пѣсняхъ говорится, иногда съ примѣсью негодованія пѣвца, что мужъ, человѣкъ тихаго нрава, терпитъ побои отъ своей пьяной жены (Де-Волланъ, стр. 136; Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 235).

Въ галицкой пѣснѣ, вполнѣ пьяницкой, по невыдержанности размѣра и содержанію, выражается спокойное отношеніе мужа къ пьяной женѣ, возвращающейся изъ корчмы. Въ особенности въ данномъ случаѣ характерны двѣ послѣднія заключительныя строки пѣсни:

Часъ до дому, часъ,
Изъ корчмоньки иду,

Якъ пчола гуду;
За мною молодою
Идутъ хлопци чередою,
Въ цимбалочки бьютъ, бьютъ.
Ой ты, мужу мой,
Витвори двиръ твой,
Иде твоя милесенька,
Изъ корчмоньки пьянесенька,
Чи будешь ій радъ, радъ?
—Чи я ти не радъ,
Ты мій виноградъ;
Легни зъ Богомъ та проспися,
То все буде въ ладъ.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 233).

Подобныя пѣсни встрѣчаются въ Малороссіи. Мужъ увидѣлъ, что жена его идетъ домой въ сильномъ опьяненін, отворяетъ ей двери и посылаетъ дѣтей спать: «идить, диты, спати; бо йде пьяна мати» (Чуб. т. V, стр. 1096).

Въ одной малорусской пѣснѣ мужъ уже ворчитъ на пьяную жену, что она «челядочку до роботы не роспорядила» (Чуб. т. V, стр. 1097), а затѣмъ слѣдуетъ уже наказаніе жены плетью (Чуб. т. V, стр. 1096). Въ народныхъ пѣсняхъ такого рода исправительное наказаніе пьяницы жены мужемъ одобряется, напримѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Коли бъ милый добрый
Та взявъ батигъ довгій,
Та ставъ милу бити:
Не йди въ коршму пити.
Возьми квартиночку,
Збери родиночку,
Та й дома напийся,
Та й не волочися. (Чуб. т. V, стр. 678).

Дурное значеніе пьянства усиливается тогда, когда пьютъ въ корчмѣ, внѣ дома. Приведенная пѣсня записана въ черниговской губ., въ г. Борзнѣ. Вообще, корчма въ лѣвобережной Украйнѣ во мнѣніи народа стоитъ ниже, чѣмъ въ правобережной Украйнѣ. Въ

правобережной Украйнѣ шинокъ представляетъ своего рода кулбъ для бесѣдъ, не только для мужчинъ, но и для женщинъ, даже для парубковъ и дивчатъ. Въ праздникъ въ шинкѣ играетъ «музыка», обыкновенно скрипка и бубенъ, а молодежь, парубки и дивчата танцуютъ. Въ лѣвобережной Малороссіи молодежь стоитъ въ сторонѣ отъ шинка. Здѣсь увеселенія молодежи не связаны съ шинкомъ.

Какъ уже было замѣчено, народъ ничего не имѣетъ противъ питья горѣлки, не связаннаго съ страданіями личности или съ разстройствомъ и разореніемъ семьи. Жена, въ особенности мать, взростившая хорошихъ дѣтей, заботливая о домашнемъ достаткѣ и довольствѣ, съ народной точки зрѣнія имѣетъ полное нравственное право провести лишній часъ въ корчмѣ въ разговорѣ съ своими «пріятельками» и выпить лишнюю рюмку горѣлки, даже напиться до опьяненія. Такая мысль проводится въ малорусскимъ и галицко-русскихъ пѣсняхъ, напримѣръ:

Якъ же мени въ корчми не сидити,
Коли-жъ бо я згодувала диты:
Висимъ сынивъ ненька згодувала,
А всимъ висимъ счастье—долю дала.
Иденъ пишовъ въ поле орати;
Другій пишовъ поганяти;
Третій пишовъ молотити;
А четвертый солому носити;
Пятый пишовъ въ лисъ дрова рубати;
Шостый пишовъ въ стоги класти;
Семый пишовъ стежечку мести;
Осьмый пишовъ зъ корчмы неньку вести.
—Стели, жинко, постильку биленьку,
Най положу свою стару неньку.

(Чуб. т. V, стр. 1097).

—

Ой не маешь, мій миленькій,
Та за що мня бити,
Диточки'мъ ти згодувала,
Шо есть зъ кимъ робити.

Идуть сынки зъ косочками,
Доньки зъ грабельками,
А я зварю сниданичко,
Та й несу за вами;
Ой я варю сниданичко,
Та варю и обида,
Теперь тоби, мій миленькій,
Ніякая бида.
Сынки ти йдуть зъ косочками,
Доньки зъ грабельками,
А я иду до коршмоньки,
Та зъ пріятельками.

(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ обрисовываются почти исключительно отношенія пьяницы мужа къ непьющей женѣ и, наоборотъ, пьяницы жены къ непьющему мужу, и проистекающій отсюда складъ семейной жизни, положеніе дѣтей, степень матеріальнаго богатства и т. п. О пьянствѣ парубка или дивчины въ пѣсняхъ почти не говорится, такъ какъ въ самомъ народномъ бытѣ почти не встрѣчается парубковъ или дѣвушекъ, преданныхъ пьянству. Пьянство вырабатывается съ годами, какъ печальное слѣдствіе дурно направленной, несчастной жизни. «Не зъ добра чоловикъ лишню чарку выпье». Для молодежи, полной силъ и энергіи, естественно заглядывать въ будущее съ свѣтлыми надеждами на счастье. Молодежь можетъ временно напиться на свадьбѣ, на вечерницахъ, и затѣмъ она быстро возвращается къ освѣжающему и ободряющему труду. И на вечерницахъ пьютъ осторожно, чтобы не вызвать дурной молвы. Открыто гуляютъ и пьянствуютъ только домохозяева да бобыли. Въ одной пѣснѣ встрѣчается жалоба матери на пьяницу сына, причемъ сынъ изгоняетъ мать изъ дому (Чуб., т. IV, стр. 29). Пѣсня эта не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ испорченный варіантъ извѣстной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Въ одной галицко-русской пѣснѣ находится слѣдующій рѣдкій образъ пьяницкаго свойства:

Та якъ мене поховають,
Барана зарижте,

Та надо мновъ молоденькимъ,
Барылку повиште.
Але у ти барылочци
Чопекъ золотенькій;
Але у ти барылочци
Медокъ солоденькій.
Буде витеръ повивати,
Барылку хитати,
Та буде ми молодому
Губки поливати.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 239).

Въ пѣсняхъ рисуется, какъ крестьянинъ пропиваетъ деньги, скотину, одежду; нѣтъ денегъ, женщина несетъ въ шинокъ «горщикъ масла и ворочокъ сыра» (Чуб., т. V, стр. 581), затѣмъ туда же уходятъ «волы половіи», «бычки невелички», коровы, «телыци» (Чуб., т. V, стр. 1093, 585), «рыженька кобылка» (Голов., т. III, стр. 220); въ шинокъ же уплываетъ одежда, «жупаны голубыи» (Чуб., т. V, стр. 1093), чоботы, штаны и сорочка (Чуб., т. V, стр. 584, 1088, 1090). Понятно, что до такой крайности доходятъ только горькіе пьяницы, въ томъ состояніи опьяненія, для выраженія котораго въ малорусскомъ языкѣ есть много характерныхъ словъ: «пьяный, якъ квачъ»; «пьяный, якъ чипъ»; «пьяный, якъ ничъ»; «чорно пье»; «саме въ красу»; «у пьяты вступило»; «оре носомъ»; «чмили гудутъ»; «убывъ муху»; «ажъ чуприна курить» (Номисъ, стр. 224—230).

Въ старинное время, при господствѣ въ обществѣ патріархальныхъ взглядовъ на личность, особенно на личность дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ, возможенъ былъ пропой жены, дочери. Встрѣчающійся въ пьяницкихъ пѣсняхъ пропой жены или дочери, нужно думать, нѣкогда опирался на бытовую дѣйствительность. Изъ пѣсенъ этого разряда найболѣе выдаются по величинѣ и силѣ пѣсни о Немировнѣ, что «роспилася на меду и пропила свою доньку молоду» (Головац., т. III, стр. 15).

Въ пѣсняхъ можно найти разъясненіе, какія стороны семейной жизни вызываютъ пьянство. Такъ, парубокъ начинаетъ пить, когда ему родители не позволяютъ жениться на любимой дѣвушкѣ

или когда любимая имъ дѣвушка выходитъ замужъ за другаго (Голов., т. II, стр. 260; Чуб., т. V, стр. 209, 214). Дѣвушка начинаетъ пить, оставшись старой дѣвой, послѣ смерти отца и матери, когда не находитъ въ окружающихъ ни ласки, ни привѣта (Чуб., т. V, стр. 51). Молодая женщина пьетъ въ замужествѣ за старымъ нелюбомъ (Чуб., т. V, стр. 576). Мужчина ищетъ утѣшенія въ винѣ, потерявъ жену и дѣтей (Чуб., т. V, стр. 470). Къ числу мелкихъ мотивовъ пьяницкихъ пѣсенъ относится соблазнъ дѣвушки посредствомъ водки (Чуб., т. V, стр. 339; Голов., т. I, стр. 107; т. III, стр. 103). Съ наибольшей полнотой мотивъ этотъ разработанъ въ буковинской пѣснѣ: «Гей, дивчина по грибы ходила» (Лоначев., 137).

Отношеніе крестьянина къ шинку и шинкарю отмѣчено въ малорусскихъ пѣсняхъ мимоходомъ, слабыми чертами. Во многихъ пѣсняхъ встрѣчается старинный образъ молодой шинкарки, которая довѣряетъ на сто, а насчитываетъ на двѣсти рублей (Чуб., т. V, стр. 1093). Въ малорусскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ правобережной Малороссіи, часто упоминается жидъ: «Убогому жидъ боргуе» (Чуб., т. V, стр. 1094). Когда убогій не въ состояніи заплатить долга, то жидъ забираетъ у должника ложки, лопату (Чуб., т. V, стр. 1095). Жидъ шинкарь прогоняетъ изъ шинка пьяницу, не имѣющаго денегъ (Голов., т. II, стр. 224). Вообще, въ малорусскихъ пьяницкихъ пѣсняхъ о евреѣ говорится какъ-то случайно и притомъ не обнаруживается озлобленія противъ него. Въ галицкихъ пѣсняхъ, преимущественно гуцульскихъ, встрѣчаются обвиненія еврея шинкаря въ спаиваніи и разореніи крестьянъ, напримѣръ:

Що ты почнешь, арендарю,
Якъ не будемъ пити?
Перестанешь красно исты,
Хороше ходити;
Будешь у насъ молотити,
Жинка шматьте прати
А жидики нехлюйники
Свини завертати;
Вже не будешь пановати,

Громаду голити,
Будешь ципомъ вывивати,
Въ шабашъ воши бити.
Облизе ти бородище
За наши дорибки,
Бось насъ збавивъ, шось мо мали,
Хлиба тай худибки (Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

—

Якъ мы були пьяницями,
Отъ горѣвку пили!
Доти намъ се ребра боли
Якъ дурнемъ свѣтили.
Жидѣ собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сараки гуцулоньки,
И хлѣба не мали.
Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все то-то черезъ жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.
Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пиду по горѣвку
Та до твоей хаты!
А мы будемъ працёвати,
Жинки будуть прясти,
Жиды будуть, песи сыны,
Своимъ дрантьемъ трясти (Голов., т. II, стр. 465).

Эти гуцульскія пѣсни напоминаютъ то мѣсто въ старинной думѣ о возстаніи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о разореніи народа жидами-арендарями:

Якъ отъ Кумивщины та до Хмельнищины,
Якъ отъ Хмельнищины та до Брянщины,
Якъ отъ Брянщины та й до сего-жъ то дня,
Якъ у земли кралевскои та добра не було;
Якъ жиды-рандари

Вси шляхи казацьки зарандовали,
Що на одной мили
Да по три шинка становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по высокихъ могилахъ.
(Ант. и Драг., Ист. пѣс., т. II, стр. 20).

Присутствіе въ старинной малорусской думѣ и въ современныхъ галицкихъ пѣсняхъ чертъ спаиванія и разоренія крестьянъ евреями посредствомъ кабака и отсутствіе такихъ чертъ въ малорусскихъ пѣсняхъ не служатъ свидѣтельствомъ измѣненія отношеній еврея къ малорусскому крестьянину въ новое время въ предѣлахъ Малороссіи. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ народнаго быта въ Малороссіи, обнаруживается ослабленіе народнаго самосознанія и вытекающее отсюда ослабленіе народнаго поэтическаго творчества. Новая малорусская поэзія, сколько можно судить по сборнику Чубинскаго, ограничивается предѣлами семьи, сосредоточивается на личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, и въ этой области еще глубоко захватываетъ явленія народной жизни; но она уже не проникаетъ въ глубь общественныхъ и соціальныхъ отношеній, и потому еврей, какъ эксплуататоръ народнаго труда, не поддается ея опредѣленію.

Порождаемыя пьянствомъ нестроенія семейной жизни, возникновеніе враждебныхъ отношеній между мужемъ и женой, ссора, драка, упадокъ матеріальнаго благосостоянія, нищета, нужда—все это малорусскимъ народомъ отмѣчено въ пѣснѣ. «Горилка проклятая», «горилка здрадливая!»—таковы возгласы женщинъ въ пьяницкихъ пѣсняхъ. Въ массѣ пѣсенъ малорусская женщина выразила свое отвращеніе къ пьянству, свои страданія отъ пьяницы мужа, свою борьбу съ кабакомъ. Борьба эта не совсѣмъ безплодна, особенно въ Малороссіи, гдѣ женщина пользуется значительнымъ вліяніемъ. Общественные приговоры о закрытіи питейныхъ заведеній составляются не безъ косвеннаго вліянія женщинъ. Съ возникновеніемъ въ загрубѣломъ крестьянскомъ бытѣ культурныхъ стремленій и интересовъ, можно быть увѣреннымъ, малороссіянка выступитъ съ большей силой и съ большей настойчивостью на борьбу съ кабакомъ, что вызоветъ матеріальный и нравственный подъемъ

семьи, села, всего народа. Существуетъ пословица: «якъ горилки не пить, то и въ свити не жить», но она сложилась давно и, надо полагать, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій крѣпостническаго быта, когда крестьянинъ лишь въ состояніи опьяненія не чувствовалъ давившихъ его нужды и горя и когда для него всѣ радости жизни повидимому отождествлялись съ водкой. Теперь не то, теперь водка является какъ приправа грубо понимаемаго удовольствія, а пьянство, при отсутствіи причинъ исключительныхъ, какъ послѣдствіе праздности и недоступности или непонятности удовольствій иного рода. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія, съ распространеніемъ грамотности въ нашей крестьянской средѣ измѣнятся вкусы и потребности, и пьяницкія пѣсни останутся памятникомъ лишь прежней жизни, а корчму и водку замѣнятъ удовольствія иного, болѣе нравственнаго свойства.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

(Продолженіе) [1]

Бѣдствія отъ нашествія татаръ повторялись въ Кіевѣ не разъ и въ послѣдующіе три вѣка, именно около 1300 года, когда Кіевъ «разбѣжался, не стерпя насилія татарскаго», въ 1399 г. во время нападенія Эдигея на Кіевъ и въ 1484 году, въ нашествіе Менгли-Гирея. Но промыслъ Божій хранилъ печерскую обитель отъ конечнаго разоренія и въ эти бѣдственныя времена, а иногда она послѣ разоренія какъ бы воскресала изъ своего пепла. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія и факты. Если спустя 10 лѣтъ послѣ разоренія Кіева Батыемъ существовалъ кіево-выдубецкій монастырь, въ которомъ останавливался галицкій князь Даніилъ Романовичъ въ 1250 г., слѣдуя въ орду; то могла тогда уже безопасно собраться на своемъ мѣстѣ и братія печерскаго монастыря. Если въ 1251 году митрополитъ кіевскій Кириллъ находилъ возможнымъ прибыть въ Кіевъ и не только посѣтить его вновь въ 1274 и 1277 г., но совершать здѣсь, въ софійскомъ соборѣ, хиротонію епископовъ для Владиміра на Клязьмѣ и Новгорода, если въ 1280 г. онъ даже завѣщалъ перевезти тѣло свое по смерти изъ Владиміра Суздальскаго въ Кіевъ для погребенія въ св. Софіи; то и Печерскій монастырь могъ въ то время устроиться хотя отчасти, въ особенности когда татаре отошли отъ Кіева на Волынь и въ

---

[1] См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., майск. кн., стр. 26—44.

Галицкую землю. О возможно большей или меньшей безопасности Кіева и его населенности вновь въ концѣ XIII вѣка свидѣтельствуютъ также двухлѣтнее (въ 1283 и 1284 г.) пребываніе въ Кіевѣ митрополита Максима, созваніе имъ здѣсь въ 1284 г. собора епископовъ, совершавшіяся въ Кіевской Софіи въ 1288 и 1289 г. хиротоніи епископовъ на кафедры владимірскую и ростовскую и пребываніе митрополита Максима въ Кіевѣ до 1300 года. Не въ пустой Кіевъ вошелъ и Гедиминъ, литовскій князь въ 1321 году, послѣ разбитія имъ русскихъ князей на р. Ирпени, близъ Бѣлгородки: ему сдѣлана здѣсь торжественная встрѣча духовенствомъ и народомъ. Еще болѣе стало безопаснымъ положеніе Кіева при владычествѣ Гедимина (1321—1345) и его преемникахъ Ольгердѣ (1345—1377 г ,) Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, когда Кіевъ имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей въ лицѣ Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргелла Ольгердовича (1392—1392 г.), Олелька Владиміровича (1435—1455 г.), Симеона Олельковича (1455—1471 г.), когда Кіевъ посѣщали и въ немъ жили, иногда по-долгу, митрополиты Θеогностъ (1328—1331 г.), Алексѣй (1356—1358,) Кипріанъ (1375—1381 г. 1388—1390 г., 1396—1397 и 1405—1406 г.) и Фотій (1409 и 1411 г.). Съ этимъ согласны и немногія историческія свидѣтельства о состояніи печерскаго монастыря въ XIV и XV вѣкахъ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ половинѣ XIV вѣка юный тверской княжичъ, придя въ печерскую обитель, видѣлъ здѣсь иноковъ, «сіяющихъ добродѣтельми, яко звѣзды на тверди небесной. .» Въ 1446 г. князь Андрей Владиміровичъ, сынъ Владиміра Ольгердовича, пріѣзжалъ въ печерскій монастырь съ женою и дѣтьми на поклоненіе и здѣсь написалъ свое духовное завѣщаніе; въ 1377 году видимъ архимандрита печерскаго монастыря Давида духовникомъ жены великаго литовскаго князя Ольгерда, Іуліаніи; въ 1438 г. приходитъ въ печерскій монастырь на покой отъ славныхъ военныхъ подвиговъ князь острожскій Θеодоръ Даниловичъ и здѣсь, «оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу,» постригается въ иноки подъ именемъ Θеодосія, «угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою укра-

шаючи»; въ половинѣ того-же XV вѣка митрополитъ Фотій пишетъ въ печерскую обитель два посланія, изъ которыхъ видно, что въ ней было значительное число братіи и что она находилась въ благоустроенномъ видѣ. Въ особенно благоустроенный видъ приведена она была при кіевскомъ князѣ Симеонѣ Олельковичѣ въ 1470 году благочестивымъ усердіемъ сего князя; тогда возобновлена великая печерская церковь, украшена стѣннымъ иконнымъ писаньемъ и обогащена золотомъ, серебромъ и дорогими св. сосудами при архимандритѣ Іоаннѣ. Не прошло однако и 14 лѣтъ послѣ торжества о семъ возобновленіи, какъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, взявши Кіевъ и розоривъ его въ 1483 году, сжегъ, ограбилъ и разорилъ печерскій монастырь съ его посадами, при чемъ погибла монастырская казна и всѣ дорогіе сосуды, которые тщетно старался спасти печерскій архимандритъ. Скоро ли послѣ этого бѣдствія могла оправиться печерская обитель, неизвѣстно; но все же не лишена была способовъ къ поддержанію своего храма въ благолѣпіи и къ пропитанію братіи, такъ какъ великая печерская церковь еще съ XIV вѣка сдѣлалась усыпальницей многихъ княжескихъ и другихъ знатныхъ родовъ. Въ ней погребены кіевскіе удѣльные князья: *Владиміръ Ольгердовичъ* (1392 г.), *Скиргелло Ольгердовичъ* подлѣ гроба преподобнаго Ѳеодосія (1394 г.), *Александръ* или Олелько *Владиміровичъ* (1455 г.), *Симеонъ Олельковичъ* (1471 г.), и ихъ потомки: *Василь Симеоновичъ*, сынъ Симеона Олельковича, правнукъ Владиміра Ольгердовича (1495); *Георгій*, сынъ Юрья Олельковича, князь Слуцкій (1579 г.); *Софія Олельковна*, супруга князя Януша Радзивилла, верховнаго подчашаго великаго князя литовскаго съ однолѣтнею своею дочерью Екатериною (1612 г.); гетманъ великаго княжества литовскаго, воевода трокскій, князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій* (1533 г.), супруга его, княгиня Острожская *Татьяна* (1531 г.), князья *Корецкіе* Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ и Ефимій Богушъ-Ѳеодоровичъ, волынскій воевода (1576 г.), потомки князя Дмитрія Ольгердовича, князья *Вишневецкіе*: Михаилъ Корибутовичъ, каштелянъ кіевскій, староста каневскій и черкасскій (1584 г.), Александръ Алексан-

дровичъ Корибутовичъ (1577 г.), его теща, жена брацлавскаго воеводы, княгиня Анна Шимковна *Капустина* (1577 г.), князья изъ потомковъ Ольгерда Өеодоръ и Андрей *Сангушки;* князья *Полубенскіе:* Андрей Өеодоровичъ, правнукъ Андрея Ольгердовича, погребенный подлѣ князя Владиміра Ольгердовича, сынъ его Василій, староста мстиславскій, маршалокъ гродненскій, умершій въ половинѣ XVI вѣка; Левъ Васильевичъ и Иванъ, убитый подъ г. Бѣлой, при изгнаніи королевича Владислава изъ Москвы; Александръ *Иловскій,* воевода полоцкій (1555 г.); *Тышкевичи*: Иванъ, бывшій въ половинѣ XV вѣка печерскимъ архимандритомъ, Янъ Гуринскій Миновичь Львовичъ Тышкевичъ, староста чернобыльскій (1563 г.); каштелянша брацлавская, старостина овручская Анна Симеоновна, кондреевская монахиня (1577 г.); *Ельцы*—Дмитрій Кіевскій, писарь, и его жена Марія Олизаровна, дѣдъ его, чернобыльскій староста Яковъ и сыновья Дмитрія: подстолій кіевскій Филиппъ и Иванъ (1603 г.); маршалокъ и писарь королевскій Иванъ *Копецъ*, Гаврило Меновичъ Богданъ *Гоецкій* (1517 г.), бурмистръ г. Могилева Василій *Якимовичъ* (1620 г.), мужъ твердый въ вѣрѣ и испытанный въ храбрости Симеонъ *Лыко* (1621 г.), Лонгинъ *Суринъ* (1552 г), Андрей Суринъ (1557 г.), и брацлавскій хорунжій и твердый христіанинъ Николай *Шашкевичъ* (1624 г.). Надъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ Василій, сынъ князя Симеона Александровича, былъ темновидный саркофагъ; былъ также памятникъ надъ могилой Софіи Олельковны, а гробница князя Михаила Вишневецкаго была мраморная, какъ видно изъ Тератургимы Кальнофойскаго. Ляссота, жившій въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка, видѣлъ въ великой печерской церкви у стѣны каменный оштукатуренный склепъ, въ которомъ погребены кіевскіе князья. Всѣ гробы княжескіе и панскіе были накрыты покрывалами изъ бархата и другихъ дорогихъ матерій, какъ значится въ описи печерскаго монастыря, составленной въ 1554 году. Изъ того-же реестра открывается, что, кромѣ выше поименованныхъ лицъ, въ великой печерской церкви погребены еще: *супруга* князя *Свидригайла*

Ольгердовича Анна [1]), князья *Острожскіе* Илія Константиновичъ и Михаилъ; князь *Слуцкій*, князь *Добровицкій*, князья *Голшанскіе*, князья *Горскіе*, панъ Евстафій *Дашкевичъ*, княгиня *Мстиславская* и князь *Одинцевичъ*-Багриновичъ. Такимъ образомъ великая печерская церковь къ концу XVI вѣка представляла внутри себя какъ бы почетное кладбище, на которомъ надгробія тѣснились одно подлѣ другаго, подобно гробницамъ великихъ московскихъ князей и царей въ московскомъ архангельскомъ соборѣ.

Съ умноженіемъ знатныхъ гробницъ въ Печерскую обитель поступали и въ ней умножались приношенія за упокой усопшихъ не только денежныя, но и состоявшія въ земельныхъ угодіяхъ. Въ этомъ удостовѣряютъ хранившіяся въ ней и поименованныя въ реестрѣ 1554 года: *привилеи* князя Константина и княгини Маріанны Семеновой Острожскихъ, князя Андрея Каширскаго, князя Ѳеодора Ярославича, князя Семена Алгимунтовича, князя Юрія Юрьевича, князя Семена Львовича, князя Юрія Семеновича, княгини Софіи Дмитріевны, [2]) князя Василія Юрьича, князя Ивана Федоровича Мошковскаго, княгини Ульяны Юрьевны, княгини Семеновой-Семеновичевой, князя Богуша Корецкаго, вдовы князя Ярослава Матвѣича, пана Юрія Ивановича Зеновевича и старицы Пелагіи; *духовницы* или *завѣщанія:* панеи Маріи Егковны, пана Семена Сколковича, Льва Тишкевича, пана Ивана Дашкевича; листъ, на пергаменѣ писанный, княгини Софіи Дмитріевны; *листы:* пани Уліаніи Ивашковой, князя Михаила Львовича Глинскаго, пана Михаила Павши, княгини Уліаніи Ивановны, Юрьевича Лубьеневича, княгини Анны Свидригайловой, княгини Маріи Васильевны Михайловичъ, князя Ивана Семеновича Кобринскаго, князя Соколинскаго, князя Семена Юрьевича, князя Дмитрія Путятича, боярина Комара, пани Кгалтовнѣ, князя Ѳеодора Андреевича Володимірскаго, князя

---

[1]) Дочь тверскаго князя Бориса.

[2]) Супруги кіев. князя Владиміра Ольгердовича, дочери великаго московскаго князя Димитрія Донскаго.

воеводы кіевскаго Немировича, пана Михаила Павловича, княгини Маріи Михайловой, пани Марьяны Василевой, пана Ивана Борейшевича, хорунжаго Василитскаго, Льва Федоровича Соколинскаго, старосты могилевскаго пана Боки и овручскаго старосты пана Есиѳа (Осипа) Халецкаго. А въ описи имущества, принадлежавшаго печерскому монастырю въ 1593 году, значится, что въ его владѣніи были тогда два города—Радомысль и Васильковъ, до 50 большихъ селъ и около 15 селищъ и деревень въ разныхъ мѣстностяхъ западной Россіи, съ рыбными ловлями, рѣчными перевозами и мельницами, медовыми и грошевыми даньми и бобровыми гонами [1]). Кромѣ всего этого, печерскій монастырь, какъ видно изъ описи 1554 года, имѣлъ еще въ XV вѣкѣ дозволеніе пріѣзжать въ Москву для сбора пожертвованій. При такихъ пособіяхъ архимандритъ Иларіонъ успѣлъ около 1555—1556 года обновить зданіе великой печерской церкви. Такимъ образомъ печерская обитель и въ самыя бѣдственныя времена юго-западнаго края Россіи не лишена была средствъ къ безбѣдному существованію.

Избавившись отъ татарскихъ нападеній и разореній, кіево-печерскій монастырь въ концѣ XVI вѣка подвергался большой опасности со стороны польскаго правительства, которое насильно вводя унію съ римскою церковію въ подчиненныхъ ему русскихъ областяхъ, требовало, чтобы православныя церкви и монастыри признали надъ собою власть измѣнившихъ православію епископовъ и митрополита. Еще до начала брестскаго собора 1596 г., король Сигизмундъ III и папа Климентъ VIII постановили подчинить уніатскому кіевскому митрополиту печерскую архимандрію, числившуюся тогда въ непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, а измѣнившій православію митрополитъ Михаилъ Рогоза, послѣ брестскаго собора, испросилъ у короля повелѣніе, чтобы печерскій монастырь со всѣми имѣніями былъ переданъ въ непросредственное его вѣдѣніе, съ устраненіемъ печерскаго архимандрита Никифора

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. I, № 91.

Тура, явившагося поборникомъ православія на брестскомъ соборѣ; уже назначены были и лица, имѣвшіе привести это королевское повелѣніе въ исполненіе: мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка и кіевскій возный Романъ Овсяный; но печерская капитула съ монахами и вооруженными людьми не пустила маршалка и вознаго въ монастырь. „Есть у насъ архимандритъ и другаго не нужно намъ; отступника Рогозу не признаемъ митрополитомъ и не допустимъ передачи ему монастыря," отвѣчала монашествующая братія. Безуспѣшно кончилась и вторичная попытка уніатовъ овладѣть печерскимъ монастыремъ въ 1598 г., когда новою королевскою грамотою передача эта была поручена дворянину Яну Кошицу. Кошицъ нашелъ монастырскія ворота запертыми, а предъ воротами нѣсколько сотъ вооруженныхъ козаковъ, гайдуковъ и слугъ монастырскихъ, съ капитулою, съ попомъ Давидомъ, палатнымъ Іоною, корчемникомъ Іоною и діакономъ Іоною во главѣ, которые на предложеніе Кошица отвѣтили: „ни какихъ листовъ слышать не хотимъ, монастырь охраняемъ и охранять будемъ, и передать оный митрополиту не допустимъ." Не удалось уніатскимъ митрополитамъ Михаилу Рогозѣ, Ипатію Поцѣю и Вельямину Рутскому овладѣть и имѣніями печерскаго монастыря. Никифоръ съ помощью козаковъ и монастырскихъ крестьянъ выгонялъ митрополичьихъ урядниковъ. Наконецъ Ипатій Поцѣй въ 1605 г. при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на имѣнія печерскаго монастыря, находившіяся въ коронѣ польской, удержавъ за собою лишь имѣнія въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1615 г. при томъ же архимандритѣ м. Вельяминъ Рутскій отказался и отъ имѣній печерскихъ, находившихся въ Литвѣ.

Отстоявъ свои имѣнія и свою независимость отъ власти измѣнившихъ православію митрополитовъ, печерская обитель, въ началѣ XVII в., съ титломъ лавры и ставропигіи константинопольскаго патріархa, начинаетъ новую просвѣтительную дѣятельность ко благу православной церкви и въ защиту православнаго народа отъ римскаго лжеученія. При архимандритѣ Ели-

сеѣ Плетенецкомъ учреждается въ печерскомъ монастырѣ ученое братство и заводится типографія для печатанія книгъ православныхъ богослужебныхъ и вообще духовнаго содержанія; архимандритъ Захарія Копыстенскій, поддерживая учрежденія своего предшественника, издаетъ въ защиту православія свою „Палинодію;“ Петръ Могила при самомъ печерскомъ монастырѣ учреждаетъ училище, которое потомъ соединяетъ съ училищемъ кіевобратскимъ и преобразовываетъ въ коллегію. Наконецъ съ половины XVII вѣка, поступивъ подъ власть россійскихъ государей, кіево-печерская обитель совершенно успокоивается отъ многовѣковыхъ треволненій, притѣсненій, обидъ и разореній.

Положеніе кіево-печерской лавры въ половинѣ XVII вѣка довольно обстоятельно представлено діакономъ Павломъ, спутникомъ антіохійскаго патріарха Макарія, который прибылъ въ Кіевъ въ 1653 году, почти наканунѣ его возсоединенія съ Россіей. Изъ его описанія можно видѣть, что печерская обитель находилась тогда въ достаточно благоустроенномъ видѣ. Она была окружена значительнымъ населеніемъ, состоявшимъ отъ 4 до 5 тысячъ домовъ, при которыхъ были обширные сады шелковичныхъ и миндальныхъ деревъ. Всѣ эти дома принадлежали крестьянамъ печерской лавры. Монастырскія святыя ворота съ святотроицкою церковью вверху были выштукатурены и побѣлены. Отъ св. воротъ къ великой церкви тянулись въ два ряда чистыя и красивыя келліи монашествующихъ, съ палисадниками при каждомъ изъ нихъ и съ огородами съ задней стороны. Помѣщеніе каждаго монашествующаго (вѣроятнѣе только начальствующихъ или должностныхъ лицъ) состояло изъ трехъ чистыхъ комнатъ, расписанныхъ масляными красками и прилично меблированныхъ. Кромѣ внѣшнихъ садовъ, было два прекрасныхъ садика внутри самаго монастыря, въ которыхъ были цвѣты, кустарники и лучшія фруктовыя деревья. Богослуженіе совершалось въ 23 церквахъ. На встрѣчу патріарху отъ печерскаго монастыря къ чертѣ города, у нынѣшней васильковской плотины на р. Лыбеди, выслана была золотая карета, обитая внутри малиновымъ бархатомъ. У св. воротъ встрѣтили его 8 паръ

іеромонаховъ и 4 діакона въ однообразныхъ облаченіяхъ съ иконами, евангеліями, дорогими крестами и кадильницами въ рукахъ. Послѣ краткаго молитвословія въ главномъ храмѣ, патріарху и его свитѣ предложено въ трапезѣ обильное угощеніе, состоявшее изъ разнообразныхъ кушаньевъ и сластей, меду, пива и вина собственныхъ виноградниковъ. Столовыя принадлежности, какъ то миски, блюда и ложки были серебряныя. Великая церковь и церковь св. апостолъ Петра и Павла при настоятельскихъ покояхъ отличались благолѣпнымъ видомъ. Сзади великой церкви находились, при ея углахъ, двѣ деревянныя колокольни. Одна изъ нихъ довольно значительной высоты, съ витой лѣстницей внутри, съ пятью колоколами и съ желѣзными часами, на которыхъ отбивались не только часы, но и четверти; съ наружной стороны колокольни находились солнечные часы. На другой, значительно меньшей колокольнѣ висѣлъ одинъ большой колоколъ, который во время звона раскачивали четыре человѣка. Воздвиженская церковь надъ входомъ въ ближнія пещеры была о 2-хъ куполахъ и имѣла весьма красивый иконостасъ, царскія врата коего были такъ искусно вызолочены, что казались сдѣланными изъ чистаго золота Богослуженіе отправлялось и въ пещерныхъ церквахъ. Кровля настоятельскаго дома имѣла форму купола съ парапетомъ, съ котораго можно было любоваться богатыми видами на берега Днѣпра. Монастырская библіотека, состоявшая изъ рѣдкихъ книгъ, помѣщалась въ ряду братскихъ келлій. Братіи въ печерскомъ монастырѣ за два года предъ тѣмъ было до 500 человѣкъ, но изъ нихъ оставалось къ пріѣзду патріарха не болѣе 200, а до 300 человѣкъ сдѣлались жертвою моровой язвы. Клобуки монашествующихъ были съ опушкой изъ бархатнаго плюша и покрыты черной крепой, которая опускалась на глаза и стягивалась пуговицей на подбородкѣ. Митрополитъ, епископы и архимандритъ носили золотые наперсные кресты, подпоясывались бѣлыми кушаками и были одѣты въ рясы съ подкладкой синяго цвѣта на полахъ. Настоятели монастырей и старшіе изъ братіи употребляли камышовыя палки съ серебреными набалдашниками и съ желѣзнымъ остріемъ на нижнемъ концѣ. На одной створѣ

воротъ, которыми входили въ больничный монастырь, были изображены: богачъ, сидящій за столомъ и пьющій вино съ друзьями богача, и Лазарь, просящій милостыни у дверей и изгоняемый друзьями богача; на другой створѣ Лазарь, сидящій на землѣ, окруженный собаками, которыя лижутъ его язвы и струпья; подлѣ Лазаря ангелъ смерти. Къ срединѣ воротъ была прикрѣплена кружка для сбора пожертвованій въ пользу призрѣваемыхъ въ больницѣ. Въ типографскомъ домѣ, находившемся вблизи великой церкви, печатались богослужебныя книги, а также планы областей и городовъ, изображенія святыхъ и академическія извѣстія. Противъ св. воротъ печерскаго монастыря находился женскій *Вознесенскій монастырь*, въ которомъ было болѣе 60 монахинь и воспитывалось большое количество дѣвочекъ-сиротъ.

Ни внѣшній, ни внутренній видъ великой лаврской церкви не описаны діакономъ Павломъ, но понятіе о современномъ состояніи этого храма въ первой половинѣ XVII вѣка можно составить по рисункамъ на выходныхъ листахъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ тогда въ кіево-печерской типографіи. Такіе рисунки имѣются на выходномъ листѣ «Учительнаго Евангелія» 1623 г., при книгѣ: «Главизны поучительны» Агапита діакона 1628 года и на планѣ кіево-печерской лавры, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго *Тератургима*, изд. 1638 года. Изъ нихъ видно, что великая печерская церковь въ это время, какъ и въ древности, была только съ двумя куполами, большимъ на срединѣ церкви и малымъ на Предтечевскомъ придѣлѣ, и имѣла три закругленія на восточной своей сторонѣ. Съ сѣверной и южной ея сторонъ находились позднѣйшія низкія пристройки въ видѣ палатокъ. Въ палаткѣ, находившейся впереди южныхъ дверей великой церкви, была церковь св. Іоанна Богослова, а въ палаткѣ, сзади тѣхъ дверей, гдѣ нынѣ ризница лаврская, былъ придѣлъ во имя святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Изъ двухъ пристроекъ, бывшихъ на сѣверной сторонѣ, въ западной, прилегавшей къ Предтечевскому придѣлу, помѣщалась усыпальница господъ Ельцовъ съ церковью,

а передняя или восточная служила общей усыпальницей, въ которой хранились во множествѣ бренные останки князей, гетмановъ, воеводъ, пановъ и другихъ знатныхъ особъ. Были двѣ не большія пристройки и съ западной, лицевой стороны великой церкви, также въ видѣ палатокъ, съ двухскатными крышами и съ крестами вверху; назначеніе ихъ неизвѣстно, по всей вѣроятности это были надгробія знатныхъ лицъ. Послѣ 1638 года и вѣроятнѣе всего при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ († 1644 г.), сохранявшемъ за собою званіе священно-архимандрита кіево печерской лавры. великая печерская церковь преобразовалась въ болѣе нарядный видъ о 5 куполахъ съ малою главкою на фронтонѣ, впереди главнаго купола, а подъ крестомъ этого купола, на шейкѣ, наставлена малая глава. Въ такомъ видѣ печерская церковь отгравирована на лаврскомъ «Панагіаріонѣ» 1655 года и на выходномъ листѣ книги *Пречестныи каноны и акаѳисты*, изданной въ лаврской типографіи 1677 года. Съ юго-восточной стороны великой церкви стояла довольно широкая, подъ двухъярусной кровлей, деревянная колокольня, въ родѣ тѣхъ старинныхъ колоколенъ, прорѣзанныхъ рядомъ оконъ на всѣ четыре стороны, которыя еще и теперь можно встрѣтить при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ кіевской епархіи. Въ послѣдней четверти XVII вѣка великая печерская церковь получила новое измѣненіе во внѣшнемъ своемъ видѣ. Къ ней пристроенъ, на юго-западномъ углу, придѣлъ во всю ея высоту, въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ Предтечевскому придѣлу, находящемуся на сѣверо-западномъ углу, чрезъ что церковь получила болѣе равномѣрную форму; особое отличіе этого новаго придѣла составляетъ крестоообразное окно на лицевой сторонѣ. Каплицы, бывшія внизу западной стѣны великой церкви, замѣнены длинною во всю ея ширину и низкою папертью, съ 4 входными дверьми и шестью надъ ними, овальными окнами; по окраинѣ этой паперти придѣланы щиты, увѣнчанные шестью крестами. Въ такомъ видѣ великая печерская церковь изображена на выходномъ листѣ Евхологіона, изданнаго въ 1708 году въ кіево-печерской типографіи. Въ томъ же видѣ она написана масляными красками на

доскѣ, служащей центральною иконой въ Антоно-Θеодосіевскомъ придѣльномъ иконостасѣ кіево-софійскаго собора. Здѣсь можно видѣть, что кровля церкви была окрашена въ коричневый цвѣтъ, и всѣ ея главы были вызолочены. Въ этомъ послѣднемъ видѣ. великая лаврская церковь оставалась до 1718 года.

Состояніе кіево-печерской лавры во 2-й половинѣ XVII вѣка было тревожное. Въ особенности безпокойнымъ было ея положеніе въ 1673 году во время открывшейся войны Россіи съ турками; печерскій архимандритъ съ братіею молили тогда государя отпустить имъ „изъ кіевской государевой казны пушекъ, зелья, пороху, свинцу, ядеръ, сколько Господь Богъ на сердцу извѣститъ дати на время тровожливое, дондеже оно милосердіемъ Божіимъ мимоидетъ, чтобъ есми имѣли чѣмъ паки и отъ найменьшаго непріятельскаго находа боронитца." Въ такомъ же состояніи чрезъ три года былъ и весь Кіевъ, по взятіи Чигирина турками, но тогда искали преимущественно духовной помощи, совершая вокругъ Кіева крестные ходы съ чудотворной печерскою иконой Божіей Матери. Для успокоенія печерской обители отъ подобныхъ тревогъ на будущее время, гетманъ Иванъ Самойловичъ оградилъ ее въ 1679 г. земляными валами, которые въ 1706—1715 году, по указу Петра I-го, возобновлены въ лучшемъ видѣ и составили нынѣшнюю печерскую крѣпость. Въ 1711 году перешли въ нее на жительство и кіевскія власти: начальникъ губерніи и начальникъ края съ губернскою канцеляріею, устроившись подъ лаврской оградой, противъ Воскресенской церкви. Прилагая не менѣе Самойловича заботъ о безопасности кіево-печерской лавры, гетманъ Иванъ Мазепа въ 1696 г. обвелъ ее высокою и толстою, каменною стѣной съ башнями на юго-западномъ и сѣверо-восточномъ углахъ, а надъ экономическими воротами соорудилъ пяти главую церковь во имя сошествія св. Духа. За двойною земляною и каменною стѣнами, подъ охраной русскаго орла, восторжествовавшаго надъ всѣми внѣшними и внутренними врагами Россіи, казалось, кіево-печерская обитель могла успокоиться совершенно отъ многовѣковыхъ, нерѣдко постигав-

шихъ ее бѣдъ. Но въ 1718 году постигло ее новое, страшное несчастіе: въ ночь съ 21 на 22-е апрѣля пожаръ, начавшійся внутри великой церкви, истребилъ всю ея утварь вмѣстѣ съ древнимъ иконостасомъ и древнѣйшими иконами, библіотеку, архивъ и типографію. Отъ великой церкви остались лишь обгорѣлыя стѣны и чудотворная икона Божіей Матери, исхищенная изъ огня съ нѣкоторою утварью. Два года оставалась церковь въ такомъ жалкомъ состояніи, пока щедротами вѣнценоснаго Монарха и усердными приношеніями православныхъ дана была возможность приступить въ 1722 году къ ея возобновленію. Обновленіе продолжалось 7 лѣтъ и въ 1729 году, 14 августа, обновленная великая церковь освящена торжественно преосвященнымъ кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ съ епископами черниговскимъ Иларіономъ и переяславскимъ Іоакимомъ, при участіи архимандрита кіево-печерской лавры Іоанникія Сенютовича. При этомъ послѣднемъ обновленіи великой печерской церкви всѣ пристройки, бывшія въ видѣ отдѣльныхъ палатокъ или часовень съ западной, сѣверной и южной ея сторонъ, сломаны, на мѣсто ихъ какъ на западной сторонѣ, вправо отъ входныхъ дверей, такъ и на сторонахъ сѣверной и южной сдѣланы двухъ этажныя пристройки въ уровень съ древними стѣнами церкви, съ закругленіями на восточной сторонѣ, и вверху по краямъ кровли съ 3-хъ сторонъ поставлены каменные щиты, украшенные живописью и лѣпными орнаментами. Но какъ боковыя придѣлы затемняли собою среднюю часть храма, то для освѣщенія ея верхнія части сѣверной и южной стѣнъ великой церкви выломаны въ видѣ большихъ арокъ, образовавъ собою боковые хоры, которыхъ прежде она не имѣла. Такимъ образомъ, съ сѣверной стороны, на мѣстѣ двухъ малыхъ церквей или каплицъ гг. Ельцовъ и Корецкихъ, устроенъ въ нижнемъ этажѣ придѣлъ во имя св. архидіакона Стефана, а въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣлъ во имя Преображенія Господня; съ южной стороны, на мѣстѣ также малыхъ двухъ каплицъ, устроены въ нижнемъ этажѣ два придѣла: трехсвятительскій, обращенный въ

послѣдствіи въ ризницу, и Іоанно-Богословскій къ востоку отъ южной входной двери, а надъ ними, въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣлъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ послѣдующіе за тѣмъ 150 лѣтъ XVIII и XIX вѣка кіево-печерская лавра обстроилась каменными зданіями для братскихъ келлій, типографіи, гостинницы и разныхъ складовъ, въ замѣнъ прежнихъ деревянныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Съ настоящей книжки мы начинаемъ печатаніе тѣхъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній Т. Г. Шевченка, которыя писаны были имъ на русскомъ языкѣ и въ большей части своей остались доселѣ неизданными. Всѣхъ произведеній этого рода насчитывается доселѣ двѣнадцать. Изъ числа ихъ разновременно напечатаны были пять, именно: *Никита Гайдай* и *Тризна* (Безталанный) въ 40-хъ годахъ въ журналѣ «Маякъ», *Музыкантъ* въ кіевской газетѣ «Трудъ» за 1881 г., *Несчастный* въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 г., *Княгиня* въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., остальныя семь нигдѣ не печатались доселѣ и находились въ совершенной неизвѣстности, именно: *Варнакъ*, *Наймичка*, *Близнецы*, *Капитанша*, *Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали*, *Художникъ* и поэма въ стихахъ *Слѣпая*.

Каждое изъ этихъ произведеній заключаетъ въ себѣ черты важныя для біографіи поэта, или для исторіи процесса его творчества.

«Никита Гайдай», въ романтической сценкѣ, въ рѣчахъ нѣсколько ходульнаго героя, таитъ въ себѣ первыя очертанія только что складывавшихся историческихъ взглядовъ поэта. Въ сжатой рамкѣ намѣчены въ немъ тѣ идеи славянскаго единенія, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи стали идеями такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго кружка.

«Тризна» (Безталанный) заключаетъ въ себѣ чисто субъективныя строфы и признанія.

«Варнакъ» и «Наймичка»—два прозаическихъ произведенія, написанныя въ 40-хъ годахъ, до ссылки, суть первообразы написанныхъ впослѣдствіи малорусскихъ поэмъ. Черты дѣйствительности, записанныя въ этихъ безхитростныхъ этюдахъ, по прошествіи годовъ облеклись въ поэтическія формы и краски.

Всѣ слѣдующія прозаическія повѣсти написаны въ ссылкѣ. Въ то время Шевченку выступать въ печати, какъ малорусскому поэту, было

безусловно невозможно. Чтобъ напечатать «Наймичку» въ «Запискахъ о южной Руси», Кулишу пришлось выдумать цѣлую исторію о какой-то хуторской барышнѣ, въ альбомѣ которой якобы нашлась эта поэма неизвѣстнаго автора. Шевченко хотѣлъ попробовать помѣщать свои произведенія въ русскихъ журналахъ подъ псевдонимомъ и для этого писалъ по русски. Нѣкоторые изъ своихъ опытовъ онъ посылалъ въ «Отечественныя Записки», позже въ «Русскую Бесѣду» но они не встрѣтили тамъ сочувственнаго пріема. Матеріаломъ для работъ служили ему воспоминанія его былой скитальческой жизни, слышанные когда-то характерные случаи и разсказы, видѣнные типы, наболѣлыя и незажившія раны собственной доли. Отсюда этотъ рядъ произведеній, писанныхъ одно за другимъ.

«Близнецы», «Капитанша», «Княгиня», все это эпизоды дѣйствительности, гдѣ съ легкими измѣненіями выходятъ когда-то дѣйствительно жившія лица.

«Музыкантъ» весь писанъ по воспоминаніямъ о пребываніи поэта въ домахъ полтавскихъ помѣщиковъ. Изображенный здѣсь бытъ крѣпостныхъ артистовъ, людей одаренныхъ способностями и иногда талантами, былъ особенно близокъ писателю, а судьба такихъ людей вызывала въ немъ исключительное сочувствіе.

«Художникъ»—на половину автобіографія поэта. Здѣсь такъ подробно, какъ нигдѣ, разсказаны его петербургскіе годы ученія у Брюлова и проч. И для личности самаго поэта и для характеристики близкихъ ему въ ту пору людей эта повѣсть особенно важна. Вторая половина повѣсти вымышлена.

«Несчастный» есть набросокъ типа встрѣченнаго въ ссылкѣ.

Самая большая и самая слабая прозаическая повѣсть Шевченка «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали» содержитъ въ себѣ, подобно предъидущимъ, много чертъ для характеристики крѣпостнаго быта и отношеній.

«Слѣпая» написана въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, вѣроятно до появленія перваго, маленькаго «Кобзаря» (1841 г.), или одновременно съ нимъ. Это одинъ изъ набросковъ на тему безобразій крѣпостнаго быта, къ которой съ болѣзненной настойчивостью авторъ обращался много разъ. До прошлаго года о существованіи этой поэмы извѣстно было только по слухамъ и лишь въ прошломъ году въ Петербургѣ нашелся списокъ ея, писанный рукою самаго поэта.

Помимо біографическаго характера, всѣ названныя произведенія Шевченка имѣютъ несомнѣнный историко-литературный интересъ. Сюжеты ихъ, заимствованные изъ дѣйствительной, весьма близкой поэту

жизни и воспроизведенные съ свойственными ему наблюдательностію и силою чувства, даютъ правдивую исторію людей и отношеній того времени, въ частности яркую картину крѣпостничества, отражая въ то же время на себѣ литературные пріемы и вкусы 40-хъ годовъ. Если писатель-самоучка не владѣлъ съ такою свободою русскимъ литературнымъ, какъ своимъ природнымъ языкомъ, если въ формѣ и построеніи своихъ литературныхъ опытовъ онъ слѣдовалъ готовымъ образцамъ и пріемамъ, то талантъ его блещетъ въ детальной разработкѣ сюжетовъ, въ свойственномъ ему драматизмѣ, въ подборѣ образовъ, картинъ, въ силѣ и выразительности слова. Читатели,—мы въ томъ увѣрены,—съ любопытствомъ и безъ скуки прочтутъ и слабѣйшія изъ произведеній роднаго поэта и усматривая ихъ недостатки, не забудутъ при томъ ни тѣхъ вообще неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ развивался его талантъ, ни въ частности той обстановки, при которой написаны нѣкоторыя изъ его повѣстей.

Дѣло будущаго историка и біографа Т. Г. Шевченка съ точностію и всесторонне опредѣлить достоинство и значеніе вновь являющихся въ печати его произведеній; мы-же тѣмъ съ большею готовностію приняли на себя ихъ печатаніе, что безъ изученія ихъ, по нашему убѣжденію, не возможна полная характеристика и оцѣнка нашего великаго поэта.

Считаемъ долгомъ заявить при этомъ, что собраніемъ всего этого матеріала и предоставленіемъ намъ возможности помѣстить оный на страницахъ нашего изданія мы обязаны заботамъ и любезному вниманію В. Л. Беренштама.

Начинаемъ съ найболѣе ранняго произведенія Шевченка, его поэмы: «Слѣпая». Въ ней прежде всего бросается въ глаза значительная растянутость, особливо въ первой половинѣ поэмы, примѣтны слѣды романтизма 30-хъ годовъ, нѣкоторая искуственность въ рѣчахъ изображаемыхъ лицъ, нѣкоторый какъ-бы излишекъ красокъ въ картинахъ; но эти недостатки покрываются силою возмущеннаго человѣческаго чувства, доходящаго мѣстами до высокаго поэтическаго полета.

I.

СЛѢПАЯ.

(ПОЭМА).

Кого рыдая призову я
Дѣлить тоску печаль мою
Въ чужомъ краю? кому тоскуя
Родную пѣсню пропою?
Угасну, бѣдный, я въ неволѣ!
Тоску мою, печаль мою
О прежней волѣ, прежней долѣ
Нѣмымъ стѣнамъ передаю.
О если-бъ стонъ моей печали
И звукъ заржавленныхъ цѣпей,
Святые вѣтры, вы домчали
На лоно родины моей
И въ мирной кущѣ повторили,
Гдѣ мой отецъ и мать моя
Меня лелѣяли, любили!
А братья? Грѣшная семья!
Иноплеменникамъ за злато
Отъ стадъ, елея и вина
Роднаго продали вы брата,
Какъ на закланіе овна.
О Боже, Боже Іудеи,
Благій Творителю земли,
Не наказуй родныхъ злодѣевъ,
А мнѣ смиреніе пошли!
Такую пѣсню тихо пѣла,
Сердечной грусти предана,
Слѣпая нищая; она
У барскаго двора сидѣла
У незатворенныхъ воротъ.
Но изъ воротъ никто не йдетъ,
Никто не ѣдетъ: опустѣли
Хоромы барскіе давно;
Широкій дворъ поросъ травою;
Село забвенью предано;
Съ патріархальной простотою,

Съ отцовской славою святою
Забыто все. Село молчитъ;
Никто села не посѣтитъ,
Не оживитъ его молвою.
Какъ у кладбища, у воротъ
Сидитъ скорбящая слѣпая
И псальму грустную поетъ.
Она поетъ, а молодая...
Дочь несчастливицы моей
Головкой смуглою прильнула
Къ колѣнямъ матери своей;
Тоски не вѣдая, заснула
Сномъ непорочной простоты.
Въ одеждѣ грубой нищеты
Она прелестна; полдень ясный
Моей Украины прекрасной
Позолотилъ любя, лелѣя
Свое прекрасное дитя.
Ужели тщетно пролетятъ
Дни упоенія надъ нею
И свѣтлой радостью своею
Ея тоски не усладятъ?
Она прекрасна, мать калѣка—
Кто будетъ ей руководить?
Придетъ пора, пора любить,
И злое сердце человѣка
Ея любви не пощадитъ.
. . . .
. . . . невиннымъ сномъ
Оксана спитъ, а мать слѣпая,
Уныло-тихо напѣвая,
И каждый шорохъ сторожитъ.
И если вѣтеръ пролетая
Упавшій листъ пошевелитъ,
Она нѣмѣетъ и дрожитъ
И робко къ сердцу прижимаетъ
Свое единое дитя,
Свою единую отраду.
Незрящей памятью слѣдя
Давно минувшихъ дней усладу
Печальной юности своей.

Она извѣдала людей.
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадитъ;
Они готовы растерзать
Ея дряхлѣющія руки...
Для нихъ невнятенъ стонъ разлуки,
Чужда имъ матери любовь.
Они твердятъ—законъ таковъ:
Не должно въ прахѣ пресмыкаться
И подаяніемъ питаться
Прекрасной юной сиротѣ;
И мы ее одѣнемъ златомъ,
Внесемъ въ высокія палаты
И поклонимся красотѣ,
Раскроемъ міръ иныхъ видѣній,
Иныхъ страстей высокій міръ
Потомъ... потомъ... и вашъ куміръ,
Богиня вашихъ поклоненій,
Отъ фиміама упилась
И закоптѣла отъ куреній;
А ваша мудрость отреклась
Отъ обѣщанья; горстью злата
Великодушно бросивъ ей,
Затмили блескъ ея очей.
И вотъ она въ грязи разврата,
Во славу дряхлыхъ вашихъ дней
Передъ толпою черни пьяной
Пьетъ кубокъ...
И запиваетъ сердца раны.
Не вы виновны, но она:
Вы дали все, что должно было
Наложницѣ презрѣнной дать.
А сонъ дѣвичій обновили-ль
И возвратили-ль благодать
Ея невинныхъ помышленій,
Ея невинную любовь,
И радость тихихъ упоеній,
И цѣломудренную кровь
Вы обновили-ль? Не могли!
Но, чада грѣшныя земли,
Вы дали-ль ей восторгъ объятій

Родного милаго дитяти,
Кому-бы, бѣдная, она
Себя въ сей міръ переливала
И тайну жизни открывала,
Сердечной грусти предана?
Развратной бѣдной вашей кровью
Вы помогли ей повторить
Восторги дѣвственной любови;
Ее пустили вы влачить
Остатокъ дней въ мірской пустынѣ;
И о родномъ, единомъ сынѣ
Ей не придется получить
Отрадной вѣсточки сдалека:
Чужія дѣти напоятъ
Ее въ предсмертный часъ жестокій,
И одинокій гробъ съ упрекомъ
Чужія дѣти понесутъ.
Но если ей судьба судила,
Чтобы родимая рука
Глаза уснувшіе закрыла,
Тѣсна ея тогда могила,
Постеля вѣчная жестка!
Ея малютка за позоромъ
Безмолвно по міру пойдетъ
И въ свѣтлый праздникъ у собора
Яичко красное возьметъ,
И со слезами и укоромъ
Свою родную помянетъ.

Осенній полдень, полдень ясный
Родимой милой той земли,
Мои гдѣ годы разцвѣли,
Гдѣ такъ напрасно, такъ нещастно
Въ недоли бѣдной протекли;
Осенній полдень, полдень ясный,
Какъ друга юности любя,
Чужими звуками тебя
Позволь привѣтствовать, прекрасный!

Ты тотъ-же тихій, также милый
Не знаешь времени—а я!
Не то я сталъ, что прежде былъ:
И путь унылый бытія
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно измѣнили:
Я тайну жизни разгадалъ,
Раскрылъ я сердце человѣка,
И не страдаю, какъ страдалъ,
И не люблю я: я калѣка!
Я трепетъ сердца навсегда
Оледенилъ въ снѣгахъ чужбины.
И только звуки Украины
Его тревожатъ иногда.
Какъ эхо памяти невинной,
Въ нихъ узнаю мою весну.
Мои унылые досуги,
И въ нихъ я таю, въ нихъ тону.
И сердца тяжкіе недуги,
Какъ благодатною росой,
Врачую ими и молюся,
И непритворною слезой
Съ моей Украиной дѣлюся.
Но глухо все въ родномъ краю!
Я тщетно голосъ подаю,
Мнѣ эха нѣту изъ дубровы
Моей козачки чернобровой.
Тамъ все уснуло! Пустота
Растлила сердце человѣка,
И я на смѣхъ покинутъ вѣкомъ—
Я одинокій сирота!
Осенній полдень догорая,
Поля нагія освѣщалъ
И листъ увядшій опадая,
Уныло грустное шепталъ
О здѣшней жизни человѣку.
Такой порой моя калѣка,

Слѣпая нищая моя
И дочь красавица ея—
Она спала, а мать сидѣла
И тихо, грустно тихо пѣла,
Какъ пѣлъ Іосифъ про свой родъ,
Сидя въ египетской темницѣ;
А въ поднебесьи вереницей
Съ дубравъ украинской земли
На югъ летѣли журавли;
Чему-жь-бы ей, какъ вольной птицѣ.
Туда, гдѣ лучше, не летѣть
И веселѣе не запѣть?
Какая тайна приковала
Къ жилищу мрачной тишины?
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пѣла и грустила.
Но звуки дочернихъ рѣчей
Въ ней радость тихую будили,
Быть можетъ, прежнихъ свѣтлыхъ дней.
Или ограда и тополи,
Что грустно шепчутъ межъ собой,
Свидѣтели минувшей доли,
Или дубовый пень сухой,
Плющемъ увянувшимъ повитый,
Какъ будто временемъ забытый,
Ея свидѣтель?—все молчитъ!
Она поетъ, она грустить
И въ глубинѣ души рыдаетъ,
Какъ будто память отпѣваетъ
О дняхъ минувшихъ молодыхъ,
О прошлыхъ радостяхъ святыхъ.
И эти звуки выходили
Изъ сердца бѣднаго ея,
И въ этихъ звукахъ много было
Ея земнаго бытія.

И въ сотый разъ она кончала
Псаломъ невольничій глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздохнула тяжко и сказала:
—Ахъ пѣсня, пѣсня, пѣсня горя,
Ты неразлучная моя,
Въ моемъ житейскомъ бурномъ морѣ
Одна ты тихая струя!
Тебя и день и ночь рыдая
Я всякій часъ пою, пою,
И въ край далекій посылаю
Тебя, унылую мою!
Но вѣтеръ буйный мягкокрылый,
Что прежде весело леталъ
Теперь такъ тихо, такъ уныло,
Какъ будто друга потерялъ,
Какъ будто люди научили,
Чтобы не слушалъ онъ меня
И не домчалъ онъ въ край далекій
Тебя, унылая моя!
Не видя васъ, не зная дня,
Въ моей печали одинокой,
Чѣмъ оскорбить я васъ могла?
Что я вамъ сдѣлала? Любила,
За ваши грѣшныя дѣла
Творца небеснаго молила,
Молила, плакала... а вы
Въ моей тоскѣ, въ моей печали,
Какъ кровожаждущіе львы,
Упрекомъ сердце растерзали,
Растили ядомъ мою кровь,
И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное
Тяжелымъ словомъ понесли
И непотребницей слѣпою
Меня со смѣхомъ нарекли!
Я вамъ простила, я забыла,

Я вашей славы не взяла,
Я подаяніемъ кормила
Мое дитя! И залилась
Слезами, горькими слезами.
Она рыдаетъ, а Оксана
Раскрыла черные глаза:
Скорбящей матери слеза
Прервала сонъ отроковицы;
Съ улыбкой черныя рѣсницы
Она закрыла.—«Какой сонъ
Смѣшной и глупый, и какъ живо!»...
И раскраснѣлася стыдливо,
Сама не зная отъ чего.
—«Какъ холодно, а ты все плачешь;
Ужъ скоро вечеръ; для чего
Ты мнѣ печали не разскажешь?
И я бы плакала съ тобой,
А то»...—И хлынули рѣкою
Слезы невинной красоты.
—«И ты заплакала... прости,
Что о моихъ сердечныхъ ранахъ
Я не бесѣдую съ тобой.
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
Я не прерву твой сонъ прекрасный,
И о судьбѣ твоей несчастной
Узнаешь ты не отъ меня:
Тебѣ разскажутъ люди злые,
Они тебя не пощадятъ.
И много, много горя будетъ,
А горе даромъ не пройдетъ:
Озлобятъ сердце пустотою,
Оно возьметъ любовь съ собою
И все найлучшее возьметъ.
Не плачь, Оксано!» И рыдая
Она Оксану утѣшаетъ:
«Не плачь, дитя мое, усни!

Ты рано плакать начинаешь;
Придетъ пора твоей весны
И тайну слезъ моихъ узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна бездомной сиротою,
И будетъ то моя вина,
Что не раздѣлишь»...—«А съ тобою?
Развѣ тебя я не люблю!
Ахъ, мнѣ съ тобой и горе любо;
Я все съ тобою раздѣлю.
Не понесу я чужимъ людямъ
Мою сердечную слезу,
Къ тебѣ на грудь я принесу,
Только не плачь! дѣлись со мною
Своею тяжкою тоскою.
Не плачь одна! откройся мнѣ,
И будетъ легче. Ахъ послушай,
О томъ, что видѣла во снѣ,
Я разскажу тебѣ.
Какъ будто лѣсъ, а мы вдвоемъ
Такъ на обумъ себѣ идемъ.
Потомъ темно, потомъ свѣтло,
Потомъ, гляжу, тебя не стало;
Я—ну бѣжать, кричать, устала,
Сѣла и плачу; вдругъ село;
Большая улица, большая
И я по улицѣ иду.
Мнѣ грустно такъ, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду;
Мнѣ тяжело, мнѣ давитъ грудь,
А люди смотрятъ и смѣются.
Мнѣ больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюся.
Потомъ атаманъ мнѣ кричитъ:
«Вотъ я тебя!» Я испугалась,
И ну бѣжать... бѣгу... упала,
А сынъ атамана стоитъ,

Какъ будто грустный, надъ водою
И тихо машетъ мнѣ рукою.
Вотъ я къ нему и подошла,
А онъ схватилъ меня руками.
«За чѣмъ въ лѣсу ты не жила?
«За чѣмъ ты въ полѣ не росла?»
Такими онъ сказалъ словами:
«И мнѣ нельзя тебя любить,
«Нельзя съ тобою мнѣ вѣнчаться:
«Надъ нами будутъ всѣ смѣяться,
«А безъ тебя мнѣ скучно жить,
«Я утоплюся», онъ сказалъ
И такъ меня поцѣловалъ!
Не такъ, какъ ты... и я проснулась.
Не правда-ли, мудреный сонъ?
Должно быть худо значитъ онъ,
Или не худо—ты не знаешь?
Мнѣ страхъ, какъ хочется узнать.
О чемъ же снова ты вздыхаешь?
Или боишься разсказать,
Что значитъ сонъ? Ахъ разскажи!
Ну, что-же дѣлать? Если худо,
Мы въ лѣсъ уйдемъ и будемъ жить
Съ тобой вдвоемъ, и будетъ любо
Съ тобою вмѣстѣ мнѣ грустить.
Ну, что-жъ? разскажешь?—«Да», сказала
Вздохнувъ слѣпая; «разсказать
Тебѣ должна я: я устала,
Устала горе выливать
Нераздѣленными слезами.
Тебѣ уже пятнадцать лѣтъ,
Твой сонъ не добрый, сонъ ужасный:
Ты встрѣтишь горестный привѣтъ
Своей винѣ, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости
И на просторѣ, и на волѣ
Съ унылымъ вѣтромъ погрусти,

Какъ я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль,
Какъ я лишь вѣтру повѣряла.
Но и ему меня не жаль;
Онъ даже слезъ сушить не хочетъ,
А ихъ такъ много сердце точитъ.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой Дѣвѣ въ часъ прескорбный
И за него и за меня.
Неправдой люди всѣ живутъ:
Ты ихъ не слушай! Сказкой злою
Они мой жребій понесутъ
И посмѣются надъ тобою,
И ты не будешь правды знать;
На судъ ты будешь призывать
Свою родную,—а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я разскажу, не потаю,
Съ ея весельями и мукой,
Да будетъ для тебя наукой!

Своихъ родныхъ не знала я,
Въ чужой семьѣ я выростала,
Чужая, добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала выростать,
Что мать родная умирая
Просила ихъ не покидать,
Меня малютку покидая;
Но кто она, ее какъ звали,
Потомъ узнать я не могла.
И я росла себѣ, росла;
Меня сироткой называли,
Потомъ красавицей слыла;
Меня любили и ласкали

И даже сватали! Но я...
Ахъ, знать, моя такая доля!
Передъ людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Дѣвичью волю берегла.
Какъ тяжко люди отплатили!
Не долго косу я плела,
Ее накрыли. Вотъ какъ было.
Весною умеръ Дидычъ старый,
А лѣтомъ Дидычъ молодой
Въ село пріѣхалъ. Злыя чары
Онъ изъ московщины съ собой
Привезъ, красавецъ, для меня;
И я веселье разлюбила,
И Маковееваго дня
Я не забуду до могилы.
Какъ ясно солнышко свѣтило,
Какъ закатилося... и ночь..!
Мое дитя! моя ты дочь!
Не обвиняй меня несчастной—
Я стыдъ и горе понесла!
И Маковеевъ день ужасный,
И день рожденья прокляла.
Мы были въ полѣ, жито жали,
Окончивъ жатву, шли домой;
Подруги пѣли и плясали,
А я съ распущенной косой
Въ вѣнкѣ изъ жита и пшеницы
Вела передъ, была царица.
Насъ встрѣтилъ Дидычъ молодой.
Никто такъ мной не любовался.
Я трепетала, тихо шла,
А онъ смотрѣлъ и улыбался.
О какъ я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
Забилось сердце у меня....
На третій день... о мой покою!

Зачѣмъ покинулъ ты меня?
На третій день... и я въ палатахъ
Была, какъ пани на пиру.
Не долго я жила богато—
Зимою рано по утру
Проснулась я—все пусто было
И сердце холодомъ заныло.
А слуги... Богъ имъ судія!
Съ насмѣшкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я сѣла здѣсь, подъ этимъ пнемъ
И долго плакала... потомъ
Едва протоптанной тропой
Въ село забытое пошла
И долю горшую нашла:
Меня и въ хату не пустили,
Всѣ посмѣялись надо мной
И хусткой черною простой
Косу шелковую накрыли,
И я рыдая изъ села,
Иной дорогою пошла
Въ село чужое. Ахъ, Оксано!
И въ шитомъ шелковомъ жупанѣ
И въ сѣрой свитѣ люди злы!
Я изъ села въ село ходила,
А горе шло передо мной.
Покрыткой, дурой называли
И даже нищіе чуждались.
Во всей Украинѣ родной
Мнѣ мѣста не было одной.
Въ лѣсу дремучемъ, въ чистомъ полѣ
Я не боялась ночевать:
Тамъ безъ свидѣтелй, на волѣ
Могла свободно пѣть, рыдать.
А пѣсня горе облегчаетъ,
Хоть и унылая она.
Спасибо, нищая одна,

Такая же, какъ я, слѣпая
Меня учила пѣсню пѣть;
И я пою ее рыдая
И до могилы буду пѣть.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни пѣсню ты мою
И пой ее, какъ я пою,
Она умалитъ сердца рану.
Пришла и красная весна,
Запѣли пташки, все проснулось,
Все засмѣялось—я одна
Святой веснѣ не улыбнулась:
Она мнѣ слезы принесла.
Занемогла я на дорогѣ,
Кой-какъ до хутора дошла.
И ты на хуторѣ убогомъ
Узрѣла милый, Божій свѣтъ.
О сколько радости у Бога
Для нашихъ слезъ, для нашихъ бѣдъ!
Твой первый звукъ... ахъ нѣтъ, не стану...
Нѣтъ... Поцѣлуй меня, Оксано!
Я не умѣю разсказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать.
То выше счастія людскаго.
И какъ несчастлива, убога
Жена безплодная... Съ тобой
Мнѣ снова счастье возвратилось,
Я любовалася весной,
Цвѣты я снова полюбила,
Цвѣты я снова берегла.
Съ восходомъ солнца я вставала,
Ты на груди моей спала.
Никѣмъ невидима, бывало,
Прокрадусь въ лѣсъ, найду цвѣтокъ

И сяду у цвѣтка съ тобою.
Ты тихо спишь, а онъ цвѣтетъ
И я гордилася тобою
Предъ распустившимся цвѣткомъ.
Бывало я сорву тайкомъ
Листочекъ розовый румяный
И тихо, тихо положу
Тебѣ на щечку... погляжу
И оболью тебя слезами.
Была ты розовѣй цвѣтка
И утренней зари румянѣй.
Такъ мнѣ Господь добро творилъ
Въ тебѣ и розовыхъ листкахъ.
Но... какъ тебя ни забавляла,
Какія пѣсни ни пѣвала,
Какъ ни играла я съ тобой,
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мнѣ было не съ кѣмъ подѣлиться
Твоею дѣтскою красой.
Ты слово «мамо» лепетала,
Но слова лучшаго не знала,
Какъ и теперь не знаешь ты.
Я не могла съ тобой идти
Черезъ село; я не стыдилась—
Пусть люди смотрять, какъ хотятъ!
Я стыдъ любовью замѣнила.
Тебѣ боялась показать,
Какъ дѣти межъ собой играютъ,
Боялась видѣть, какъ дитя
Отца усталаго ласкаетъ.
Такъ время шло—ты выростала,
И любо было мнѣ смотрѣть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе-горькое терпѣть
Судилъ Господь мнѣ до могилы
За юность грѣшную мою.
Свѣтъ гаснуть сталъ... О, Боже милый!
Я надъ могилою стою,

Пошли мнѣ мудростью своею
Взглянуть на милый Божій свѣтъ,
Проститься съ грѣшною землею,
Хотя на мѣсто посмотрѣть,
Гдѣ я усну, усну на вѣки!

. . . .

И я ослѣпла. Слезы—рѣки,
Молитвы теплыя—ничто,
Ничто Творца не умолило,
И все, что душу веселило,
Какъ будто въ гробѣ заперто.
Потомъ что было, я не знаю:
Смѣялись люди, или нѣтъ;
Мои бѣды воспоминая,
Мнѣ только жаль, что Божій свѣтъ
Не скрылся въ юности безпечной;
Тогда-бъ не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь къ печали безконечной
Пристала горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мнѣ жаль—
Твой сонъ недобрый очень рано
Тебѣ приснился.

Оксана. . . . . развѣ онъ
Какое зло намъ предвѣщаетъ?

Слѣпая. Онъ для меня всѣхъ бѣдъ страшнѣе,
А для тебя еще ужаснѣй.
И ты погибнешь отъ людей,
Какъ я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встрѣтишь между ними
Змѣю, ужасную змѣю!
И ты пойдешь за нею слѣдомъ,
Покинешь голову мою,
Какъ я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.

Оксана. Вѣдь ты не знала, что такъ будетъ,
Что насмѣются злые люди,
Что онъ недобрый человѣкъ,
Что онъ покинетъ. Мамо, мамо
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Гдѣ же онъ,
Мой злой отецъ? Ты говорила,
Что здѣсь увижу я его;
И сколько лѣтъ уже съ тобою
Сижу я здѣсь—его все нѣтъ.
Онъ не пріѣдетъ, онъ покинулъ:
Тебя онъ, видно, не любилъ.
Зачѣмъ же ты его любила?
Уйдемъ изъ этого села—
Мнѣ страшно стало.

Слѣпая. Ахъ, Оксано!
Куда уйдемъ мы отъ людей?
Гдѣ молодость твою укрою?
А онъ пріѣдетъ... и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слѣпая грустно замолчала;
Оксана съ дѣтскою тоской
Къ ней на колѣни тихо клала
Головку смуглую свою.
«Усни, Оксано! говорила:
«Я тихо пѣсеньку спою,
Спою любимую твою,
Какъ братья брата продавали
Въ чужую дальную страну».
И отходящую ко сну,
Лелѣя нѣжно цѣловала,
Читая тихо ей псаломъ:

Храни тебя, святая Дѣва,
Отъ злыхъ напастей, бурь земныхъ!
Да будетъ сонъ твой сладокъ, тихъ,
Какъ непорочные напѣвы
Небесныхъ ангеловъ святыхъ!

Да не дерзаетъ искуситель
Въ сердечну храмину войти
И по терновому пути
Да волитъ ангелъ охранитель
На лоно рая привести!
Храни тебя, святая Дѣва,
Отъ злыхъ напастей, вражьихъ ковъ,
Свой найбожественный покровъ
Пошли тебѣ, святая Дѣва,
Мое дитя, мою любовь!

На утро юная Оксана,
Какъ утро осени въ туманѣ,
Скорбя невинною душой,
У ногъ страдалицы слѣпой
Уныла, блѣдная сидѣла.
Слѣпая ту-же пѣсню пѣла,
И тотъ же въ сердцѣ непокой!
Не скоро дни текутъ надъ ними,
Не ясно солнышко горитъ.
Пришла весна и дворъ пустынный
Вдругъ оживился, все кипитъ
Веселою жизнью, какъ бывало.
Пріѣхалъ Дидычъ на покой.
Чету страдалицъ разлучили:
Оксана въ домѣ заперта,
А одинокую слѣпую
Одѣть велѣли и прогнать
Съ наказомъ строгимъ не шататься
Вокругъ господскаго двора.
И рада, бѣдная, была,
Что такъ сбылося, какъ мечтала.
«Теперь», такъ думала слѣпая:
«Теперь Оксаночка моя
Укрылася отъ непогоды,
Будетъ счастливою», и шла
Изъ обновленнаго села,
Моля Небесную Царицу,

Да благо дщерино хранитъ.

. . . .

Оксана грустная сидитъ
Въ роскошно убранной свѣтлицѣ,
Одѣта бархатомъ, парчей,
И не любуется собой
Передъ большими зеркалами.
Проходятъ мѣсяцы за днями,
Какъ паннѣ, все готово ей
И ходитъ сторожъ у дверей.
Самъ Дидычъ сласти ей приноситъ,
Даритъ алмазомъ, жемчугомъ
И на колѣнахъ ее проситъ
Не звать ни паномъ, ни отцомъ.

. . . .

Зачѣмъ все это? И рыдала...
Запѣлъ весною соловей,
Запѣлъ не такъ, какъ онъ, бывало,
Поетъ предъ утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашикъ дѣлаетъ съ бурьяну,
Чтобъ маму солнце не пекло,
Когда ходила умываться
Она въ долину и потомъ
Барвинкомъ, рутой наряжаться
И ненарокомъ повстрѣчаться
Съ черночупринныиъ козакомъ.
Печальный вечеръ ночь смѣнила
Еще печальнѣй. Тяжко ей,
Она сидѣла и грустила
О прошлой бѣдности своей,
И слышитъ пѣсню за оградой
Знакомый голосъ ей поетъ
Печально, тихо....

«Текла рѣчка въ чистомъ полѣ,
Орлы воду пили;

Росла дочка у матери,
Козаки любили.
Всѣ любили, всѣ ходили
И всѣ сватать стали,
И одного между ними
Козака не стало.
Куда скрылся, дивилися,
И никто не знаетъ.
Поселился въ темной хаткѣ
За тихимъ Дунаемъ».
Оксана молча трепетала,
Ей каждый звукъ рождалъ мечту.
«Онъ не забылъ», она шептала:
«Онъ не покинетъ сироту...»
За каждымъ звукомъ вылетаетъ
Изъ сердца черная тоска,
Она себя воображаетъ
Уже въ объятьяхъ козака,
Уже за садомъ, за оградой,
Уже на полѣ... воля... рай...
. . . .
«Держи, держи! Лови, стрѣляй!
Раздался хриплый голосъ пана
И выстрѣлъ поле огласилъ.
«Убили!» вскрикнула Оксана:
«Убили! Онъ меня любилъ!
Любилъ!!!....» и замертво упала.
То былъ не сонъ,—то пѣлъ козакъ,
Удалый вольный гайдамакъ.
Оксана долго дожидала
Любимца сердца своего
И не дождалася его.
Отрадный звукъ не повторился,
Надежды вновь не прошепталъ,
Онъ только снился, часто снился
И юный разумъ разрушалъ
Мечтой безплодною.

«Птицы вольныя сестрицы,
Полетите въ край далекій,
Гдѣ мой милый кароокій,
Гдѣ родная край дороги,
Болятъ руки, болятъ,
А я долю проклинаю
Съ поля воли дожидаю!»
Такъ пѣла бѣдная Оксана
Зимой въ свѣтлицѣ у окна.
Неволя стерла цвѣтъ румяный,
Слезою смылась бѣлизна.
—«Быть можетъ здѣсь, она шептала,
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ея... а я»...
И содрогаясь замолчала.
—Темнѣло поле, изъ туману
Луна кровавая взошла;
Взглянула съ трепетомъ Оксана
И быстро молча отошла
Отъ непривѣтнаго окна,
Страшась кроваваго свѣтила.
Завыли псы, рога трубили,
И шумъ, и хохотъ у воротъ—
Охота съ поля возвратилась,
И панъ къ страдалицѣ идетъ
Безстыдно пьяный...

. . . .

Слѣпая бѣдная не знала
Недоли дочери свой,
Съ чужимъ вожатымъ спотыкалась
Межъ непріязненныхъ людей.
Ходила въ Кіевъ и Почаевъ
Святыхъ угодниковъ молить,
И душу страстную рыдая
Молитвой думала смирить.
И возвратилася зимою
Въ село страданія тайкомъ.

Сердце недобрымъ чѣмъ-то ныло,
Вѣщало тайнымъ языкомъ
Вѣсть злополучія и горя.
Со страхомъ въ сердцѣ и тоскою
Тихонько крадется она
Давно извѣданной тропою;
Кругомъ, какъ въ гробѣ, тишина;
Печально блѣдная луна
Съ глубокой вышины сіяла
И бѣлый саванъ озаряла
На мертвой грѣшницѣ землѣ.
И вдругъ открылася вдали
Картина страшная пожара.
Слѣпая бѣдная идетъ,
Не видя нашихъ золъ и кары,
И очутилась у воротъ
Весною кинутыхъ. О Боже!
Что она слышитъ? Трескъ и громъ,
И визгъ, и крикъ, и гулъ протяжный,
И жаромъ хлынуло въ лицо.
Она трепещетъ. Недалеко
Вдругъ слышитъ голосъ... Боже мой!
Чей это голосъ ты узнала?
Узнала... страшно... то Оксана!
На мѣстѣ томъ, гдѣ столько лѣтъ
Они вдвоемъ грустя сидѣли,
Она несчастная сидитъ,
Едва одѣтая худая,
И на рукахъ, какъ-бы дитя,
Широкій ножъ въ крови качаетъ
И страшно шепчетъ:
«Молчи, дитя мое, молчи,
Пока спекутся калачи;
Будемъ медомъ запивать,
Будемъ пана поминать».

(Поетъ).

А у пана два жупана,
А третяя свита,

За то пана
Утромъ рано
Въ дубровѣ убито.
А убили гайдамаки,
Жупаны дѣлили:
Тому жупанъ, тому жупанъ,
А третьему свита,
И остался панъ безъ свиты
Въ снѣгъ бѣлый зарытый.
Ай, да й домоклъ!

Слѣпая. Оксано! гдѣ ты?

Оксана. Ахъ молчи!
Дай убаюкать мнѣ сынка!
(*Поетъ*)

Баю, баю, дитя мое
Въ дремучемъ лѣсу,
А я тебѣ съ поля волю
Долю принесу.
Баю, баю, дитя мое,
Во сыромъ бору
А я пойду погуляю,
Ягодъ наберу.
Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
Переломятъ люди руки
И бѣлыя ноги.
Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовомъ,
Полиняютъ кари очи
И черныя брови.
Усни дитя, усни дитя,
Усни ты на вѣки,
А я одна на базаръ пойду.
У жида крови наточу
И тебя полечу.
А... уснулъ! Теперь возьми,
У! какой черный—посмотри!

Слѣпая. Оксано! гдѣ ты? что съ тобою?

Оксана (*быстро подходитъ къ ней*).

А ты гдѣ ходишь? Посмотри,
Какой веселый пиръ у пана!
Да панъ не будетъ пировать—
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожгла, пойдемъ плясать.

(*Поетъ и медленно пляшетъ*).

Гой, гой, не бѣда,
Слезы тоже вода,
Слезы гасятъ печаль,
А печали мнѣ жаль,
Жаль мнѣ грусти моей,
Жаль подруги моей,
Моей черной тоски.

Моей... моей... Ахъ нѣтъ, не то!..
Теперь такъ весело, свѣтло,
А я какъ будто на поклонахъ.

(*Поетъ и пляшетъ*).

Посѣяла лебеду на бѣду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змѣи-серьги въ ушахъ.
Черезъ плечи висятъ
И шипятъ, и шипятъ.
Козакъ вѣрно любилъ,
Козакъ серьги дарилъ.
Мать въ могилѣ спала,
А я, знай, себѣ шла.
Шла дорогой большой;
А за мной, все за мной.
По четыре, по три
Косари, косари
Бурьянъ косятъ, поютъ.

Слѣпая. Оксано бѣдная, молися,
Молися Богу, ты поешь
Все пѣсни страшныя такія!

Оксана. А ты смѣяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лѣтъ
Ты хохотала, я смѣялась,
Поплакать можно одну ночь.

Слѣпая. Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грѣхъ тебѣ, Оксано,
Ты насмѣялася.

Оксана. Кто? Я?
Не насмѣялася! Смотри,
Смотри, какъ падаютъ стропила.
Гу!.. Гу!.. Гу!.. Ха, ха, ха, ха!
Пойдемъ плясать, его ужь нѣтъ,
Онъ не разлучитъ насъ съ тобою.

(Поетъ и пляшетъ).

По дорогѣ осока,
А въ болотѣ груши,
Полюбила козака,
Запродала душу;
А козакъ
Такъ и сякъ
Не любилъ,
Задушилъ,
Въ сыру землю зарылъ.
Въ темной хатѣ сырой
Спать ложилась со мной
Вѣдьма черная.
И смѣялася,
Обнималася,
Ѣла, грызла меня,
Подложила огня
И запѣла, заплясала
И скакала, и кричала:
Жаръ, жаръ, жаръ!
Черезъ яръ
На пожаръ.
Всѣ слеталися,
Любовалися
И смѣялися

Хи, хи, хи, тра, ла, ла, ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная чорту свѣчка!
Черезъ яръ идетъ овечка:
Не ходи козакъ въ дуброву.
Не ходи, Ивашечко,
Торною дорожкою,
Не носи гостинчики
Змѣѣ черной гадинѣ:
Чародѣйка лютая
Сотретъ брови черныя,
Выжжетъ очи карія.

Слѣпая. Опомнись дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдемъ въ село: здѣсь страшно стало!

Оксана. Пойдемъ въ село, здѣсь душно мнѣ,
Я босякомъ, какъ на огнѣ,
На роковомъ снѣгу танцую.
Пойдемъ въ село, переночуемъ.
А кто насъ пуститъ ночевать?
Вѣдь люди, знаешь, насъ боятся;
Пойдемъ мы въ лѣсъ волковъ ласкать;
Вѣдь люди врутъ, что волки злые,
Волки насъ любятъ—право такъ!
А помнишь, ты мнѣ говорила...
Ахъ нѣтъ... не то... постой, забыла,
Я все забыла... мой козакъ,
Мой кароокій. Я любила,
И онъ, козакъ, меня любилъ,
И темной ночью онъ ходилъ
Въ зеленый садъ, гдѣ я гуляла.
Ахъ, какъ тамъ весело бывало!
Какъ онъ лаская цѣловалъ,
Какія рѣчи онъ шепталъ!
Ты такъ меня не цѣловала,
Какъ онъ, мой милый, дорогой.

Мой ненаглядный, мой сердечный!
. . . .
Ты говорила, онъ не злой;
А онъ, твой панъ, безчеловѣчный
Твой панъ на смерть его убилъ
За то, что я его любила,
За то, что онъ меня любилъ.
Злодѣй, въ желѣза заковалъ,
Объ этомъ я не говорила
Съ тобою даже; онъ пропалъ,
Пропалъ безъ вѣсти, какъ пропала
Моя дѣвичья краса.
А ты слыхала чудеса!
Онъ въ гайдамакахъ атаманомъ;
И этотъ ножъ мнѣ подарилъ,
Онъ приходилъ...

Слѣпая. Пойдемъ скорѣй!
Веди меня.

Оксана. Куда вести?
Въ болото, въ лѣсъ? Постой, постой!
Я поведу тебя въ село,
Гдѣ все бурьяномъ поросло,
Гдѣ вмѣсто хатъ кресты, могилы,
Гдѣ поселился другъ мой милый
Въ свѣтелкѣ темной и сырой.

Слѣпая. Пойдемъ скорѣе. Богъ съ тобою,
Перекрестися!

Оксана. Я крестилась,
Я горько плакала, молилась,
Но Богъ отвергъ мои кресты,
Мои сердечныя молитвы,
Да, онъ отвергъ; а помнишь ты?
Нѣтъ, ты не помнишь, ты забыла;
А я такъ помню, ты учила
Меня малютку кровь сосать,
Да «Отче нашъ» еще читать.

Слѣпая. Оксано, Боже мой, молись,
Ты страшно говоришь!

Оксана Да, да.

Я страшно говорю! такъ чтобы
Ты не бояласяи сидѣть
Осенней ночью у забора
И просидѣла двадцать лѣтъ,
Пойдемъ опять туда сидѣть.
Пойдемъ-же, мамо, будемъ пѣть,
Пока народъ не пробудился.
И будемъ пѣть, какъ снарядился
Козакъ съ ордою воевать
И какъ покинулъ онъ дѣвчину,
И какъ другую полюбилъ.
Вѣдь это весело покинуть!
Въ чужой далекой сторонѣ
Листокъ съ любистка на огнѣ.

(Поетъ тихо).

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай;
За Дунаемъ погуляю молода
Съ козаками молодцами мертвыми,
Съ козаками мертвецами.
Чуръ меня! Чуръ меня! Чуръ меня!»
Пойдемъ скорѣе. Ахъ, постой!
Я потеряла башмаки.
А башмаки вѣдь дорогiе,
Да ноги жгли мнѣ, все равно
Мнѣ ихъ не жаль, и босякомъ
Дойдемъ до гроба...

(Поетъ).

Полетѣла пташечка
Черезъ поле въ гай,
Уронила перышко
На тихiй Дунай.
Плыви, плыви, перышко,
Плыви за водой!..
Я все молчала, все молчала,
А онъ шепталъ и цѣловалъ.
Сулилъ намисто съ дукачами.
Зачѣмъ ты не велѣла брать?
Вѣдь имъ бы можно удавиться.
А знаешь что? пойдемъ къ рѣкѣ
Купаться просто и утонемъ,
И будемъ щуками въ водѣ.

И пташкамъ воля въ чистомъ полѣ,
И пташкамъ весело летать;
А мнѣ такъ весело въ неволѣ
Дѣвичью молодость терять.
Я развѣ грѣшница какая?
Отраву, что-ли, я варю?
Нѣтъ, я не грѣшница; ты узнаешь,
Всему я вѣрила, всему!
Но кто повѣрилъ моей вѣрѣ?
Теперь не то. Летитъ, летитъ!
Нѣтъ, ты не вылетишь проклятый,
Я задушу тебя! Держите—
Красный змѣй! Красный змѣй!
Онъ разсыпется... Потомъ
Га! га! га!...
И, будто мщеніе живое,
Она съ распущенной косой,
Съ ножемъ въ рукахъ, крича летѣла
И съ визгомъ скрылася въ огнѣ.
Вдругъ крикъ пронзительный. Вздрогнула
Слѣпая молча, и крестясь,
Аминь, аминь, аминь шептала.
И крикъ смѣнилъ протажный гулъ,
Стѣна упала, гулъ ревѣлъ
И смолкъ въ долинѣ безучастной,
Какъ въ глубинѣ души безстрастной.
Пожаръ лютѣя пламенѣлъ,
Слѣпая, бѣдная, стояла
Въ дыму и пыли снѣговой,
Она Оксаны дожидала
И «со святыми упокой»
Невольно съ трепетомъ шептала.
И не дождалася слѣпая
Своей Оксаночки; ушла
Изъ погорѣлаго села,
Псаломъ любимый напѣвая:

Кого, рыдая, призову я
Дѣлить тоску, печаль мою?
Въ чужомъ краю кому, тоскуя,
Родную пѣсню пропою?

Библіографія.

Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава, 1885 года. (*Отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника*).

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выставили, распадается на 18-ть главъ: 1-я глава заключаетъ въ себѣ введеніе; каждая изъ остальныхъ содержитъ разборъ былинъ объ одномъ какомъ-нибудь богатырѣ.

Положенія, которыя авторъ предположилъ доказывать въ своемъ трудѣ, высказаны имъ въ 1-й главѣ и заключительной XVIII-й.

„Предположеніе о южно-русскомъ происхожденіи всѣхъ вообще былинъ Владимірова цикла, говоритъ г. Халанскій, не имѣетъ за собой достаточныхъ основаній. При ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказывается *принятымъ на вѣру* [1]), не разобраннымъ критически ни однимъ изслѣдователемъ". А въ заключительной главѣ авторъ повторяетъ: „мы не можемъ вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ и другими назвать всѣ вообще былины кіевскаго цикла и южно-русскими. Въ кругу ихъ есть, дѣйствительно, нѣсколько богатырей и былевыхъ сюжетовъ кіевскаго происхожденія и южно-русскаго. Такъ, къ южно-русскимъ богатырямъ мы должны отнести Владиміра, Добрыню, быть можетъ, Вольгу, Ставра, Ивана Даниловича, Чурила Пленковича и отчасти Ивана Гадиновича".

Чтобы доказать эти свои положенія, г. Халанскій и производитъ анализъ былинъ о богатыряхъ. Такъ, глава III посвящена Добрынѣ Никитичу. Авторъ сопоставляетъ былинныя преданія о встрѣчѣ этого богатыря съ великаншей, поленицей, и объ измѣнѣ жены Добрыни, съ кавказскими преданіями о Нартахъ. Еще въ введеніи къ своему труду

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

авторъ вполнѣ вѣрно возстаетъ противъ скорыхъ сближенiй въ области народной поэзiи. Дѣйствительно, нужно доказать, что данное явленiе не было присуще быту народа, чтобы говорить о заимствованiи того или иного мотива въ былинѣ. Весьма возможно, что кавказскiя преданiя отразились въ русскомъ преданiи о Бунякѣ—Бонякѣ, но сходство былинныхъ чертъ о женитьбѣ Добрыни и нартовскихъ сказанiй о женитьбѣ Алаугана является, на нашъ взглядъ, довольно легкимъ.

Что касается преданiя о Бунякѣ, то оно не только „напоминаетъ половецкаго хана Боняка,“ но *дѣйствительно* говоритъ объ этомъ героѣ половецкомъ, который зарубилъ себѣ память у южно-русскаго населенiя. Въ приводимой г. Халанскимъ пѣснѣ интересны слѣдующiя мѣста:

Що-жъ то за диви!
Може Бунякъ солодиви?

Затѣмъ:

Эй, берутъ ся до него
Князь *Романъ*, бояры,
А що-жъ буде зъ него...

Тутъ, какъ и *въ лѣтописи*, బонякъ называется *шелудивымъ*; такимъ образомъ прозвище его сохранилось въ памяти народной въ продолженiи восьми вѣковъ. Сомнѣнiя въ тождествѣ Буняка и Боняка быть поэтому не можетъ. Но эта пѣсня интересна и въ другомъ отношенiи. Она сохранила имя *князя Романа*, и не даромъ. Этотъ князь извѣстенъ своими походами на половцевъ въ 1201 и 1204 годахъ. Ипатьевская лѣтопись дѣлаетъ такую характеристику Романа: „устремилбося бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ“.... Далѣе идетъ сравненiе его съ Владимiромъ Мономахомъ, ярымъ защитникомъ земли русской отъ половцовъ. На этой пѣснѣ видно, какъ въ народной памяти соединяются лица и событiя, существовавшiя отдѣльно, на разстоянiи вѣковъ другъ отъ друга. Это упоминанiе о Романѣ даетъ полное право видѣть въ этой пѣснѣ созданiе древней народной поэзiи до-татарскаго перiода. Нельзя поэтому не согласиться съ авторомъ, что „болѣе точное и всестороннее обслѣдованiе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенiя великорусскихъ историческихъ воспоминанiй къ малорусскимъ, равнымъ образомъ опредѣлить дѣйствительную сумму малорусскихъ воспоминанiй о до-казацкихъ временахъ.“ „Не съ великорусскими былинами въ рукахъ, а *съ лѣтописью*

нужно отыскивать слѣды древней исторіи въ современной малорусской пѣсенности." Вѣрность послѣдняго замѣчанія г. Халанскаго мы показали сличеніемъ лѣтописныхъ извѣстій съ пѣсней о Бунякѣ.

Былинамъ о Добрынѣ авторъ приписываетъ южно-русское происхожденіе, но не доказываетъ вполнѣ своего положенія. Что былины о Добрынѣ отражаютъ память о до-татарской эпохѣ, о борьбѣ южно-русскаго населенія съ половцами и печенѣгами, это ясно видно изъ былины, помѣщенной въ I ч. у Рыбникова, подъ № 24, и въ былинной сказкѣ у Кирѣевскаго (II вып.) На нихъ-то и слѣдовало опереться г. Халанскому.

Вторая глава посвящена авторомъ разбору былинъ о Михаилѣ и Иванѣ Даниловичахъ. Г. Халанскій признаетъ послѣдняго дѣйствительнымъ лицемъ, жившимъ въ XII в. среди дружинниковъ кіевскаго князя Ярополка Владиміровича. Намъ кажется, что пріурочивать богатыря къ дѣйствительной личности и отыскивать самую личность едва ли возможно Супойская битва должна была, конечно, оставить глубокіе слѣды въ памяти кіевлянъ и у нихъ должны были явиться сказанія о ней. Разсказы современниковъ разнообразились, передавались подробности о проявленіи доблести не одного какого-нибудь лица, а нѣсколькихъ. У слѣдующихъ поколѣній всѣ эти отдѣльные эпизоды слились въ одинъ; отдѣльныя личности какъ-бы отдали всѣ свои заслуги одному собирательному лицу,—явилась былина. На каждаго богатыря, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на личность собирательную, около которой сгруппированы факты дѣятельности многихъ или въ продолженіи цѣлыхъ эпохъ, или въ какой-либо одинъ историческій моментъ. Сказаніе ипатьевской лѣтописи написано очевидцемъ, что доказывается точностью сообщаемыхъ въ ней данныхъ. Очевидецъ или современникъ и не знаетъ о богатырѣ, ибо у современниковъ не могло еще образоваться подобнаго образа. Весьма возможно, что Никоновская лѣтопись взяла эти подробности изъ какого-нибудь не дошедшаго до насъ списка, но такого, въ которомъ была уже занесена былина объ Иванѣ Даниловичѣ.

Для доказательства позднѣйшаго происхожденія нѣкоторыхъ былинъ авторъ указываетъ на заимствованія въ нихъ изъ житій. Мы думаемъ, что тутъ дѣло было наоборотъ. Авторы житій, сами будучи изъ народа, собирая преданія о святомъ, вносили въ свои творенія элементы народной поэзіи. Чѣмъ позднѣе редакція житія, тѣмъ суше послѣднее; чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе дышетъ оно теплотой, неподдѣльностью, тѣмъ болѣе бытовыхъ чертъ оно въ себѣ заключаетъ. Въ него внесены народные обычаи, повѣрья, преданія. Поэтому, по нашему крайнему

разумѣнію, нельзя доказывать позднее происхожденіе той или иной былины сходствомъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ съ житійными чертами.

Страннымъ кажется намъ и то мнѣніе г. Халанскаго, будто почитаніе Ильи Муромца святымъ на югѣ Руси явилось послѣдствіемъ переноса съ сѣвера на югъ былинныхъ преданій объ этомъ богатырѣ. Эрихъ Ляссота говоритъ о множествѣ ходившихъ въ его время разсказовъ объ Ильѣ. Выходитъ, будто всѣ они суть результатъ путешествій великоруссовъ на богомолье въ Кіевъ. Это положеніе требуетъ само по себѣ еще доказательства, а уже никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ великорусскаго происхожденія былинъ объ Ильѣ. Реализоваться могли только мѣстныя преданія, а не занесенныя.

Авторъ приводитъ былину о Калинѣ царѣ для объясненія преданія Никоновской лѣтописи о Демьянѣ Куденевичѣ, такъ что этимъ самымъ признаетъ до-татарское происхожденіе былины, а далѣе Илью Муромца считаетъ богатыремъ московскаго періода. Несомнѣнно, въ былинахъ объ этомъ богатырѣ, при основѣ до-татарской, существуютъ и московскія наслоенія, но нужно представить гораздо болѣе вѣскія доказательства, чтобы можно было принять положеніе автора. Можно-бы привести много мѣстъ изъ былинъ, разбираемыхъ авторомъ, заключающихъ въ себѣ отраженіе удѣльно-вѣчеваго времени; но наши замѣтки и такъ черезчуръ растянулись. Замѣтимъ только, что *дьякъ выдумщикъ*, по нашему мнѣнію, указываетъ, что въ былинахъ отразился и походъ Кончака въ 1184 г., когда этотъ ханъ „бяше обрѣлъ *мужа таковаго бесурменина*, иже стрѣляше живымъ огньмъ.“ Этотъ *бесурменинъ* и есть *дьякъ вырумщикъ*. *Кощей* былинъ—это *кощеи* лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ, подъ которыми разумѣлись половцы; эти былины имѣютъ дотатарскую основу. Соглашаясь съ нѣкоторыми мыслями автора, мы не можемъ признать его положенія о дѣленіи былинъ на южно-русскія, татарскія и московскія: всячески авторъ этого не доказалъ.

П. Голубовскій.

Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Соч. Григорія Бразоля. Харьковъ. 1886 г.

Книга большая, вопросъ важный, но основательнаго, убѣдительнаго отвѣта нѣтъ. Происхожденіе книги, повидимому, случайное, содержаніе разнообразное, многосоставное. Когда-то авторъ въ юридическомъ обществѣ при кіевскомъ университетѣ читалъ рефератъ по вопросу о

болѣе совершенной организаціи волостныхъ и сельскихъ судовъ и встрѣтилъ много возраженій. Вотъ этотъ-то рефератъ, со всѣми возраженіями на него, а также отвѣты автора на возраженія, и составляетъ содержаніе книги г. Бразоля.

Сущность реферата г. Бразоля заключается въ указаніи на недостатки волостныхъ и сельскихъ судовъ и на необходимость замѣнить ихъ мировыми судебными учрежденіями; противники г. Бразоля старались, напротивъ, доказать важность и полезность существующаго устройства. Сговориться диспутантамъ было рѣшительно невозможно: каждая изъ сторонъ, сообразно своимъ цѣлямъ, брала крайности въ достоинствахъ или недостаткахъ того или другаго учрежденія. Тутъ нѣтъ слѣдовательно цѣльнаго, систематическаго изслѣдованія вопроса; это сводъ мнѣній по данному вопросу случайно и сгоряча высказанныхъ и расходящихся до противуположности. Мы-бы и не касались этой книги, по своему сюжету не имѣющей отношенія къ программѣ нашего изданія, если-бы авторъ оной и его оппоненты не ограничивались въ обсужденіи затронутаго вопроса данными исключительно южныхъ мѣстностей и не дѣлали при этомъ попытки поставить вопросъ на почву историческую.

Названныя попытки не даютъ общаго обзора народныхъ обычаевъ въ области суда, но касаются лишь нѣкоторыхъ фактовъ въ обстановкѣ сельскаго суда, указывающихъ на прошлую жизнь Малороссіи. Таковъ, напр., вопросъ о могоричахъ. Г. Бразоль видитъ въ нихъ одну изъ язвъ современнаго сельскаго суда, а его оппоненты, гг. Василенко, Пенскій и покойный А. Ѳ. Кистяковскій, указываютъ на историческое значеніе этого обычая, упуская изъ-виду, что подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни онъ начинаетъ вырождаться и даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Особенно подробно говоритъ о могоричѣ г. Василенко; онъ возводитъ его происхожденіе ко временамъ языческой эпохи и видитъ его начало въ культѣ умилостивительныхъ жертвоприношеній; по его словамъ, могоричъ впослѣдствіи является „нотаріальнымъ явочнымъ обрядомъ“, дающимъ санкцію договорамъ. Существованіе этого обычая оппонентъ находитъ также въ запорожскомъ судѣ—въ приношеніи тяжущимися „буханцевъ“, приравнивая его къ приношеніямъ прихожанъ священникамъ, къ встрѣчѣ хлѣбомъ почетныхъ лицъ, начальства и проч. Г. Кистяковскій добавилъ къ этому, что на языкѣ судовъ юго-западнаго края „могоричникъ“ было синонимомъ свидѣтеля. Ничего, впрочемъ, эти дебаты о „могоричѣ“ и его давности къ рѣшенію вопроса не прибавили; спорящіе упустили даже изъ виду,

что могоричи упоминаются въ историко-юридическихъ матеріалахъ исключительно при гражданскихъ сдѣлкахъ, при уголовномъ-же разбирательствѣ никогда не встрѣчаются, всякія же приношенія въ послѣднемъ случаѣ являются „упоминкой", или взяткой. Скажемъ болѣе: случайно напавшій на эти разсужденія не понялъ-бы даже, объ чемъ и чего ради спорятъ мужи науки и суда, трактуя о могоричахъ.

Нѣкоторые изъ оппонентовъ г. Бразоля повидимому склонялись въ сторону возстановленія народнаго суда въ его прежней архаичной формѣ, и едва-ли не съ этою цѣлью касался древняго суда въ Запорожьѣ г. Василенко, рисуя его подробности, на основаніи разсказовъ стараго сѣчевика Никиты Коржа, записанныхъ г. Стороженкомъ въ 1827 году. Эти разсказы онъ считаетъ, кажется, неизвѣстными въ нашей литературѣ, а между тѣмъ они напечатаны были г. Скальковскимъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1838 (№ 6) и 1839 (№ 2) годы, а потомъ были изданы отдѣльной книжкой архіепископомъ Гавріиломъ. Но насколько разсказы Коржа далеки отъ того, чтобы дать полное представленіе о судѣ у запорожцевъ, настолько послѣдній далекъ отъ юридическаго быта малорусскихъ сельскихъ обществъ нынѣшняго времени. Ужъ если по чему либо спорившіе могли-бы изучать прежній народный судъ въ Малороссіи, то это по уцѣлѣвшимъ книгамъ полковыхъ судовъ въ лѣвобережной Украйнѣ. Такихъ книгъ мы встрѣчали немало; въ частности въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ хранится „войска запорозскаго козацкаго прилуцкаго полка справая книга 1606—1717 годовъ". Она содержитъ въ себѣ рѣшенія по разнаго рода уголовнымъ преступленіямъ, основывающіяся сколько на письменныхъ кодексахъ, столько же и на обычномъ народномъ правѣ. Но и тутъ, какъ и при идеализированіи г. Василенкомъ запорожскаго суда, съ которымъ онъ ставитъ въ генеалогическую связь судъ стариковъ и громады или сельскихъ судей, г. Бразоль могъ-бы сказать своему оппоненту, что то не былъ судъ равныхъ надъ равными, а судъ пановъ и пидпанковъ надъ посполитствомъ.

Вообще, перечитывая книгу г. Бразоля, недоумѣваешь, кому отдать преимущество: автору ли реферата, или его оппонентамъ... А вопросъ о недостаткахъ нынѣшняго сельскаго суда и замѣнѣ его чѣмъ либо другимъ такъ и остается безъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Въ книгѣ много лишняго, совсѣмъ не идущаго къ дѣлу; но много любопытныхъ мелочей, какъ напр. случайная ссылка г. Бразоля на переписи 1732 года, свидѣтельствующая о томъ, что въ ту пору въ предѣлахъ теперешней черниговской губерніи число школъ превосходило втрое настоящее ихъ число и что школы эти имѣли по 2, 3 и 7

учителей, а слѣдовательно нѣкоторыя изъ школъ были выше элементарныхъ.

Выдвинутому г. Бразолемъ весьма важному въ жизни нашего народа вопросу можно пожелать болѣе серъезнаго и болѣе полнаго изученія на почвѣ историко-этнографической.

И. Каманинъ.

Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунско-болгарскому. Д. Иловайскаго. Москва 1866 г.

Ни одинъ, кажется, историческій вопросъ не порождалъ столь обширной литературы, какъ поставленный въ заголовкѣ разбираемаго труда г. Иловайскаго. Въ прошломъ столѣтіи и до послѣднихъ почти дней текущаго вѣка въ наукѣ русской исторіи признавалась дѣйствительность факта призванія князей, и споръ шелъ лишь о томъ, кто такіе были эти варяги, которыхъ пригласилъ къ себѣ русскій народъ. Трехъ братьевъ дѣлали хазарами, и венграми, и славянами, и скандинавами. Въ этомъ направленіи полемика велась съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ ученыхъ, стоявшихъ за норманское происхожденіе варяговъ, ибо, по справедливому замѣчанію покойнаго Н. И. Костомарова, если признавать фактъ призванія за дѣйствительный, то нужно брать его въ такомъ видѣ, какъ онъ переданъ намъ лѣтописью, такъ какъ главный источникъ въ данномъ вопросѣ есть лѣтопись, всѣ-же другія данныя являются въ роли второстепенныхъ, не прямо говорящихъ о фактѣ, а лишь косвенно его подтверждающихъ. Ни норманская, ни антинорманская школы не привели ни одного извѣстія, которое прямо говорило бы о совершившемся на Руси призваніи князей. Всѣ эти школы должны были найти иныя положительныя доказатльства, которыя независимо отъ лѣтописи указывали-бы на фактъ призванія. Неминуемо онѣ должны были обратиться къ помощи лингвистики и доказать принадлежность именъ первыхъ князей, дружинниковъ, языку того народа, изъ котораго школа желала вывести Рюрика, Синеуса и Трувора. Но доказательства лингвистическія не могутъ рѣшать дѣла: сравнительное языкознаніе имѣетъ и должно имѣть полный авторитетъ лишь въ вопросахъ о доисторической жизни народовъ; для временъ-же историческихъ предпочтеніе непререкаемо должно быть отдано даннымъ историческимъ. Пусть Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ и др. имена скандинавскія; но если всѣ современные историчесаіе источники молчатъ о столь важномъ переворотѣ на Руси, какъ призваніе князей и образованіе

вдругъ государства; если объ этомъ говоритъ лишь лѣтопись и надо еще доказать, что ея извѣстіе не легендарное, то историкъ не имѣетъ права утверждать, что призваніе есть дѣйствительный фактъ. Въ такомъ случаѣ изслѣдованіе должно направляться уже къ вопросу: какъ образовалась легенда о призваніи варяговъ и почему въ нее попали скандинавскія имена? Вопросъ сталъ уже не чисто историческимъ, а историко-литературнымъ. Явилась необходимость доказать офиціальность происхожденія всего лѣтописнаго разсказа о призваніи князей. Подобная попытка была сдѣлана г. Ламбинымъ, который того мнѣнія, что нашъ лѣтописецъ нашелъ въ архивѣ кіево-софійскаго собора чернякъ донесенія греческой миссіи своему правительству. Но является удивительнымъ, что бѣловой экземпляръ этого донесенія не сохранился въ Византіи, ибо о немъ ничего не знаетъ Константинъ Багрянородный, который навѣрное воспользовался-бы имъ.

Въ своемъ изслѣдованіи „Розысканіе о началѣ Руси" г. Иловайскій доказываетъ несостоятельность лѣтописнаго повѣствованія, какъ легенды, и приходитъ къ отрицанію дѣйствительности факта призванія.

Книжечка, заглавіе которой мы выписали, содержитъ въ себѣ возраженія на возраженія защитниковъ норманской теоріи и туранизма гунновъ и болгаръ. Авторъ отыскиваетъ новыя и новыя данныя въ подкрѣпленіе своей теоріи и разъясняетъ историческія извѣстія. Особенно интересно указаніе автора на византійскаго писателя Льва VI, въ сочиненіи котораго находится ясное доказательство существованія полукочеваго образа жизни у славянъ въ IX и X вв..

Соглашаясь со многими доводами г. Иловайскаго, мы не можемъ все таки не замѣтить, что нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ въ возраженіе своимъ противникамъ мыслей кажутся нѣсколько смѣлыми. Признавая вмѣстѣ съ г. Иловайскимъ, что теорія происхожденія русскаго государства у г. Ключевскаго не вѣрна въ самой своей основѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что образованіе боярства кіевской Руси изъ военно-торговой аристократіи этого-же племени весьма вѣроятно. Далѣе, если гадательнымъ является передвиженіе славянъ съ Карпатъ къ Днѣпру, то это не даетъ права отрицать попытокъ славянскихъ племенъ создать государство, какъ мы видимъ у волынянъ, о чемъ говорятъ арабскіе писатели, Аль-Масуди и Эль-Бекри. Затѣмъ, возражая г. Бѣлову, который только что напечаталъ новое изслѣдованіе объ историческомъ значеніи боярства до конца XVII в., изслѣдованіе прекрасное въ цѣломъ, но сильно погрѣшающее противъ историческихъ данныхъ въ своемъ началѣ, возражая ему, г. Иловайскій говоритъ, что хазарская власть не распространялась на западъ далѣе славянъ при-азовскихъ и таврическихъ.

Для опроверженія теоріи г. Бѣлова вовсе не нужно выставлять подобныхъ положеній, которыя доказать трудно. Нельзя согласиться съ г. Иловайскимъ, будто извѣстіе о великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное принадлежитъ XII в. и будто лѣтописецъ только отнесъ этотъ фактъ къ древнѣйшему времени. Путь этотъ былъ оживленъ весьма давно, что подтверждается находками арабскихъ монетъ VII—X вв. по берегамъ Днѣпра и Балтійскаго моря.

П. Голубовскій.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 года по 19 ноября 1885 года. Одесса. 1886 г.

Одесское общество исторіи и древностей въ сорокашестилѣтній періодъ своего существованія широко развило свою дѣятельность и, благодаря большому числу своихъ членовъ, ихъ любви къ наукѣ и болѣе или менѣе сноснымъ матеріальнымъ средствамъ, продолжаетъ выпускать весьма полезныя и цѣнныя изданія, производить археологическія изысканія, требующія значительныхъ затратъ, а равно увеличивать новыми пріобрѣтеніями свой музей и библіотеку. Настоящій отчетъ не называетъ источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ Общество свои денежныя средства, простирающіяся почти до 4,000 рублей, и лишь мимоходомъ упоминаетъ о крупномъ пожертвованіи высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Платона на нужды Общества. Вообще-же кассовой отдѣлъ отчета страдаетъ краткостью, и мы не въ состояніи опредѣлить, какими средствами ежегодно располагаетъ Общества, кромѣ временныхъ случайныхъ доходовъ.

Личный составъ Общества довольно богатъ и, благодаря этому, можетъ брать на себя исполненіе серьезныхъ и крупныхъ работъ. Количество членовъ въ истекшемъ (1884—85) году пополнилось избраніемъ одного почетнаго члена, шести дѣйствительныхъ и двухъ корреспондентовъ; всѣхъ-же вообще членовъ къ началу текущаго года считалось: почетныхъ 15, дѣйствительныхъ 93 и корреспондентовъ 42. Общество имѣло въ отчетномъ году шесть очередныхъ засѣданій и одно экстренное, на которыхъ было сообщено семь рефератовъ, изъ коихъ большее число принадлежитъ вице-президенту В. Ю. Юргевичу и одинъ старѣйшему члену Общества, протоіерею А. Г. Лебединцеву [1]. Вмѣстѣ

[1]) Рефераты содержатъ въ себѣ преимущественно изслѣдованіе древностей побережья Чернаго моря.

съ тѣмъ Общество приготовило матеріалъ для XIV тома своихъ „Записокъ"; статьи и матеріалы для напечатанія доставлены не только членами, но и посторонними лицами. Дѣятельность Общества выразилась также въ заботахъ о сохраненіи разрушающихся памятниковъ древности; по его ходатайству, нѣсколько обновлена генуэзская башня св. Константина въ г. Ѳеодосіи. Общество пріѣзжимъ изслѣдователямъ предоставляло право пользоваться своими музеемъ и библіотекой, а лицамъ, интересующимся мѣстными вопросами, но живущимъ въ другихъ городахъ Россіи или за границей, высылало даже свои книги, планы и карты. Сверхъ всего этого на средства Общества производились раскопки въ Херсонесѣ, гдѣ найдены остатки древнихъ каменныхъ сооруженій, масса мѣдныхъ монетъ, не мало предметовъ домашней утвари и церковныхъ древностей. Раскопки производились при участіи членовъ Общества, дѣятельность которыхъ выразилась также, кромѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ, въ печатаніи значительнаго количества работъ въ другихъ изданіяхъ. Изъ этихъ работъ мы не можемъ не отмѣтить тѣхъ, кои касаются нашего края и города, именно: В. В. Латышевъ издалъ I-й томъ полнаго собранія южно-русскихъ греческихъ и латинскихъ надписей: „Inscriptiones arae septentrionalis Ponti Euxini graeccae et latinae", а А. Я. Гаркави напечаталъ въ „Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества" статью: „О Кіевѣ—Манкерменѣ въ караимскихъ документахъ и надгробныхъ надписяхъ".

Пріобрѣтенія Общества слагались изъ пожертвованій и покупокъ книгъ или преметовъ древности. Въ пожертвованіяхъ видное мѣсто занимаетъ Кіевъ: университетъ св Владиміра принесъ въ даръ „Обществу" свои юбилейныя изданія; проф. В Б. Антоновичъ 1-й томъ своихъ „Монографій по исторіи южной и западной Россіи"; редакція „Кіевской Старины" свой журналъ за 1885 годъ; Кіевская временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ „Архивъ юго-западной Россіи"; всего же въ прошломъ году пріобрѣтено 85 книгъ. Въ библіотекѣ Общества хранится 126 древнихъ и новыхъ рукописей, 129 отдѣльныхъ документовъ и болѣе 500 плановъ, картъ, портретовъ историческихъ дѣятелей и проч. Что касается Музея, то онъ обогатился древними монетами, медалями, печатями и другими предметами, въ количествѣ 374. Особенно музей богатъ по части нумизматики.

Таковы результаты скромной, безкорыстной и весьма почтенной научной дѣятельности Одесскаго Историческаго Общества.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

БЫЛЪ-ЛИ ГЕРОДОТЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ЮЖНОЙ РОССІИ?

Геродотъ давно признанъ отцемъ исторіи; найболѣе точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о первоначальной исторіи многихъ странъ и народовъ заимствуются у него. Онъ лично посѣтилъ Элладу съ ея святилищами, берега Ѳракіи отъ Византіи до Аѳона, Египетъ до Миридова озера, или нынѣшняго Фаюма, берега Палестины и Сиріи, Тиръ, Бейрутъ, Кипръ, Родъ, Кирену, острова Эгейскаго моря, Великую Элладу, побережье Малой Азіи, Лидію съ столицею Сардами, Троаду, Персію, Вавилонію, Ассирію, внутреннія части Малой Азіи, Верхній Египетъ, Колхиду и Скиѳію, и о всѣхъ этихъ странахъ говоритъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій. Первоначальныя географическія, гидрографическія и историческія свѣдѣнія объ окраинахъ южной Россіи, прилегавшихъ къ Черному морю, заимствуемъ у Геродота и мы, и важность и точность этихъ свѣдѣній давно признана въ наукѣ.

Тѣмъ болѣе удивило насъ мнѣніе извѣстнаго англійскаго оріенталиста Сейса, который въ своемъ изданіи первыхъ трехъ книгъ Геродота [1]), изъ числа странъ посѣщенныхъ историкомъ, въ слѣдъ за Персіей, Вавилоніею, Ассиріею, Малой Азіей и верхнимъ Египтомъ, совершенно исключаетъ также

[1]) A. H. Sayce, *The ancient Empires of the East. Herodotos I—III, with notes, introductions andappendices. Lond. 1883.*

Колхиду (нынѣшній Кавказъ) и Скиѳію (крайній югъ Россіи). Въ пространномъ введеніи къ греческому тексту Геродота и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Сейсъ старается провести ту мысль, что Геродотъ—заурядный собиратель интересныхъ побасенокъ, вовсе не заботившійся о точности извѣстій, что онъ стремился только къ тому, какъ бы сдѣлать свое повѣствованіе возможно болѣе занимательнымъ и какъ бы внушить своимъ слушателямъ или читателямъ возможно болѣе выгодное представленіе о самомъ повѣствователѣ. Съ этою послѣднею цѣлью Геродотъ, по словамъ Сейса, намѣренно скрывалъ литературныя пособія, служившія источникомъ его свѣдѣній, и выдавалъ извѣстія, взятыя изъ вторыхъ—третьихъ рукъ, за результаты личнаго осмотра или за сообщенія непосредственныхъ очевидцевъ. Сейсъ увѣряетъ неопытнаго читателя, что отецъ исторіи старался во что бы то ни стало превзойти своихъ предшественниковъ въ области прозаической исторіи, затемнить ихъ, что въ виду этого онъ не стѣснялся черпать изъ нихъ всевозможныя извѣстія, но при этомъ сознательно умалчивалъ имена ихъ, а если гдѣ и упоминалъ о нихъ, то развѣ для того только, чтобы уличить упоминаемаго писателя въ невѣжествѣ, тщеславіи или лживости. Наибольше достается Геродоту отъ Сейса за Гекатея, писавшаго за два поколѣнія предъ нимъ. Англійскій оріенталистъ желаетъ убѣдить насъ, что отецъ исторіи не прочь былъ иной разъ отъ самой грубой уловки, лишь бы замаскировать собственное невѣдѣніе и явиться въ глазахъ читателя человѣкомъ всезнающимъ и берущимъ свои знанія прямо изъ первыхъ источниковъ.

На мнѣнія западныхъ авторитетовъ науки у насъ очень падки и можно опасаться, что мнѣніе оріенталиста проникнетъ и къ намъ и подорветъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы черпаемъ у Геродота для нашей начальной исторіи и которыми мы дорожимъ, между прочимъ, ради ихъ древности и рѣдкости. Мы хотимъ поэтому въ настоящей замѣткѣ коснуться мнѣнія англійскаго ученаго по вопросу о посѣщеніи Геродотомъ Скиѳіи, или побережій Чернаго моря.

Къ этому вопросу Сейсъ обращается не сразу; сначала онъ старается подорвать извѣстія Геродота относительно нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами выше странъ Востока, начиная съ Персіи, и уже подъ конецъ касается Скиѳіи. Уличивъ Геродота въ невѣрности яко бы числа видѣнныхъ имъ въ Ѳивахъ статуй, Сейсъ на основаніи

этого отрицаетъ посѣщеніе Геродотомъ верхняго Египта, а затѣмъ, найдя у Геродота прямо выраженное заключеніе о родствѣ колхидянъ съ египтянами, подвергаетъ сомнѣнію не только путешествіе Геродота въ Колхиду, но и самое знакомство его съ наружнымъ видомъ египтянъ, забывая, что съ одной стороны геродотовъ терминъ *черно-кожіе* μελάγχροες имѣетъ и другое значеніе: темнокожіе и что иными египтяне и не могли казаться эллинамъ, а съ другой, что въ древности Кавказъ съ его горами и ущельями служилъ убѣжищемъ для множества народовъ, приходившихъ туда съ разныхъ странъ, тогда какъ Геродотъ говоритъ только о колхидянахъ, небольшомъ народцѣ съ кожею темнаго цвѣта и съ курчавыми или волнистыми волосами. Отсюда Сейсъ дѣлаетъ уже переходъ къ геродотовымъ извѣстіямъ о Скиѳіи и считая ихъ также заимствованными изъ литературныхъ источниковъ, категорически исключаетъ Скиѳію и скиѳовъ изъ перечня именъ странъ и народовъ, съ которыми Геродотъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе.

Конечно для подтвержденія своего мнѣнія, критику слѣдовало бы показать, что раньше Геродота существовала, такъ сказать, скиѳская литература у его соплеменниковъ или по крайней мѣрѣ одно—два сочиненія, съ нѣкоторою обстоятельностью трактующія о нашемъ югѣ. Кромѣ того, критику слѣдовало бы доказать, что ошибки въ геродотовыхъ извѣстіяхъ о Скиѳіи исключаютъ возможность личнаго посѣщенія имъ окраинъ этой области и непосредственнаго общенія съ свидѣтелями—очевидцами. Но ни того, ни другаго у Сейса нѣтъ, да и не могло быть.

Сѣверное побережье Чернаго моря стало извѣстно эллинамъ за долго до Геродота. Уже Гомеръ упоминаетъ о народѣ, доющемъ кобылицъ, питающемся молокомъ, бѣдномъ и ведущемъ справедливѣйшій образъ жизни (*Ил.*, т. XIII, стр. 5); народъ этотъ живетъ на Евксинскомъ морѣ къ сѣверу отъ Ѳракіи. Гомеръ же упоминаетъ о какихъ-то сказочныхъ киммеріянахъ, безъ опредѣленія ихъ мѣстожительства (Од., т. XI, стр. 14). Имя скиѳовъ впервые встрѣчается у Гесіода, именующаго такъ гомеровскихъ доителей кобылицъ; поэту извѣстенъ и кочевой образъ жизни ихъ, потому что жилищами скиѳовъ называются повозки. У такъ называемыхъ киклическихъ поэтовъ, жившихъ въ VIII—VI вв. до Р. Х., мы также находимъ отдѣльныя имена, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ зна-

комствѣ эллиновъ съ черноморскимъ побережьемъ; но и у нихъ Скиѳія и скиѳы не выходятъ еще изъ тумана басни и чудеснаго. Болѣе близкое знакомство съ этими странами начинается со времени основанія милетянами колоній въ разныхъ пунктахъ побережья Чернаго моря, между которыми первое мѣсто принадлежало городу Ольбіи, основанному въ VII в. до Р. Х., на мѣстѣ нынѣшняго Ильинскаго. Раньше Геродота странствовалъ по Скиѳіи, доходя до Исседоновъ, какой-то Аристея изъ Проконнеса, полумиѳическая личность, состоящая въ связи съ аполлоновымъ культомъ. На сколько поэтическіе вымыслы смѣшаны были съ реальными извѣстіями въ такъ называемой *Аримасповой поэмѣ* Аристеи, мы судить не можемъ; но что извѣстій этого послѣдняго рода было въ ней очень немного, показываетъ отсутствіе цитатъ изъ нея въ литературѣ позднѣйшей. Гораздо большею точностью отличались извѣстія о Скиѳіи первыхъ греческихъ историковъ, ближайшихъ предшественниковъ Геродота. Но, кромѣ нѣсколькихъ именъ городовъ и народовъ, съ обозначеніемъ, что они скиѳскіе, уцѣлѣвшіе фрагменты этихъ историковъ не даютъ намъ ничего; и ни у одного изъ послѣдующихъ писателей мы не находимъ даже намека на то, чтобы кто-либо изъ предшественниковъ Гедодота оставилъ послѣ себя сколько-нибудь обстоятельныя извѣстія о теперешнемъ югѣ Россіи. Слѣдовательно, гдѣ же тѣ литературныя пособія, которыми Геродотъ могъ воспользоваться для своего описанія Скиѳіи и ея обитателей?

Между тѣмъ IV книга отца исторіи даетъ теперешнему читателю такія свѣдѣнія о Скиѳіи и скиѳахъ того времени, которыя по своей полнотѣ и относительной вѣрности превосходятъ все, написанное по этому предмету въ древне-греческой литературѣ не только раньше Геродота, но и въ послѣдующее время.

Географическія, топографическія, историческія и особенно бытовыя извѣстія Геродота о Скиѳіи и скиѳахъ по справедливости считаются драгоцѣнными и по достоинству должны быть признаны единственными для своего времени. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, историкъ нигдѣ не говоритъ прямо, что онъ странствовалъ по Скиѳіи; но въ трудѣ его имѣются многочисленныя возраженія, не позволяющія сомнѣваться въ томъ, что онъ повѣствуетъ о многихъ относящихся сюда предметахъ или какъ очевидецъ, или какъ добросовѣстный посредникъ между читателемъ и свидѣтелями-

очевидцами изъ среды эллиновъ, жившихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, преимущественно въ Ольбіи. Важнѣйшія рѣки Скиѳіи, отъ Дуная до Днѣпра включительно, обозначены Геродотомъ въ своемъ нижнемъ и среднемъ теченіи съ значительною точностью. Между Бугомъ и Днѣпромъ онъ видѣлъ громадную мѣдную чашу, измѣренную имъ и сличаемую съ тѣмъ сосудомъ, который Павсанія поставилъ у входа въ Боспоръ (IV, 81); въ слѣдующей главѣ онъ замѣчаетъ, что на берегу рѣки Тиры (Днѣстръ) показываютъ ступню Геракла; подлѣ той же рѣки «видна, по его словамъ, и теперь могила киммерійскихъ царей» (IV, 11); о свойствахъ рѣки Теора онъ говоритъ со словъ мѣстныхъ жителей (IV, 90); разсказъ объ Анахарсисѣ онъ слышалъ отъ Тимны, довѣреннаго царя Аріопейѳеса (IV, 76). Подробное описаніе Гилеи, „лѣсной области" на нижнемъ теченіи Днѣпра, въ которомъ нельзя не узнать днѣпровскихъ плавней (IV, 18, 76), могло быть сдѣлано только очевидцемъ. Послѣдующіе писатели: Мела, Плиній, ораторъ Діонъ, посѣтившій эти мѣста въ концѣ I в. по Р. X., подтверждаютъ первоначальное извѣстіе отца исторіи о лѣсномъ пространствѣ у низовьевъ Днѣпра. Плиній прибавляетъ, что ближайшая къ этимъ мѣстамъ часть Евксинскаго моря называлась лѣснымъ моремъ, Hylaeum mare, а Діонъ сравниваетъ деревья Гилеи съ карабельными мачгами. Извѣстія Геродота о конструкціи могилъ скиѳскихъ царей, о погребальныхъ обрядахъ скиѳовъ, различныхъ непремѣнныхъ принадлежностяхъ кочеваго и военнаго образа жизни подтверждаются археологическими разысканіями и этнографическими аналогіями. Главнымъ образомъ въ виду этого рода данныхъ нашъ даровитый, умудренный опытомъ археологъ и историкъ И. Е. Забѣлинъ выражается такъ о древнѣйшемъ свидѣтелѣ русской исторіи: «геродотовы разсказы дышутъ необыкновенною простотою и правдою и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что все это въ дѣйствительности представляется, какъ будто самъ живешь въ то время и въ той землѣ и съ тѣми самыми людьми (*Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, т. I, стр 217*). Другой русскій ученый, точный и строгій критикъ, много потрудившійся надъ изученіемъ южно-русской глубокой старины, Ф. Брунъ, навываетъ четвертую книгу геродотовой исторіи чрезвычайно цѣннымъ и единственнымъ источникомъ для древнѣй-

шей исторіи черноморскихъ степей; самое описаніе Геродота онъ называетъ изящнымъ и основательнымъ (*Черноморье, т. II, стр. 1*).

Что касается собственно этнографической части геродотовыхъ извѣстій о скиѳахъ, то они нашли уже себѣ многообразное подтвержденіе въ бытовыхъ аналогіяхъ другихъ народовъ. Такъ, обычай скиѳовъ доить кобылицъ съ помощью костянныхъ трубокъ (IV, 2) встрѣчается почти въ томъ же самомъ видѣ у калмыковъ, въ Аравіи и у нѣкоторыхъ народовъ южной Африки. Почитаніе царскими скиѳами военнаго божества въ видѣ меча возліяніемъ на него крови (IV, 62) почти тождественно съ культомъ оружія у алановъ, квадовъ, вендовъ и другихъ народовъ. Хорошо извѣстный своими цѣнными изслѣдованіями осетинскаго народца проф. В. Ѳ. Миллеръ сходство бытовыхъ чертъ въ извѣстіяхъ Геродота о скиѳахъ и въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы признать основательность гипотезы объ иранствѣ геродотовыхъ скиѳовъ. Разсказъ греческаго историка о томъ, какъ скиѳы кнутами укротили своихъ взбунтовавшихся рабовъ, близко напоминаетъ извѣстіе новгородской лѣтописи объ укрощеніи въ Новгородѣ слугъ господами, возвратившимися изъ долговременнаго похода. Подмѣшиваніе крови къ вину при заключеніи договоровъ, питье крови убитаго врага и скальпированіе составляютъ характеристическія черты быта воинственнаго полудикаго народа. Погребальные и поминальные обряды скиѳовъ въ описаніи Геродота (гл. 72) почти до тождества сходны съ соотвѣтствующими обрядами патагонцевъ, описанными Леббокомъ, на что обратилъ вниманіе проф. Воеводскій въ своемъ изслѣдованіи: «Чаши изъ человѣскихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа (Одесса, 1877 г).

Словомъ, геродотова Скиѳія можетъ считаться однимъ изъ отдѣловъ повѣствованія, найубѣдительнѣйше свидѣтельствующихъ о чрезвычайной любознательности древняго писателя и о доброкачественности значительной части добытыхъ имъ свѣдѣній. Извѣстія свои о Скиѳіи Геродотъ могъ получить только на мѣстахъ эллинскихъ поселеній по черноморскому побережью, находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ сосѣдями скиѳами. Только благодаря содѣйствію такихъ свидѣтелей и своему личному посѣщенію, Геродотъ смогъ внести въ смутныя, неопредѣленныя представленія эллиновъ

о Скиѳіи значительную ясность и опредѣленность. Впервые термин «скиѳы,» подъ которымъ въ безразличной массѣ разумѣлись всѣ народы невѣдомаго далекаго сѣвера, получилъ у Геродота конкретное содержаніе, примѣненъ былъ къ одной лишь группѣ множества народовъ, населявшихъ въ то время южную и среднюю Россію и нынѣшнія восточныя части Австріи. Впервые извѣстія о Скиѳіи и скиѳахъ получили реальное основаніе въ географическихъ и гидрографическихъ опредѣленіяхъ. Ничего этого до Геродота сдѣлано не было.

Всему сказанному выше не противорѣчитъ присутствіе въ геродотовомъ повѣствованіи неточностей, пробѣловъ и неясности, особенно въ топографіи различныхъ пунктовъ, въ опредѣленіяхъ разстояній, теченія рѣкъ и т. п. Несовершенства эти объясняются прежде всего недостаточностью средствъ изысканія, какими располагалъ путешественникъ V в. до Р. Х., и обязываютъ современнаго изслѣдователя воздерживаться отъ поспѣшныхъ выводовъ и относиться критически къ тексту древняго повѣствователя. Но для своего времени извѣстія Геродота были литературнымъ явленіемъ необыкновеннымъ, и можно сказать съ увѣренностью, что столь драгоцѣнная для насъ IV книга исторіи не мало прибавила къ репутаціи его автора въ древности, какъ собирателя басенъ и лживыхъ разсказовъ. Къ этому приговору древности склоняется и Сейсъ.

Въ книгѣ англійскаго ученаго слѣдуетъ различать двѣ части: одна содержитъ въ себѣ оцѣнку Геродота, какъ писателя, другая даетъ обильныя историческія и географическія объясненія и поправки къ извѣстіямъ древнѣйшаго автора. Эта послѣдняя часть, какъ принадлежащая перу лица компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, представляетъ не мало интереснаго и поучительнаго и въ такомъ именно смыслѣ оцѣнена европейской критикой. Но отношеніе Сейса къ личности Геродота, отношеніе крайне скептическое и высокомѣрное, не оправдывается ни свойствами самого повѣствованія Геродота, ни добытыми до сихъ поръ результатами въ области изученія странъ, посѣщенныхъ и описанныхъ историкомъ; подтвержденіемъ тому можетъ служить примѣръ Скиѳіи. И послѣ критики Сейса Геродотъ остается добросовѣстнымъ наблюдателемъ и писателемъ, любознательнымъ, осторожнымъ собирателемъ и мастерскимъ разсказчикомъ.

Ѳ. Мищенко.

КОЕ-ЧТО О «ВОВКУЛАКАХЪ» И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Вопросы о происхожденіи миѳическихъ представленій, объ основаніяхъ для научнаго толкованія миѳовъ не могутъ входить въ задачу настоящей замѣтки, цѣль которой гораздо проще: привести нѣсколько легендарныхъ сказаній, циркулирующихъ въ народѣ, въ подтвержденіе положенія, что поэтическія преданія старины глубокой и нынѣ имѣютъ для народа часто реальный смыслъ и даже экономическое значеніе въ обыденной жизни крестьянъ.

Обряды, обычаи, преданія встрѣчаютъ человѣка при рожденіи, сопровождаютъ его на жизненномъ пути, не оставляютъ даже у гроба. Они составляютъ наслѣдство предковъ, въ которомъ скоплено все умственное богатство ихъ и въ которомъ коренятся всѣ національныя особенности потомковъ. Среди такого-то наслѣдія арійскаго періода выдѣляется вѣрованіе въ превращенія, въ оборотничество, нашедшее себѣ полное выраженіе не только въ сказкахъ о превращеніяхъ героевъ, но и въ современныхъ сказаніяхъ о вѣдьмахъ и вовкулакахъ.

Оставляя въ сторонѣ разсказы о вѣдьмахъ, какъ болѣе извѣстные и частію нашедшіе уже себѣ мѣсто въ сборникахъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова, мы остановимъ наше вниманіе на не менѣе распространенныхъ въ народѣ сказаніяхъ о «вовкулакахъ.» Подобныхъ разсказовъ въ печати существуетъ не много, да и изъ того, что стало уже извѣстнымъ, не всегда можно вывести опредѣленное представленіе объ этихъ оборотняхъ, черты которыхъ собиратели народныхъ повѣрій смѣшиваютъ иногда съ нѣкоторыми чертами, характеризующими упырей или вампировъ.

Аѳанасьевъ указываетъ [1]), что на Украйнѣ различаютъ вовкулаковъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные чарами колдовства въ волковъ. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ, днемъ же снова принимаютъ человѣческія формы. Превращенные изъ простыхъ людей вовкулаки—болѣе страждущія, чѣмъ зловредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣсамъ, воютъ

[1]) См. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 3, стр. 549—553.

по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ. Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ *животненные* образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. По народному повѣрью, колдуны или вѣдьмы, желая кого либо превратить въ волка, набрасываютъ на него звѣриную шкуру и нашептываютъ при этомъ волшебныя слова. Чтобы превратить свадебный поѣздъ въ стаю волковъ, колдунъ беретъ столько ремней и мочалъ, сколько въ поѣздѣ лицъ, нашептываетъ надъ ремнями и мочалами заклятія, а потомъ подпоясываетъ ими по одиночкѣ поѣзжанъ; подпоясанные тотчасъ становятся вовкулаками. Иногда, говорятъ, колдунъ кладетъ скрученный поясъ подъ порогъ избы: кто переступитъ чрезъ этотъ поясъ, тотъ и превращается въ волка. Сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразиться въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо изъ мочалы или кувыркаются чрезъ обручи. Само собою разумѣется, что главная сила тутъ въ нашептываніи, въ волошебныхъ словахъ. Переступившіе чрезъ заколдованный поясъ и ставшіе вслѣдствіе этого оборотнями не прежде могутъ получить прежній человѣческій образъ, какъ когда чародѣйскій поясъ протрется и лопнетъ. Есть впрочемъ и другой способъ, которымъ во всякое время можно возвратить оборотню человѣческій видъ: нужно, что-бы кто нибудь надѣлъ на него снятый съ себя поясъ, но предварительно навязалъ на этомъ поясѣ узлы, а при навязываніи каждый разъ говорилъ: *Господи помилуй*! Говорятъ, будто-бы при этомъ и звѣриная шкура, если она была наложена, спадетъ и предъ избавителемъ явится человѣкъ.

Указанные сейчасъ способы превращенія людей въ волковъ принадлежатъ къ простѣйшимъ и не всегда приводятъ къ желаемой цѣли. Не всякій же допуститъ набросить на себя звѣриную шкуру, не всякій дастъ подпоясать себя наговореннымъ ремнемъ. Гораздо труднѣе бороться съ чарами, производимыми заочно, съ помощью какого нибудь зелья. Въ одной пѣснѣ народной такъ говорится о дѣйствіи чаръ:

Ой, мамо, мамо, щожъ мини робити:
Не ставъ ковакъ любити.
Бижи, донько, до гаю,
Шукай зилья розмаю.

Ще до гаю не дойшла,
Розмай-зилячко нашла.
Полоскала на ричци,
А мочила въ горильци.
Полоскала у броду,
Настояла на меду,
Приставила до жару.
Кипи, зилья, до жалю.
А ще коринь не вкипивъ,
Козакъ уже прилетивъ.
«Чогожъ ты прилетивъ,
Коли любить не схотивъ?»
—Якъ же мини не литати,
Коли вміешъ чаровати [1]).

Противъ чаръ можно дѣйствовать только чарами или заговорами; какъ во всякихъ другихъ случаяхъ, такъ въ особености въ случаѣ превращенія кого либо въ волка заговоры въ устахъ умѣлаго знахаря способны не только уничтожить, но и предотвратить дѣйствіе чаръ. Въ послѣднемъ случаѣ они носятъ названіе «обереговъ» или оберегательныхъ.

Въ литературѣ заговоровъ мнѣ извѣстно только шесть свадебныхъ «обереговъ,» приведенныхъ у Забѣлина [2]). Въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи мнѣ удалось записать еще нѣсколько «обереговъ,» которые и привожу здѣсь. Народъ такъ вѣритъ въ силу этихъ заговоровъ, что не считаетъ нужнымъ, чтобы они произносились знахаремъ: ихъ можетъ прочесть и всякій исполняющій на свадьбѣ роль дружка, если только знакомъ съ текстомъ ихъ. Вотъ эти заговоры, оберегающіе молодыхъ отъ превращенія въ волковъ.

1) «Стану я на чавуннее дно, закрыюся зализнымъ небомъ, замкну я по тридевять замкивъ, по тридевять полузамкивъ, та вкину я ключи въ океанъ море. Хто може зъ океана воду выпить и хто може писки вызбирать, той може и раба Божого (имя новобрачнаго) ззисти. Не знайдется ни съ панскихъ, ни зъ попивскихъ дитей»....

---

1) Г. Купянскъ.
2) Русскій народъ... Москва, 1880 г. Ч. II, стр. 374.

Къ этому, такъ сказать, спеціальному заговору прибавляютъ слова изъ заговоровъ, употребляемыхъ при нашептываніи въ болѣзняхъ: «Тутъ тоби не бувати, кости не ламати, крови не пити, серця не тошнити: пиды соби съ нутра живота, и зъ жилъ, зъ пажилъ, зъ ногтивъ, зъ пазногтивъ,—пиди соби на пущъ, де солнце не сходе, де христіанскій гласъ не заходе.»

(Запис. въ Сл. Нижней Дуванкѣ, куп. у.)

2) «Запрягаю я кони-ведмеди, ужакою загнуздую, гадюкою поганяю, одъ себе жило одвертаю. А хто все це поисть, той хрещенихъ рабъ Божихъ: архитрыклына, молодого князя и молоду княгиню и весь поиздъ поисть.»

Это читаетъ *дружко*, запрягая лошадей, чтобы ѣхать за невѣстой.

3) «Мижъ трёма дорогами, мижъ трёма ланами лежить чоловикъ Ныкинъ безъ рукъ, безъ нигъ, безъ очей, безъ ричей, безъ плечей. Якъ той чоловикъ, Ныкинъ, ничымъ не владіе, такъ на хрещеному рабу Божому архитрыклыну (имя дружка) и на молодому князю (имя жениха) и на молодій княгини (имя невѣсты) и на ёго поизду нихто ничого не завладіе. Во вики виковъ. Аминь.»

(Сл. Преображенная, куп. у.),

Таковы заговоры, употребляемые для предотвращенія молодыхъ и поѣзжанъ отъ обращенія въ волковъ; но разъ, по неопытности дружка, или по другой причинѣ, несчастіе случилось и весь поѣздъ побѣжалъ волками, требуются другія средства и другіе знающіе люди.

«Якъ побачишъ багацько вовкивъ и въ якого небудь билу смугу черезъ плече», говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ, «бери икону, воскову свичку, хлибъ и иди на зустричъ, а пидийшовши близенько, простели рушникъ, поставъ икону, засвиты свичку и положи хлибъ, та такъ, якъ на аршинъ одъ рушника до вовкивъ, встроми нижъ, тай кажи: «Просимо (имя дружка) до хлиба до соли и до святои иконы. Одверни тебе, Господи, и очисти твое тило святыми молитвами и своими духами!» Тоди дружко пидойде до ножа, та-нюхъ-нюхъ и перекинеця черезъ нёго, а за нимъ и вси, и заразъ поробляця людьми.»

(Сл. Преображенная).

Козакъ или солдатъ можетъ въ силу своего званія возвратить вовкулакамъ человѣческій видъ. Въ старобѣльскомъ уѣздѣ мнѣ разсказывали слѣдующее преданіе.

Въ одной изъ станицъ на Дону проживалъ богатый старый козакъ съ дочерью, красавицей Машей, сынъ же отправился на войну. Въ красавину Машу влюбился безобразный Ѳомка, сынъ вѣдьмы, и сталъ свататься за нее. Старый козакъ выгналъ изъ хаты вѣдьму, явившуюся къ нему за отвѣтомъ на предложеніе сына. «Постой же, старый хрычъ, не видать тебѣ твоей Машки замужемъ!» вскричала взбѣшенная отказомъ вѣдьма. Съ того дня всѣ коровы стараго козака стали давать, вмѣсто молока, кровь. Призвана была знахарька, что слѣдуетъ, пошептала, подѣлала,—коровы стали давать молоко, но за исключеніемъ одного дня въ недѣлю, именно того, въ который онѣ были испорчены вѣдьмой; тогда у нихъ по прежнему появлялась кровь. Прошло нѣсколько недѣль. Маша была сговорена за сына сотника. Все шло благополучно. Но вотъ когда женихъ и невѣста стояли подъ вѣнцомъ, въ это самое время замѣтили старую вѣдьму, копающуюся на средокрестной дорогѣ. По окончаніи вѣнчанія сказали объ этомъ дружку, но онъ не обратилъ на предостереженія никакого вниманія. Окруженные богатымъ поѣздомъ, сіяющіе счастіемъ, ѣдутъ молодые изъ церкви. Но лишь только переднія колеса повозки молодыхъ коснулись перекрестка, молодой князь и молодая княгиня внезапно превращаются въ волковъ и на глазахъ оцѣпенѣвшаго поѣзда убѣгаютъ въ лѣсъ. Сверкнула вѣдьма глазами и убѣжала, а на перекресткѣ оказался ножъ, воткнутый въ землю остріемъ вверхъ.

Затужилъ старый козакъ, слегъ въ постель и послалъ за сыномъ. Пріѣхалъ молодой козакъ въ отпускъ и, разузнавъ обо всемъ обстоятельно, засѣлъ на ночь въ загородѣ подъ тотъ день, когда коровы давали, вмѣсто молока, кровь. Въ полночь явилась старая вѣдьма. Схвативъ ее за сѣдые волосы, онъ однимъ ударомъ нагайки отбилъ ей носъ, а потомъ началъ учащать удары, требуя отъ вѣдьмы, чтобы она открыла ему секретъ, какъ возвратить его сестрѣ и зятю ихъ прежній видъ.—«Ну, говорить вѣдьма, умѣлъ ты поймать меня и удержать, дай же теперь мнѣ слово, что ты не убьешь меня, когда я открою тебѣ тайну.»—Козакъ далъ слово. Тогда вѣдьма подала ему клокъ своихъ сѣдыхъ волосъ и сказала, чтобы онъ зарядилъ ружье и забилъ зарядъ этими волосами. Затѣмъ указала станицу, около которой бѣгали вовкулаками его сестра и зять, прибавивъ, что, найдя ихъ тамъ, онъ долженъ выстрѣлить въ нихъ изъ

ружья и что при звукѣ выстрѣла они опять станугъ людьми. Дѣйствительно, слова вѣдьмы вполнѣ оправдались. Молодой козакъ сдержалъ свое слово, не тронулъ вѣдьмы, но станичники сожгли ее вмѣстѣ съ ея домомъ.

Въ народѣ циркулируетъ масса поражающихъ воображеніе слушателя расказовъ о вовкулакахъ и въ частности о томъ, чѣмъ они питаются, что ѣдятъ. Приведу болѣе характерные изъ нихъ.

Возвращаются два брата съ поля домой.—А що, Грицько, дуже боишься ты вовкивъ? спрашиваетъ старшій братъ меньшаго. — Не знаю, отвѣчаетъ тотъ: я ихъ зъ роду не бачивъ.—А отъ побачишь, говоритъ старшій братъ. И тотчасъ ушелъ за находившуюся у дороги могилу. Тамъ вынулъ изъ кармана два ножа, воткнулъ ихъ въ землю и перекувырнулся между ними черезъ голову. Не успѣлъ Грицько и «почухаться», какъ изъ-за могилы показался большущій сѣрый волкъ. Испугался Грицько и бросился за могилу въ ту сторону, куда ушелъ его братъ; но вмѣсто брата увидѣлъ тамъ два торчавшіе изъ земли ножа. Онъ быстро выдернулъ ихъ и стремглавъ пустился домой, а за нимъ бѣжалъ волкъ съ жалобнымъ воемъ, въ которомъ онъ не могъ не узнать голоса брата. Не разъ пытался несчастный вовкулака пробраться домой, но блестящіе зубы съ бѣшенствомъ бросавшихся на него псовъ обращали его въ бѣгство. Хуторяне часто потомъ встрѣчали въ окрестностяхъ тощаго, исхудалаго волка, съ слезящимися глазами, пристально устремленными на огонекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ готовилась вечеря для косарей.

Разъ ночью страшный лай собакъ на дворѣ разбудилъ Грицька. Онъ вышелъ изъ хаты; смотритъ,—собаки неистово бросаются на забившагося въ уголъ кошары волка. За Грицькомъ вышелъ и отецъ. Послѣдній сразу догадался, что то за волкъ. Быстро подошелъ онъ къ нему, схватилъ его за шиворотъ и сильно встряхнулъ. Шкура на волкѣ треснула и изъ нея вылѣзъ старшій братъ Грицька. Когда всѣ поуспокоились и бывшій вовкулака, сидя за столомъ въ хатѣ, утолилъ свой голодъ, то на вопросъ матери: «сыночку-голубчику, щожъ ты ïвъ, якъ вовкулакою бувъ?» отвѣчалъ: «облизувавъ на деревьяхъ ти миста, за котори люди брались руками,—тимъ тилько и живъ.»

Другіе разсказы о жизни вовкулакъ добавляютъ, что они не ѣдятъ падали, но подбираютъ куски и крошки хлѣба, оставляемые пастушками, а иногда даже воруютъ у послѣднихъ сумки съ хлѣбомъ.

Одинъ мальчикъ передавалъ мнѣ, что года два тому назадъ къ товарищамъ его пастухамъ, пасшимъ скотъ вблизи лѣса, пріѣзжалъ верховой съ ружьемъ за плечами. Распросивъ ихъ о томъ, не видали-ли они волка, онъ далъ имъ кусокъ «свяченаго» хлѣба и просилъ ихъ, чтобы они, когда увидятъ волка, не пугались, а дали бы ему этого хлѣба и, когда онъ начнетъ ѣсть, разорвали бы на немъ зеленый поясъ, который у него подъ шерстью. «Это, говорилъ онъ, не волкъ, а вовкулака,—женихъ, превращенный въ волка».

Люди взрослые съ полной вѣрой разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ волчанскомъ уѣздѣ видѣли одного русскаго изъ воронежской губерніи, сопровождаемаго волкомъ. На вопросы удивлявшихся этому хохловъ, онъ увѣрялъ ихъ, что это не волкъ, а оборотень—женихъ. Когда еще болѣе удивленные такимъ отвѣтомъ хохлы спрашивали хитроумнаго москаля, зачѣмъ же онъ не возвратитъ вовкулакѣ прежняго его человѣческаго вида, то находчивый москаль озадачилъ ихъ такимъ отвѣтомъ: «Сдѣлай его человѣкомъ, придется кормить, а до дому еще далеко, волкомъ же добѣжитъ и безъ корму».

Нѣкоторые изъ разсказовъ о вовкулакахъ приводятъ къ заключенію, что превращеніе въ волка бываетъ не только невольное, но и совершенно добровольное; въ послѣднемъ случаѣ оно составляетъ развлеченіе молодыхъ парней. Вотъ одинъ такой разсказъ, дословно записанный мною.

Шли два товарищи; одинъ, знаете, такій, що всяку всячину знявъ, а другій такій, якъ оце и мы гришни.

Отъ це той, що знае усе, и каже: «давай, братъ, вовкулаками поперекидаемся, та полякаемъ дивчатъ.»—«Давай,»—Ну винъ самъ перекинувся и товарища перекинувъ, и пишлы дивчатъ лякать. Писля того, якъ полякали, пишлы до вербы, откидаются. Той же, що зна усе, откинувся и зробився опьять чоловикомъ, а другій откидавсь, откидавсь, та й не откинувся,—такъ вовкулакою и побигъ у поле, и кажну ничъ оце и приходе до своеи хаты, та и дывитця въ викно, що въ хати робитця. И такъ винъ доходивъ до самисенькаго Риздва. Якъ есть на голодну кутю прыйшовъ до хаты и дывитця въ викно, а въ хати батько й мати и браты сидаютъ вечерять. Мати кладе ложки, та й каже: «оце тоби, старый, а оце тоби, сынокъ.» А вовкулака пидъ викномъ: «ау!» Це, бачъ, не

скаже: «а мини, та «ау!» Тутъ уси полякались, повыбигали, застукали того вовка, почали его бить. Братъ якъ ударе его по спыни, а винъ и зробився чоловикомъ, та й каже: «постой, не бийся: я твій братъ!» Взяли его у хату, роздивились,—ажъ винъ справди братъ.

Превращенные другими посредствомъ чаръ или заклятій въ волковъ, во всѣхъ слышанныхъ мною разсказахъ представляются несчастными, заслуживающими полнаго состраданія, существами: превращающіеся добровольно, особливо колдуны и вѣдьмы, не испытываютъ отъ того никакихъ страданій, пользуются только этимъ превращеніемъ съ выгодою для своихъ цѣлей; рыская волками по ночамъ, къ разсвѣту они снова принимаютъ человѣческій видъ.

Вѣрованіе въ оборотничество, въ существованіе вовкулакъ, составляетъ одинъ изъ архаическихъ остатковъ миѳологической стадіи человѣческой мысли, крѣпко сохраняющейся въ той общественной группѣ, которая служитъ вѣрной хранительницей вообще легендарной поэзіи древняго человѣчества, но съ сообщеніемъ ей мѣстнаго колорита, мѣстныхъ красокъ.

Что же способствуетъ сохраненію, живучести этихъ сказочныхъ преданій въ народѣ? Что сообщаетъ видъ правдоподобія этимъ невѣроятнымъ, глупымъ росказнямъ?—Общій складъ народнаго міровоззрѣнія, личная выгода нѣкоторыхъ и тѣ печальные, хотя довольно рѣдкіе, случаи умопомѣшательства, когда въ разстроенномъ умѣ больнаго рождается представленіе о томъ, что превращеніе въ волка дѣйствительно совершается или совершилось уже надъ его собственной личностью, что онъ, больной, сталъ волкомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести случаи полнаго идіотизма, соединеннаго съ нѣмотою и припадками болѣзни св. Витта. Года два тому назадъ въ одномъ изъ южно-русскихъ монастырей намъ пришлось увидѣть одного изъ подобныхъ несчастныхъ субъектовъ, пробѣгавшаго на четверенькахъ мимо толпы крестившихся при видѣ его богомольцевъ, изъ среды которыхъ доносились до насъ восклицанія: «Господи, спаси и помилуй!» вмѣстѣ со словами: «перевертень! перевертень!» Дѣйствительно, жалкое созданіе, почти лишенное человѣческаго образа, производило на зрителей самое удручающее впечатлѣніе. Оно то каталось по землѣ, издавая какое-то рычаніе, то, схватившись, продолжало бѣгъ

свой на четвереанькахъ. Не удивительно, что появленіе его тотчасъ же вызвало въ толпѣ представленіе объ оборотнѣ, перевертнѣ.

Къ числу лицъ, заинтересованныхъ поддержаніемъ въ простомъ народѣ вѣрованія въ превращенія людей, мы относимъ также не только тѣхъ, что слывутъ знахарями, колдунами, но и конокрадовъ, а равно занимающихся кражею скота. Они-то и есть тѣ разъѣзжающіе по утрамъ около хуторовъ всадники, разсказы о встрѣчахъ съ которыми намъ приходилось неоднократно слышать и которые, будто бы ища убѣжавшихъ волками жениха и невѣсты, съ цѣлью возвратить имъ прежній человѣческій ихъ видъ. на самомъ дѣлѣ высматриваютъ, гдѣ бы украсть коня или вола. Но, будучи захвачены врасплохъ, эти хищники, пользуясь наивной вѣрой крестьянъ, несутъ имъ всякую всячину для отвода только глазъ.

П. И—въ.

ТРАДИЦІОННЫЙ ПРОМЫСЛЪ ХАРЬКОВСКИХЪ КОЦАРЕЙ [1]).

Малороссіяне, или, по давнишнему названію, «черкасы», переселившіеся изъ-за Днѣпра на слободы и села нынѣшней харьковской губерніи, занесли на свою новую родину множество ремеслъ, между коими выдѣлка ковровъ или «коцарство» было однимъ изъ выдающихся. Мастера, занимавшіеся этимъ промысломъ, ткали ковры, которые, по свидѣтельству автора «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества», кромѣ мѣстнаго потребленія, служили еще и предметомъ вывоза въ великороссійскія селенія и даже за границу. Объ искусствѣ слободско-украинскихъ коцарей и коцарокъ одно время стало извѣстно въ самомъ Петербургѣ. Въ 1740 году кто-то прислалъ въ Петербургъ изъ слободской Украйны двѣ попоны работы малороссійскихъ коцарей. Попоны эти были настолько хороши, что ими заинтересовалась придворная конюшенная контора. Прошло однако 7-мь лѣтъ, пока контора надумалась снестись на счетъ заказа попонъ съ генеральною малороссійскою войско-

---

[1]) Коць—коверъ, отсюда названіе коцарь, коцарка. Въ Харьковѣ одна улица называется Коцарскою.—*А. Т.*

вою канцеляріею. Въ 1747 году особою премеморіею она требовала, чтобы канцелярія распорядилась сдѣлать въ Украйнѣ на пробу двѣ попоны, большой и средней руки, и чтобы отъ мастеровъ, которые будутъ дѣлать эти образцы, было узнано, во сколько времени они могутъ приготовить 500 такихъ попонъ для дворцовыхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были присланы и образцы попонъ. Генеральная канцелярія почему-то не желала принять на себя выполненіе требованія конюшенной конторы и въ отвѣтъ ей написала, что «въ Украинѣ попоны требуемою работою не дѣлаютца и для зделованія оныхъ мастеровъ тамо таковыхъ нѣтъ, а кои... дѣлаютъ —не вѣдомы, но вѣдомы въ белгородской губерніи»... Иными словами: она передавала дѣло на другія руки. Конюшенная контора спустя два года обратилась съ такимъ же требованіемъ къ бѣлгородской губернской канцеляріи, а та препроводила копіи указа въ канцеляріи полковыя, въ полки сумскій, ахтырскій, изюмскій, харьковскій и острогожскій, съ требованіемъ разысканія нужныхъ мастеровъ и съ добавленіемъ, что, какъ ей извѣстно, «оныя попоны разныхъ рукъ (размѣровъ) въ Харьковѣ дѣлаются». Дѣйствительно въ Харьковѣ нашлись коцари: Кость Кочерга, Гарасько Сколоздрія, Матвій Литвиненко, Семенъ Кравець, Семенъ Кочерженко и Иванъ Домашенко, а также коцарки: Орина Поддубная, Агафья Корніиха, Ганна Котелевская, Палажка Котелевская, Меланія Лапчиха, Марія Курязковна, Θедосія Плахотникова, Прасковья Польсковна и Марія Безистичная. Имъ объявленъ былъ заказъ конюшенной конторы на 500 попонъ, при чемъ требовалось сдѣлать «одни попоны съ двумя захабами большой руки, мѣрою въ длину безъ захаба 2 ар. 8 вершк., а съ захабомъ 2 ар. 10½ верш., шириною 1 арш. 14 вершк., а другія средней руки, длиною безъ захаба 2 ар. 7 вершк., съ захабомъ 2 арш. 8 вершк.. шириною 1 ар. 12 вер. Согласно рисунка, попоны должны были имѣть на зеленомъ полѣ, съ красными каймами, 2-хъ красныхъ орловъ; требовалось при томъ, чтобы они были сдѣланы «изъ хорошей шерсти, самою доброю работою», по цѣнѣ не свыше 2 р. 50 к. Предлагаемую цѣну коцари нашли для себя неподходящею, сверхъ того «за скудостію своею и за недородомъ хлѣба» не надѣялись такого числа попонъ поставить своимъ коштомъ въ короткій срокъ, но обѣщали изготовить требуемое количество ихъ къ 1 января 1750 года, если имъ заплатятъ по 3 руб. за каждую и выдадутъ впередъ, на

покупку и заготовку матеріаловъ, половинную часть всей причитающейся за работу суммы. Два однако образца были изготовлены тогда-же и представлены въ канцелярію, а оттуда отосланы въ Бѣлгородъ, изъ Бѣлгорода-жъ въ Петербургъ.

Конюшенная контора, разсмотрѣвъ образцы, нашла, что «хотя тѣ попоны здѣланы шерстью и мастерствомъ добротне, но мѣрою весма не сходны, такъ что лошадей накрыть оными невозможно»; къ тому-жъ и цѣна, запрошенная харьковскими коцарями, показалась ей высокою. Какъ-бы ни было, искусство харьковскихъ коцарей было признано и конторѣ видимо хотѣлось устроить заказъ. Она рѣшилась даже на такую уступку: «буде же за тѣмъ дорожиться будутъ, что 2 герба, то сдѣлать хотя съ 1 гербомъ на срединѣ, а кайму уменьшить такъ же, какъ гербъ»...

Опять требовались новые образцы; но тутъ уже дѣло начало затягиваться.

Въ указѣ бѣлгородской губернской канцеляріи, отъ 2 августа 1751 г., т. е. спустя почти два года, полковой канцеляріи предписывалось, «съискавъ немедленно тамошнихъ (харьковскихъ) мастеровъ и отъ нихъ взявъ послѣднее объявленіе, уговаривая притомъ всеприлѣжно о полученіи казенной прибыли... рапортовать» и «прислать пробы»; затѣмъ, дубликатомъ отъ 9 числа того же августа, настояніе въ томъ же родѣ было подтверждено, а 20 августа опять. Въ Харьковѣ молчали, не взирая на то, что въ послѣднемъ указѣ еще дѣлалась уступка коцарямъ: «буде, говорилось въ немъ, зъ гербами дорогую цѣну ставить будутъ, *то и безъ тѣхъ* гербовъ, токмо зеленыя попоны съ красными каймами, или красныя зъ зелеными каймами». Но проба все таки не посылалась.

Бѣлгородская губернская канцелярія, прискучивъ долгимъ ожиданіемъ, пригрозила, въ указѣ отъ 19 сентября 1751 года, канцеляріи полковой въ такихъ выраженіяхъ: «а дабы по сему указу во исполненіи продолжено не было, какъ то отъ 749 года въ вышеписанномъ, по слабости той полковой канцеляріи, продолжилось, отправить нарочнаго по инструкціи на счетъ той полковой канцеляріи, которому въ томъ неотступно понудить»... Понужденіе возъимѣло свое дѣйствіе. 25 числа сентября же въ канцелярію полковую на торги явилось десять коцарокъ и два коцаря, всѣ почти тѣ-же, что и прежде вызывались. Но какъ прежде, такъ и теперь они сто-

яли на своемъ: по 3 рубля за попону и впередъ половина суммы, причитающейся за подрядъ. Еще разъ харьковская полковая канцелярія рапортомъ донесла бѣлгородской губернской о несостоявшемся уговорѣ; но на этомъ и обрывается переписка «о сдѣланіи попонъ во дворецъ по приложеннымъ рисункамъ».

Что было причиною неудавшагося заказа, рѣшить трудно. По видимому онъ интересовалъ обѣ стороны и все таки состояться не могъ. Въ перепискѣ находимъ, что пунктомъ доставки заказывавшихся попонъ сначала назначена была Москва, потомъ Петербургъ. Принимая во вниманіе пути сообщенія того времени, это обстоятельство могло составить солидный разсчетъ для коцарей, но по поводу его они не обмолвились ни единымъ словомъ; значитъ не въ этомъ причина неудачи. Было какое-то таинственное лице, которое въ 1740 году доставило въ Петербургѣ образчики слободско-украинскихъ попонъ, оно-же конечно орудовало въ этомъ дѣлѣ и старалось устранить препятствія, мѣшавшія придворной конюшенной конторѣ войти въ сдѣлку съ харьковскими коцарями; но и его хлопоты не помогли. Переписка тянулась 11-ть лѣтъ и кончилась ни чѣмъ. Мы видимъ съ одной стороны настойчивыя попытки осуществить заказъ и даже уступки въ требованіи замысловатой работы, а съ другой твердую устойчивость коцарей на однажды предложенной цѣнѣ. Быть можетъ, въ порядкахъ тогдашнихъ казенныхъ подрядовъ, въ неувѣренности подрядчиковъ въ томъ, что деньги чрезъ рядъ инстанцій дойдутъ до ихъ рукъ сполна, заключалась причина неудачи и этого заказа. Какъ-бы ни было, можно пожалѣть, что заказъ не состоялся, ибо онъ могъ-бы поддержать, усилить и улучшить эту отрасль мѣстнаго производства. Насъ интересуетъ самая справка о существованіи такого производства. Съ измѣненіемъ военнаго строя слободской Украйны и сосѣдней гетманщины оно должно было сократиться и придти въ упадокъ, но не прекратилось совершенно и, какъ традиціонный промыселъ, существуетъ и доселѣ.

Коцари нашихъ дней если по размѣрамъ производства и уступятъ своимъ предкамъ, то въ искусствѣ работы не далеко отъ нихъ отстали. Плахты, коци, ковры и другія издѣлія изъ шерсти не только удовлетворяютъ мѣстному спросу, но служатъ также предметомъ вывоза далеко за предѣлы харьковской губерніи. Во многихъ населенныхъ пунктахъ губерніи, въ городахъ и слободахъ, существуетъ

особый классъ перекупщиковъ, спеціально занимающихся закупкой, по заказу, а чаще на ярмаркахъ, этого товара и отправкой его на мѣста спроса.

Слышно, что въ настоящее время украинскими коцями опять многіе заинтересованы въ Петербургѣ и что требованіе на нихъ тамъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Если такъ, то очень желательно, чтобы заказчики вошли въ прямое соглашеніе съ коцарями, не прибѣгая къ посредничеству поставщиковъ, а тѣмъ паче къ перепискѣ... Лучшіе изъ коцарей и плахотницъ харьковской губерніи, по достоинству и красотѣ своей работы, заняли-бы далеко не послѣнее мѣсто на любой выставкѣ. Сидя десятки лѣтъ за своимъ верстатомъ, они знаютъ, какъ обращаться не только съ шерстью, но и съ шелкомъ. Издѣлія изъ шерсти вмѣстѣ съ шелкомъ если и рѣдко, сравнительно, теперь у нихъ попадаются, то это прямой результатъ отсутствія спроса на такія издѣлія. Будетъ на нихъ спросъ, и коцари охотно займутся ихъ производствомъ.

А. Т.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

(Два случая изъ недавняго пришлаго).

Въ средѣ сельскихъ священниковъ волынской губерніи и простаго народа разсказываютъ подъ часъ весьма характерные случаи изъ недавняго прошлаго Волыни, когда судьбами ея заправлялъ, опираясь на свое крѣпостное право, помѣщикъ полякъ. Въ основѣ тогдашнихъ отношеній польскихъ пановъ къ здѣшнему русскому населенію и его бѣднымъ пастырямъ-руководителямъ лежало глубокое презрѣніе къ исповѣдуемой ими православной вѣрѣ и полная рознузданность ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, скажу болѣе—какая-то ожесточенная месть за что-то прошлое, не удавшееся, не возвратно погибшее. Защищать угнетаемый русскій народъ было ришительно некому. Единственною русскою властью въ краѣ былъ генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ и мѣстный губернаторъ; но отъ Кіева до какого нибудь Дубно или Ровно было слишкомъ далеко, а затѣмъ всѣ мѣстныя власти: исправники, становые пристава, засѣдатели, стряпчіе и прочіе были поголовно поляки. Смѣ-

ло можно сказать, что это было продолженіе вѣковаго польскаго гнета, хотя и подъ покровомъ русскаго владычества. Избытокъ матеріальныхъ средствъ, ни чѣмъ не наполненная, праздная и беззаботная жизнь, унаслѣдованныя отъ дней Рѣчи Посполитой своеволіе и распущенность польской шляхты вели къ шумнымъ пиршествамъ, дикимъ вакханаліямъ, среди которыхъ отуманивались до полнаго помраченія головы пановъ, и подвластный имъ народъ, его вѣра и священники служили предметомъ праздной потѣхи, грубаго издѣвательства, безцѣльныхъ и безсмысленныхъ поруганій.

Изъ множества слышанныхъ мною въ такомъ родѣ повѣствованій передамъ слѣдующіе два случая.

Около половины нынѣшняго столѣтія, въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ волынской губерніи жилъ богатый и знатный польскій графъ. Онъ владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, состоящимъ чуть ли не изъ десятка селъ и деревень. Резиденція графа находилась въ торговомъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ роскошный «палацъ» и, какъ водится, на самомъ видномъ мѣстѣ красивый костелъ. Какъ-то лѣтомъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ, графъ праздновалъ свои имянины. По обыкновенію, гости съѣзжались къ обѣду, а самые близкіе къ графу и его официалисты, являлись съ поздравленіями немедленно послѣ окончанія въ костелѣ обѣдни. Въ этотъ торжественный день явился къ графу съ поздравленіемъ и священникъ изъ ближайшаго, принадлежащаго графу, села.

Ясневельможный, въ кругу немногихъ еще своихъ приближенныхъ, въ томъ числѣ и ксендза, сидѣлъ въ саду, въ бесѣдкѣ; столъ былъ уставленъ напитками и закусками; самъ панъ пилъ «каву». Робко приблизился къ нему священникъ, низко поклонился и поздравилъ графа съ днемъ ангела; желая ему многихъ лѣтъ, священникъ добавилъ, что въ тотъ день онъ совершалъ божественную литургію о здравіи ясневельможнаго пана, и подалъ графу просфору.

— Weź (возьми)! презрительно и съ кислой миной произнесъ ясновельможный, кивнувъ рукой въ сторону стоявшаго позади его лакея, а тотъ, зная нравъ своего пана, бросилъ тутъ же просфору выглядывавшей изъ-за бесѣдки собакѣ. Ксендзъ загоготалъ отъ восторга, а пораженный такой выходкой пана и его слуги священникъ ничего не посмѣлъ сказать имъ въ отвѣтъ и только стоя переминался съ ноги на ногу. То было на столько ужасное время, что даже

мѣстные православные архіереи, какъ напримѣръ бывшій въ послѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ Никаноръ, не совѣтовали священникамъ въ подобныхъ случаяхъ отвѣчать чѣмъ либо на наругательства пановъ и ксендзовъ и тѣмъ болѣе заводить съ ними процессы, во избѣжаніе худшихъ послѣдствій. Графъ, осиливъ нѣсколько вызванное въ немъ появленіемъ православнаго священника непріятное чувство, сухо поблагодарилъ его и велѣлъ подать ему рюмку водки; повторились вновь непристойныя продѣлки со стороны лакея, старавшагося и тутъ попасть въ тонъ своего пана и сдѣлать нѣчто пріятное ему: лакей вмѣстѣ съ водкой, подалъ священнику для закуски кусокъ хлѣба, насухо посыпанный стертымъ въ порошокъ сыромъ; при вдыханіи, сыръ полетѣлъ ему въ горло и въ носъ. Бѣднякъ священникъ закашлялся и зачихалъ, доставляя особую потѣху не только графу и его приближеннымъ, но и лакеямъ. Слезы полились градомъ изъ глазъ сконфуженнаго священника; грудь его сдавилась подъ тяжестью нежданнаго оскорбленія. Отвѣсивъ низкій поклонъ графу, онъ поспѣшилъ выйти отъ него, но не вызванная ничѣмъ обида глубоко запала въ его душу, и онъ разсказывалъ про этотъ случай до самой смерти своимъ дѣтямъ, внукамъ и русскимъ дѣятелямъ, прибывшимъ въ нашъ край послѣ 1863 года, предостерегая ихъ отъ польскихъ угощеній и обольщеній.

Любятъ поляки говорить о своемъ просвѣщеніи, о превосходствѣ своей культуры, о своей цивилизаторской миссіи въ средѣ славянскихъ народовъ; но что производятъ они на нашихъ глазахъ надъ русскимъ народомъ въ Галиціи, то въ вѣкъ своего полнаго владычества въ юго-западномъ нашемъ краѣ они продѣлывали въ несравненно большихъ размѣрахъ и гораздо болѣе грубой и насильственной формѣ.

Въ той-же губерніи и томъ-же уѣздѣ, гдѣ происходило выше описанное обстоятельство, имѣлъ мѣсто и такой случай. Богатый и также самодуръ помѣщикъ (а мало-ли было тогда такихъ?) въ шумной пьяной компаніи возвращался осенью съ охоты. Подъѣзжаютъ къ перекресткѣ, а тамъ только что поставленъ кѣмъ-то изъ набожныхъ его «подданныхъ» крестъ. Въ пьяной головѣ пана мгновенно является дикая мысль на этомъ крестѣ распять пойманнаго на охотѣ живымъ зайца. Сказано, сдѣлано: достали зайца и распяли.

Приходскій священникъ донесъ объ этомъ архіерею. Назначено слѣдствіе. Въ числѣ свидѣтельницъ оказалась дочь священника, энергично показывавшая о дикомъ безобразіи, происходившемъ въ то время, когда она проѣзжала мимо креста. Находившійся при производствѣ слѣдствія становой приставъ-полякъ не постѣснялся дать ей пощечину и обругать послѣдними словами. Не перенеся такого оскорбленія, несчастная дѣвушка лишила себя жизни. Послѣ долгой волокиты дѣло было рѣшено: священникъ обвиненъ въ клеветѣ, лишенъ мѣста и посаженъ въ монастырь, а затѣмъ потерялъ разсудокъ и весьма печально окончилъ свое существованіе; сынъ священника, вступивъ въ непосильную борьбу съ могучимъ паномъ, также былъ засаженъ въ домъ сумасшедшихъ.

Это не сказка, не отдаленное, затемнившееся или прикрашенное преданіе, но разсказъ о случаѣ дѣйствительномъ, почерпнутый изъ самого вѣрнаго источника. Можно бы назвать мѣсто, гдѣ это происходило, назвать имена дѣйствовавшихъ и потерпѣвшихъ лицъ; но тутъ безразлично, гдѣ и кѣмъ бы это не было продѣлано; тутъ важенъ самый фактъ, а фактъ совершенно въ духѣ и порядкѣ еще не давно минувшаго времени.

N.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРОЖИЛА О КАРМЕЛЮКѢ.

Въ былые годы личность Кармелюка пользовалась въ Подоліи и на Волыни, а отчасти и въ Кіевщинѣ, большой популярностью. Особенно популяренъ былъ Кармелюкъ въ средѣ духовенства, помѣщиковъ и просто шляхты.

«Перше було», разсказываютъ и теперь старики, «якъ мы ще були молодыми, то, бувало, де не зберетця молодижъ, заразъ панночки про Кармелюка спиваютъ, а стари слухаютъ—слухаютъ, та часомъ и заплачуть».

Да это и не удивительно: Кармелюкъ не былъ зауряднымъ разбойникомъ, убивающимъ и грабящимъ въ свою личную пользу; все, что доселѣ извѣстно объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, указываетъ на то, что въ своихъ дикихъ поступкахъ и стремленіяхъ онъ руко-

водился недостижимой въ то время идеей соціальной реформы, точнѣе сказать, протестовалъ противъ гнета и насилія польскихъ пановъ надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ. Вотъ какія слова въ одной изъ пѣсенъ народныхъ влагаются въ уста Кармелюку:

Молодосте—радосте, единая сило!
Порадь мене, якъ скарати неправее дило.

Стремленіе его къ уничтоженію экономическаго неравенства между людьми ясно выразилось въ словахъ другой пѣсни, идущихъ также отъ лица Кармелюка:

А що визьму въ багатого,
То вбогому даю,
А такъ гроши подиливши,
Вже-жъ гриха не маю.

Если бы это не были убѣжденія и желанія, до которыхъ додумался самъ Кармелюкъ, то всячески они выработаны народною жизнію, а Кармелюкъ былъ ихъ воплотителемъ и выполнителемъ. Выдающаяся личность Кармелюка можетъ быть понята и оцѣнена лишь тогда, когда изучено будетъ соціальное положеніе народа въ его время, какъ это справедливо замѣчено въ предисловіи къ статьѣ о Кармелюкѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины», а пока, кромѣ фактическихъ свѣдѣній, изложенныхъ въ этой статьѣ съ извѣстнымъ освѣщеніемъ, приходится довольствоваться тѣми, подъ часъ чисто легендарными, разсказами, въ которыхъ трудно отличить истину отъ вымысла, дѣйствительность отъ преувеличенія и прикрасы. Впрочемъ и эти разсказы такъ характерны и такъ еще не много ихъ собрано, что, полагаю, не лишними будутъ и тѣ разсказы, которые я слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ старика-священника, современника и даже очевидца всѣхъ описываемыхъ случаевъ, и которые привожу здѣсь въ возможно точной записи.

1.

Кармелюкъ родился въ селѣ Головчинцахъ подольской губерніи. Объ немъ говорили, хотя немногіе, будто онъ незаконнорож-

денный сынъ помѣщика той деревни и что когда онъ подросъ, то помѣщикъ приставилъ его за козачка къ своимъ законнымъ сыновьямъ, отправляя ихъ для обученія куда-то за границу. Разсказывавшіе это прибавляли, будто Кармелюкъ успѣлъ кой-чему выучиться, прислуживая своимъ паничамъ, а когда возвратился съ ними домой и пришелъ въ возрастъ, то панъ женилъ его и поставилъ его гуменнымъ, т. е. надсмотрщикомъ за гумномъ. Но Кармелюкъ мало смотрѣлъ за порученнымъ ему дѣломъ, и, какъ выучившійся грамотѣ, наровилъ книжечку почитать. Принятыя противъ него паномъ строгія мѣры не дѣйствовали ни мало и панъ отдалъ его своей сосѣдкѣ. Кармелюкъ ушелъ отъ нея, а та, набравшись съ нимъ хлопотъ, рѣшила отдать его въ солдаты. Но вотъ бѣда: не могутъ поймать его никакъ: что поймаютъ и станутъ вязать, онъ повернется бокомъ, поведетъ плечемъ, такъ всѣ, какъ мухи, и летятъ отъ него. Вотъ тутъ-то и прислужилась его жена, присовѣтовала такъ: когда, говоритъ, онъ придетъ ко мнѣ ночью спать, возьмите, говоритъ, мѣшка два гороху и разсыпьте по полу. Сыщики такъ и сдѣлали: вошли ночью въ хату, высыпали горохъ, Кармелюкъ соскочилъ съ печи, поскользнулся и упалъ. Тогда сыщики набросились на него и скрутили ему ноги веревкою. Кармелюкъ догадался, что это продѣлка его жены, досталъ изъ кармана сухарь, пустилъ имъ прямо женѣ въ лобъ и разсѣкъ ей кожу до черепа. Вотъ такимъ-то способомъ и сдали его въ солдаты. Но Кармелюкъ былъ человѣкъ ловкій; скоро онъ ушелъ изъ войска и вернулся на родину; тутъ прежде всего онъ зарѣзалъ свою паню, а затѣмъ убилъ и своего отца-пана, собралъ кучку сподручныхъ ему людей и пошелъ гулять по Подоліи, Волыни и Кіевщинѣ. Я самъ своими глазами видѣлъ Кармелюка, когда его скованнаго вели черезъ Житоміръ. Вотъ каковъ онъ былъ изъ себя: росту нѣсколько выше средняго, немного сутуловатъ, но крѣпко сложенъ, такъ и видно, что сила у него желѣзная, будто изъ чугуна весь вылитъ, плечистый, широкостный, а съ лица очень красивъ.

2.

Разсказывали про Кармелюка еще такой случай. Жила гдѣ-то тамъ, на Волыни или въ Подоліи, какая-то пани, а у нея дочка выросла, да такая прехорошая, что и сказать не можно: «хочь воды зъ ли-

ця напийся», какъ говорятъ люди. Вотъ пришла пора дочку замужъ отдавать; присватнулся уже и какой-то тамъ паничъ, или панъ, да то бѣда, что пани никакъ на деньги для приличнаго приданого разжиться не могла. Ну, такъ-ли, сякъ-ли, взяла-ли гдѣ въ займы, или быть можетъ что либо изъ хозяйства продала, но сколотила таки рублей 500 и поѣхала въ Кіевъ приданое справлять. Тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ, ѣхала пани своими лошадьми. Вотъ не доѣзжая Бердичева, подъ вечеръ, въ темномъ лѣсу перебѣгаетъ ей дорогу какой-то человѣкъ и кричитъ: «стой!» Нечего дѣлать: кучеръ самъ остановилъ лошадей, завидѣвъ, что изъ лѣсу выглядываетъ еще нѣсколько такихъ же молодцевъ.

— Кто такая?... Куда ѣдешь и за чѣмъ?

Пани отвѣтила чуть слышно.

— Давай деньги! закричалъ остановившій ее человѣкъ.

Видитъ пани, что предъ нею разбойники и что отъ нихъ не уйдешь и даромъ не отдѣлаешься, взяла да и разсказала имъ все по чистой правдѣ, что такъ молъ и такъ. сколотила рублей 500 и везу въ Кіевъ просватанную дочь готовить ей приданое.

— А покажи свою дочку, говоритъ ей Кармелюкъ, ибо это былъ онъ.

Нечего было дѣлать. Мать потянула за рукавъ забившуюся въ уголъ дочь и та показалась изъ коляски. Кармелюкъ пристально посмотрѣлъ на молодую панну, а потомъ и говоритъ, обращаясь къ матери:

— Гарну, пани, дочку маешь, та мало приданого даешь! Якъ таки, щобъ така краля, та такъ мало приданого мала? На тоби оци червинци, тутъ ихъ тысячъ на дви буде, та гляди мени, не будь дурною, не втеряй дорогою, а якъ прыидешь у Кыивъ, то держи языкъ на привьязи, не кажи никому, де ты ци гроши взяла, бо тоди и гроши у тебе однимуть, и я битиму тебе! Видъ Кармелюка нигде не сховаешься!

Сказалъ онъ это, привѣтливо поклонился и тотъ часъ махнулъ въ лѣсъ.

Пани, не помня себя отъ радости, летитъ въ Кіевъ; но тутъ взяло ее раздумье: то у нея языкъ чешется, извѣстно какъ у бабы, хотѣлось-бы ей кому нежданнымъ счастьемъ похвалиться, то думаетъ она: а что если Кармелюка или кого изъ его шайки поймаютъ и

дѣло откроется?! Взяла да и объявила полиціи. Ну. разумѣется, сей часъ допросъ, актъ, а деньги всѣ, что далъ ей Кармелюкъ, отобрали. Жаль ей стало, да дѣла уже не поправишь: купила, что можно было, на собственныя деньги и съ тѣмъ отправилась обратно домой; но, вспомнивъ угрозы Кармелюка, не рѣшилась ѣхать на Бердичевъ, а направилась окружнымъ путемъ. Ѣдетъ и молится, чтобы Богъ вынесъ изъ бѣды, какъ вдругъ гдѣ-то въ лѣсу, подъ Житоміромъ, что-ли, слышитъ, кричитъ кто-то: «стой!» У пани сердце заколотилось; выглянула она изъ коляски, а предъ нею тотъ самый, что далъ ей деньги.

— А вылазь-но, вельможна пани! заговорилъ сурово Кармелюкъ.

Пани онѣмѣла отъ страху.

— А не казавъ я тоби: мовчи! продолжалъ Кармелюкъ. Що, заробила? Баба таки завжде буде бабою, хочь вона пани, хочь мужичка. Ото будь на другій разъ розумниша, а щобъ не забула, то ось тоби дамо памьятки.

— Хлопци, ризокъ! скомандовалъ Кармелюкъ подбѣжавшимъ къ нему товарищамъ.

Мигомъ выхватили хлопцы изъ коляски вельможную, отчистили ее на всѣ бока и пустили.

— Отце тоби памьятка, будешь памьятати! сказалъ Кармелюкъ дрожавшей отъ боли и страха пани, а за тѣмъ, обращаясь къ дочери, любезно проговорилъ:

— Ну, а дочка жъ мабуть невинна, що ій мати така дурна; то на-жъ тоби ще грохи червинцивъ, та май свій розумъ.

Съ этими словами онъ поклонился ей, подсадилъ въ коляску и побрелъ въ лѣсъ съ своими хлопцами. Получившая добрый урокъ пани скоро забыла о приключившейся непріятности и радовалась, что такъ еще дешево отдѣлалась отъ Кармелюка.

3.

А то вотъ еще что было. Въ одномъ селѣ. не помню ужъ какъ оно звалось, жилъ діаконъ, человѣкъ совсѣмъ даже смирный, ну, да кого-жъ, говорятъ, не попутаетъ нечистая сила? Захотѣлось ему быть священникомъ. Вотъ, собралъ онъ нѣсколько деньжатъ, запрегъ свою буланую въ «биду», взялъ съ ведро водки, сала, куръ и колбасъ и потащился въ Кіевъ «стараться на попы». Долго-ли,

не долго-ли онъ ѣхалъ, Богъ его Святый знаетъ, только гдѣ-то, въ какомъ-то тамъ лѣску перебѣгаютъ ему дорогу шестеро добрыхъ молодцевъ и какъ ужъ тамъ ни сопротивлялся нашъ діаконъ, взяли они его съ «бѣдой» и лошадкой и увели далеко въ лѣсъ. Подходятъ къ долинѣ, глядитъ діаконъ, а тамъ на прогалинкѣ разостланъ большущій коверъ, на коврѣ остатки только что оконченной ѣды, а вокругъ его сидятъ такіе гайдамаки, какъ и тѣ, что затащили его сюда.

Догадался нашъ діаконъ, въ чьи попалъ онъ лапы; не успѣлъ онъ слѣзть съ своей «бѣды», какъ къ нему приступилъ высокій, широкоплечій мужчина и сильнымъ голосомъ сказалъ:

— Коли ты, попе, не бачивъ ще зъ роду Кармелюка, то теперъ на ёго подивись, а тимъ часомъ давай гроши!

Видитъ діаконъ, что бѣда, вытянулъ свой убогій «гаманець» съ деньгами и отдалъ Кармелюку.

— Ну, добре робишь, що не сперичаешься, говоритъ ему Кармелюкъ; за те-жъ теперъ ѝдь, куды знаешъ.

Діаконъ думалъ было уже садиться въ свою «бѣду», но, вспомнивъ, что безъ денегъ не за чѣмъ и въ Кіевъ ѣхать, повернулся къ Кармелюку и говоритъ:

— Вы, добродію, казали, що я пипъ; але я ще не пипъ, а тилько промуюсь на попы и для того зибрався до Кыива, теперъ-же безъ грошей ничого и сыкаться туды, треба до дому повертать. Коли вже така моя доля, то ничого мени возити зъ собою и те, що зъ дому набравъ. Отъ тамъ у мене въ бидци зъ видро горилки, та жинка надавала зъ дому печеного й вареного, то може выпьемо теперъ могорыча вкупи, та й закусить де-що знайдется.

— Добре мовишь, отче, отвѣчалъ Кармелюкъ и, обращаясь къ своей компаніи, добавилъ:

— Доставайте, хлопци, що тамъ въ ёго е.

Именно водки недоставало на этотъ разъ гайдамакамъ, и они набросились на нее съ азартомъ и въ мигъ опорожнили порядочную баклагу, истребили и все съѣстное. Подпили и разговорились; діаконъ очень понравился Кармелюку.

— Ну, говоритъ ему Кармелюкъ; коли вже такъ тебе скортило бути попомъ, то на-жъ тоби твои гроши, та ѝдь, высвящуйся, а якъ будешь назадъ вертатись, то безпреминно заидь сюды, на це саме мисто,

щобъ намъ головы подушити, бо одъ того, кажуть, щастя прибувае, и голова николи не болить.

И Кармелюкъ возвратилъ діакону взятыя у него деньги и еще отъ себя немного приложилъ, а бывшимъ при немъ гайдамакамъ велѣлъ выпроводить его на битую дорогу.

Поѣхалъ отецъ діаконъ въ Кіевъ и когда высвятился на попа, то, купивши по пути водки и всякихъ закусокъ, заѣхалъ къ гайдамакамъ въ указанное мѣсто, давилъ имъ головы и гулялъ съ ними чуть не цѣлый день. Кармелюкъ былъ очень доволенъ такимъ гостемъ и, отпуская его отъ себя, далъ ему на хозяйство сто рублей.

— На, говорилъ онъ ему, та купи соби воливъ и ними ори, та зъ мужикивъ не дери!.. Не бійся, мы не обидніемо, грошей у насъ до биса, хочъ хлиба часомъ и бракуе.

4.

А ужъ какой мастеръ былъ Кармелюкъ «накивать, какъ говорятъ, пятами,» когда его вели туда, куда ему не хотѣлось. Разрывалъ онъ, какъ тряпки, толстыя веревки, разламывалъ кандалы, но чаще уходилъ съ помощію другихъ.

Разъ какъ-то вели по большой дорогѣ цѣлую партію арестантовъ и между ними скованый по рукамъ и ногамъ плелся Кармелюкъ. И конвойныхъ было много, все съ ружьями и сабли на голо. Идутъ арестанты, желѣзами побрякиваютъ, солнышко высоко уже подбилось въ верхъ; «часъ уже и спочити», думаетъ каждый про себя. Наконецъ «старшій» выбралъ мѣстечко у дороги пошире и скомандовалъ «привалъ».

Утомленные дорогой солдаты и арестанты растянулись на травѣ; многіе поснули, только часовые шагали вокругъ партіи подъ палящимъ солнцемъ.

Вдругъ вдали на дорогѣ поднялся столпъ пыли, а изъ пыли выглянула карета, запряженная четвернею добрыхъ коней. Поравнявшись съ арестантами, усталыя лошади потащились шагомъ. Арестанты зашевелились и одинъ за другимъ подбѣгали къ каретѣ за милостынею. Поднялся съ мѣста и Кармелюкъ, но лишь только онъ подошелъ къ каретѣ, дверцы ея распахнулись, извнутри высунулась бѣленькая ручка и дернула Кармелюка; онъ прыгнулъ въ карету, кучеръ ударилъ по лошадямъ и только пыль закрыла убѣ-

гавшихъ отъ глазъ конвойныхъ. Хватились они за ружья, выпалили по направленію укатившей кареты, а ея и слѣдъ простылъ.

— То, говорили тогда люди, была жена одного изъ его братьевъ по отцу. Хотя онъ и незаконный былъ, но братья очень жалѣли его и не разъ освобождали его изъ тюрьмы и передерживали у себя.

5.

Когда надо было поймать Кармелюка, то устраивали на него облаву, а облавы въ то время дѣлали такъ: въ одинъ изъ праздничныхъ или воскресныхъ дней, а то и въ будень, нагонятъ изъ нѣсколькихъ селъ тысячи народу, наѣдетъ куча пановъ, точно на охоту, съѣдутся и полицейскіе; обступятъ кругомъ какой нибудь лѣсокъ, въ которомъ, по слухамъ, засѣлъ Кармелюкъ, и проходятъ его вдоль и въ поперекъ съ дубинами, кольями и ружьями. Вотъ и на этотъ разъ такъ было; только искали, искали они, и не то что Кармелюка, даже зайца не выгнали. Ну, нечего, говорятъ, дѣлать; надо выпить и закусить по трудахъ. Собрались паны въ кучу, всѣ на лошадяхъ, а между ними и становой. Вдругъ подъѣзжаетъ къ нему на добромъ конѣ неизвѣстный панокъ, который во все время облавы найболѣе усердно разыскивалъ Кармелюка. Приблизился онъ къ становому и говоритъ:

— Ну, що, ваше благородіе, не піймали Кармелюка?! И по вики-жъ вы ёго не піймаете! А коли хочете ёго бачити, то дивитця: ось винъ!...

И съ этими словами онъ снялъ шапку и показалъ клеймо, выбитое у него на лбу. Затѣмъ повернулъ коня, махнулъ нагайкою и только его и видѣли.

Даромъ только горла драли паны, крича: «лови, держи его! Кармелюкъ такъ ошеломилъ ихъ, что никто не отважился и догонять его.

Сообщ. **Юрій Олтаржевскій.**

ДВА ПАМЯТНИКА ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ ВЪ БѢЛГОРОДЩИНѢ.

Памятная шведская война коснулась отчасти и Бѣлгородщины, главнымъ образомъ нынѣшняго грайворонскаго уѣзда курской гу-

берніи. Тутъ проходили легіоны Карла XII и русскія войска, собирались реквизиціи, фуражи и пр. Тутъ пребывалъ нѣкоторое время и самъ императоръ Петръ I-й, стягивая свои силы и готовясь вступить въ борьбу съ своимъ прославленнымъ противникомъ.

Какъ мѣсто остановки тутъ Петра I-го до наступленія полтавской битвы, такъ и самая полтавская побѣда увѣковѣчены здѣсь двумя сохраняющимися доселѣ, но мало кому извѣстными памятниками. Объ нихъ-то я и хочу напомнить читающей публикѣ.

Въ минувшемъ году въ Курскѣ была выставка разнаго рода мѣстныхъ произведеній и на ней, въ числѣ другихъ предметовъ, былъ выставленъ сдѣланный мѣстнымъ художникомъ-самоучкою Сидоренкомъ рисунокъ домика въ курскомъ имѣніи графовъ Шереметевыхъ, Борисовкѣ, въ которомъ Петръ I гостилъ у своего сподвижника Бориса Петровича Шереметева, а къ рисунку приложено было описаніе этого домика, составленное въ владѣльческой конторѣ кѣмъ либо изъ ея приказныхъ, приблизительно въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Вотъ это-то описаніе, дающее понятіе о двухъ памятникахъ мѣстной старины, я и предлагаю здѣсь во всеобщее свѣдѣніе.

Описаніе домика, находящагося въ курской губерніи, грайворонскаго уѣзда, въ слободѣ Борисовкѣ, принадлежащаго графу Дмитрію Николаевичу Шереметьеву [1]), въ которомъ императоръ Петръ I имѣлъ свое пребываніе.

1) На отлогомъ берегу рѣки Ворсклы находится, окруженный садомъ, построенный россійскихъ войскъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметьевымъ, для императора Петра Великаго, который, не задолго до полтавской битвы, изволилъ имѣть тамъ пребываніе, а при немъ находился въ то время и графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, прадѣдъ (уже прапрадѣдъ) нынѣшняго владѣльца, съ которымъ императоръ въ то время обдумывалъ планъ предстоявшей битвы полтавской, основанія славы россійской имперіи, и, возвращаясь по окончаніи счастливой побѣды надъ шведами, занималъ его около шести недѣль. Домикъ сей, построенный изъ толстаго дубоваго дерева, состоитъ изъ двухъ этажей, въ каждомъ по одной большой комнатѣ съ перегородками. Верхній этажъ занималъ императоръ; для входа въ него придѣлана снаружи на пра-

---

[1]) Въ настоящее время графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

вой сторонѣ лѣстница; съ трехъ сторонъ верхняго этажа сдѣланы открытыя узкія галлерейки; самый-же домикъ находится до нынѣ на томъ-же самомъ мѣстѣ и въ томъ-же видѣ, какъ былъ во время пребыванія императора Петра I, исключая крыши, которая перемѣнялась нѣсколько разъ, по причинѣ гнилости ея, дерево-же, находящееся въ стѣнахъ, все совершенно цѣло и по особенному порученію отъ владѣльца графа Дмитрія Николаевича Шереметьева, довѣренностію его управляющему, какъ зданіе, знаменитое пребываніемъ въ немъ императора и какъ драгоцѣнность, соблюдается съ особеннымъ раченіемъ; покрыто гонтомъ, окрашеннымъ красною краскою, стѣны снаружи выбѣлены безъ штукатурки, а для лучшаго сбереженія его, сдѣланъ надъ нимъ въ настоящее время чехолъ деревянный, крыша котораго со всѣхъ сторонъ укрѣплена на колоннахъ, окрашенныхъ желтою краскою. Надъ самымъ входомъ въ домъ находится надпись: „генеральная квартира“, которая существуетъ со времени пребыванія въ немъ императора Петра I, но своевременно нѣсколько разъ поновлялась. Внутри этого домика, въ верхнемъ этажѣ, находится: икона—Распятіе Спасителя, которую великій монархъ неоднократно призывалъ на помощь, отправляясь на поле брани и, возвратившись, приносилъ уединенно благодарность за щастливую побѣду; столъ дубоваго дерева, ножки коего съ рѣзьбою, копье и около трехъ стѣнъ скамейки.

2) При этомъ домикѣ находится семь орудій разнаго рода, изъ нихъ пушекъ шесть и одинъ единорогъ, подаренныя императоромъ Петромъ Великимъ, послѣ полтавскаго сраженія, фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметьеву; орудія сіи, вѣроятно, изъ числа отнятыхъ у шведовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ отбиты „Цампфы“ и „Дельфины“, а прочія имѣютъ поврежденія.

3) Не въ далекомъ разстояніи отъ сего домика, на крутыхъ берегахъ рѣки Ворсклы основанъ былъ, въ 1710 году, генералъ-фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметьевымъ, дѣвичій монастырь во имя Тихвинской Божіей Матери, при закладкѣ котораго присутствовалъ самъ императоръ Петръ I, а впослѣдствіи совершенно устроенъ въ знакъ благодарности къ Провидѣнію Пресвятой Дѣвы, даровавшей россійскому воинству знаменитую побѣду надъ шведами, и въ знаменіе великихъ милостей, полученныхъ имъ (графомъ Шереметьевымъ) отъ императора Петра I. Этотъ монастырь во имя той самой иконы, которую графъ Борисъ Петровичъ имѣлъ при себѣ во все время сраженія со шведами; когда-же монастырь окончательно устроенъ былъ, тогда Борисъ Петровичъ передалъ въ него эту икону и она и нынѣ тамъ находится, а до устройства монастыря она нахо-

дилась въ домикѣ Петра Великаго. Въ настоящее время въ монастырѣ этомъ находится до 300 монашествующихъ (т. е. во время составленія этого описанія, теперь-же ихъ гораздо большее число) и какъ на содержаніе ихъ, такъ и на поправку монастыря употребляется значительная сумма изъ имѣнія графа Дмитрія Николаевича Шереметьева

Сообщ. **И. Я. Святославскій.**

КАКЪ ЗЕМЛЯНЦЫ ПОТЕРЯЛИ СВОЮ „ВОЛЬНИЦУ“.

Во многихъ мѣстахъ заднѣпрской или лѣвобережной Малороссіи уцѣлѣли до настоящей поры остатки такъ называвшихся нѣкогда «вольницъ». Это были обширныя пространства пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель и лѣсныхъ дачъ, значившихся на правѣ давней заимки за извѣстнымъ селомъ или мѣстечкомъ, никому лично не принадлежавшихъ, но въ которыхъ каждый житель того села или мѣстечка могъ пахать, косить и рубить, сколько нужно было для его хозяйства. Съ увеличеніемъ народонаселенія, запашекъ и надѣловъ, захватовъ и раздачъ размѣры вольницы сокращались все больше, доходили до нѣсколькихъ десятковъ десятинъ и просто десятинъ, мѣстами совершенно уничтожались. Производящееся издавна въ полтавской и черниговской губерніи *per fas-nefas* межеваніе нанесло окончательный ударъ древнимъ «вольницамъ». Въ томъ мѣстѣ, о которомъ мы хотимъ говорить, существованіе «вольницы» уничтожено межеваніемъ въ 70 годахъ, т. е. лѣтъ 10—15 назадъ. Но, повторяемъ, остатки «вольницы» уцѣлѣли кое-гдѣ, такъ какъ межеваніе еще не окончено во всей Малороссіи, и сторонникамъ общиннаго въ ней землевладѣнія не мѣшало бы заглянуть въ неразмежеванныя еще поселенія, въ тѣхъ видахъ, не найдется ли гдѣ еще сохранившихся общихъ владѣній если не пахатными полями, то по крайней мѣрѣ лѣсами, такъ какъ пахоть начала дѣлиться раньше.

Остатки «вольницы» были еще недавно и въ с. Землянкѣ, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи. Исторіи этой заимки мы не знаемъ и о погерѣ оной обществомъ названнаго села будемъ говорить частію по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, частію по фамильнымъ нашимъ преданіямъ. Захватъ заимки начался давно, еще въ

концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Екатерины II. Вотъ какъ гласитъ о семъ мѣстное преданіе.

Въ селѣ Землянкѣ и его окрестностяхъ имѣлъ въ то время свои владѣнія помѣщикъ Забѣла, жившій въ кролевецкомъ уѣздѣ; онъ-то и пожелалъ оттягать у землянцевъ ихъ «вольницу». Козаки затѣяли дѣло: повѣреннымъ избрали они своего односельчанина, знатнаго козака Тимоѳея Чубуна и, снабдивъ его документами, полномочіями и деньгами, отправили въ Петербургъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II. Поѣхалъ Чубунъ въ Питеръ, прожилъ тамъ долго и возвратился домой. Собралась громада слушать отчетъ своего уполномоченнаго.

— Ничого не врадишь, говоритъ Чубунъ, грошей мало, за паномъ Забилою ничого не подіешъ.

— Якъ же такъ? спрашиваетъ громада.

— А такъ! прыихавъ я до Питенбурху, пійшовъ у дворець, провели мене ажъ до самои матуси нашои Катерины самодражныци. А на те все гроши давать треба. Отъ заразъ якъ убачивъ я царицю, та бу-бухъ іи у ноги, а вона й каже: «встань, каже, мій вирный козаче, та кажи мени, що тоби треба; я, каже, усе зроблю для своихъ вирнихъ козакивъ».—Я ій и кажу: отакъ и такъ, матусю наша, самодражнице; обиждае насъ панъ Забила.—«Якъ винъ сміе моихъ вирнихъ козакивъ обиждати?» Я ій усе и росказавъ. Вона й каже: «позвать мени, каже, Потёмку!» Прыйшовъ Потемка. Матуся Катерина каже ему: «мій вирный Потемка! панъ Забила моихъ вирнихъ козакивъ обиждае, вильныцю у нихъ одіймае». Потемка ничого на цее не сказавъ, тильки гмукнувъ; потимъ пидвивъ царицю до окошка и щось ій у викно показуе. Я пидкрався, та зыркъ іи черезъ плече... Ажъ тамъ одъ пана Забилы шестерикъ воронихъ коней привели и ёго конюхъ, що изъ Рудни, по двори ихъ водить! Повернулась наша матуся до мене, да й каже: «Ну, каже, мій вирный козаче, николи мени теперечки съ тобою балакать, а прыизжай ты у Кіевъ, бо я туды маю скоро одъизжати». Отъ такъ я й вернувсь ни зъ чимъ; а теперь мени треба бильшъ грошей, щобъ їхати до Кіева.

Разсказъ, какъ видитъ читатель, сложился какъ разъ въ духѣ старыхъ «брехунцовъ», но суть неудавшагося позва видѣнъ самъ собою. Землянцы прибавили денегъ своему адвокату, и онъ ѣздилъ въ Кіевъ;

но видѣлъ-ли тамъ царицу, преданіе не говоритъ, а добавляетъ только, что изъ Кіева онъ вернулся также ни съ чѣмъ. Дѣло тянулось долго и окончилось послѣ смерти Забѣлы, когда имѣніе перешло уже къ его брату. Этотъ другой Забѣла былъ совѣстливѣе своего брата и пожелалъ чѣмъ нибудь вознаградить землянцевъ. Дѣло было, кажется, въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, потому что и теперь есть еще въ живыхъ люди, которые помнятъ финалъ этой исторіи. Забѣла-братъ пріѣхалъ въ Землянку и пожелалъ переговорить съ громадой на счетъ «вольницы». Громада собралась.

— Вотъ, братцы, что я скажу вамъ, говоритъ Забѣла.—Мнѣ извѣстно, что братъ мой овладѣлъ вашей вольницей не по праву и чтобы добиться своего желанія, потратилъ много денегъ. Вольница однако моя; но чтобъ не было споровъ, я вамъ даю обратно половину вольницы, а другую половину оставляю себѣ за расходы, понесенные моимъ братомъ. Согласны вы на это?

Громада попросила сутки на размышленіе.

Не придя между собой ни къ какому соглашенію, громадяне рѣшили пойти за совѣтомъ къ пану Бартошу, какъ постоянному ихъ сожителю и законовѣду. Конечно, Бартошъ посовѣтовалъ имъ принять даръ.

— Э! коли такъ, рѣшили громадяне, то мы не согласни! Якій-бы не бувъ хорошій чоловикъ Бартошъ, а все-жъ винъ панъ и за паномъ руку тягне. Се видно царъ намъ одсудивъ усю вильныцю, то черезъ те паны до насъ и пидлещуються.

Насталъ условленный часъ для дачи отвѣта Забѣлѣ и землянская громада на отрѣзъ отказалась принять отъ него въ даръ половину вольницы.

— Подавай намъ усю! Царъ намъ усю одсудивъ! кричали бывшіе козаки, и никакіе доводы Забѣлы не подѣйствовали. Забѣла уѣхалъ изъ Землянки и не желая вести тяжбу съ землянцами изъ-зъ вольницы, продалъ ее всю въ казну. Теперь это лучшій лѣсъ, оставшійся въ уѣздѣ, да едва-ли и не во всей черниговской губерніи. Можно, пожалуй, сказать: что ни дѣлается, все къ лучшему; оставайся лѣсъ въ рукахъ землянцевъ, едва-ли уцѣлѣла бы отъ него и десятая доля. Въ 1877 году, по межевымъ документамъ, у нихъ значилось 428 дес. лѣсу, а теперь отъ него не осталось уже и половины: вся дача подѣлена на участки; лѣсъ вырубается, а земля об-

ращается въ пашню, но черезъ нѣсколько лѣтъ истощенная земля представляетъ изъ себя песчаную пустыню. Купленный казною лѣсъ и до сихъ поръ носитъ названіе «землянской вольницы».

Преданіе сохранило фактъ перехода общественнаго достоянія въ частныя руки путемъ захвата и поступленія онаго въ казну путемъ продажи, народная же фантазія пріукрасила разсказъ забавными подробностями. Не нужныя подробности забудутся, а фактъ пригодится для исторіи землевладѣнія въ бывшей землѣ сѣверянъ.

Закончимъ преданіе живою, современною намъ дѣйствительностію. Тимоѳей Чубунъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ хорошія деньги, внукъ его Степанъ Васильевичъ Чубунъ и теперь еще первый богачъ въ селѣ. Вѣроятно въ благодарность за поживу съ громады Тимоѳей Чубунъ пожертвовалъ въ церковь очень древній Апостолъ XVII вѣка, съ заглавнымъ рисункомъ, изображающимъ сердце.

— Почему вы, спрашивала я, у мужиковъ, называете царицу Екатерину II «самодражницей»?

— Бо, кажуть, дуже самодражлива була, що схоче, то й зробить, —отвѣчали простодушные земляки мои, толкуя по своему титулъ самодержавицы.

П. Литвинова.

С. Землянка,
глуховскаго уѣзда.

РОСПИСЬ РОДА ГОРЛЕНКОВЪ,

СОСТАВЛЕННАЯ

по фамильнымъ родословнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива

КНЯЗЕМЪ А. В. ДАБИЖА.

1885 г.

РОДОНАЧАЛЬНИКЪ ИЗЪ ВЕНГРОВЪ.

Поколѣнія:

I.

1. *Андрей (?) Горленко,* войсковой товарищъ Сѣчи Запорожской.

II.

2. *Лазарь Андреевичъ,* полковникъ прилуцкій 1659, † 1687 г., участникъ переяславской рады 1654 г., сподвижникъ гетмановъ Хмельницкаго, Брюховецкаго и Самойловича. По грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 17-го ноября 7174 г. (1666 г.) пожалованъ во дворяне и вотчиною—селомъ *Ольшанымъ* въ 50 дворовъ. Убитъ въ крымскомъ походѣ, 1687 г., взбунтовавшимися козаками своего полка. Жена: *Евфросинія,* † 1713 г. (б. въ 1-мъ бракѣ за *Раковичемъ*). —1.

III.

3. *Петръ Лазаревичъ,* упоминается въ 1685 г.; былъ дважды женатъ. —2.

III

4. *Степанъ Лазаревичъ,* упом. 1687 г. Женатъ на дочери Гамалѣи (безд.).

5. *Дмитрій Лазаревичъ,* полковникъ прилуцкій 1693—1708 г. и наказной гетманъ 1705 г., во время великой сѣверной войны; въ 1708 г. бѣжалъ съ Мазепой и Карломъ XII въ Бендеры, затѣмъ въ Константинополь; вернулся въ 1714 г., 16 лѣтъ продержанъ въ Москвѣ и † 1731 г. По грамотѣ царей Іоанна, Θеодора и Петра Алексѣевичей отъ 3 сентября 7198 и 23 генваря 7203 годовъ жалованъ помѣстьями и вотчинами.

Жена *Марія Захаровна Голубъ,* племянница гетманши Самойловичъ, по другимъ—*сестра гетмана Мазепы.*

6. *Мануилъ Лазаревичъ.* Жена N. N.

7. *Иванъ Лазаревичъ* 1687 г. Жена Анна Петровна *Кударъ,* дочь козака прилуцкаго полка.

8. *Антонъ Лазаревичъ,* войсковый асаулъ, бѣжалъ съ Мазепой въ 1708 г.

N. N. Лазаревна за Григоріемъ *Лихопекой* 1697 г., войтомъ г. Прилукъ.

IV.

9. *Василій Петровичъ,* прозванный «Паливода». —3.

N N. *Петровна* за *Гаркушей;* по смерти мужа приняла монашество.

10. *Андрей Дмитріевичъ,* бунчуковый товарищъ 1708 г., † 1756 г., начальствовалъ надъ козаками въ гилянскомъ походѣ 1725 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 20 февраля 1744 г возвращены ему конфискованныя вотчины и, за безвинное содержаніе въ тайной канцеляріи, пожалованы новыя. Жена *Марія Даниловна,* дочь *гетмана Апостола,* † 1754 г.—5.

11. *Инокъ Пахомій,* 1709 г. Іеромонахъ кіево-печерской лавры.

Агафія Дмитріевна за бунчуковымъ товарищемъ *Бутовичемъ* († 1740 г.) бѣжавшимъ съ Мазепой.

Θеодосія Дмитріевна за бунчуковымъ товарищемъ *Огроновичемъ.*

Анастасія Дмитріевна, инокиня ладинскаго монастыря.

12. *Акимъ Мануиловичъ,* 1729 г. генеральный хорунжій; наказной гетманъ въ крымскомъ походѣ гр. Ласси 1737 г; генеральный судья 1745 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 19-го ноября 1745 г. пожалованъ вотчиною селомъ *Заѣзды* и другими. Жена *Мавра Давидовна,* дочь козака прилуцкаго полка. —6.

13. *Акимъ Ивановичъ,* генеральный хорунжій. —7.

V.

14. *Святитель Іоасафъ (Акимъ Андреевичъ)* 1705 † 1754 г, настоятель мгарскаго лубенскаго монастыря 1735 г., намѣстникъ троицко-сергіевской лавры 1745 г., епископъ бѣлгородскій и обоянскій 1748 г. —10.

15. *Андрей Андреевичъ,* послѣдній полковникъ полтавскій 1744—1774 г.; лейбъ-гвардіи измайловскаго полка сержантъ; впослѣдствіи бригадиръ, р. 1709, † 1780 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 20-го февраля 1744 г. пожалованъ вотчиною мѣст. *Иваницей,* въ 150 дворовъ.

Жена *Анастасія Семеновна Лизогубъ,* внучка гетмана Скоропадскаго.

16 *Архимандритъ Митрофанъ (Михаилъ Андреевичъ),* настоятель кіевскаго богоявленскаго братскаго монастыря; † въ святогорской пустыни.

17. *Григорій Андреевичъ,* надворный совѣтникъ и прилуцкій подкоморій, † 1774 г.

Жена *Евдокія Семеновна Зарудная.*

18. *Павелъ Андреевичъ,* лейбъ-гвардіи поручикъ 1744 г.

Жена—дочь полковника *Солонины.*

Ульяна Андреевна за подкоморіемъ прилуцкаго полка Андреемъ Ѳеодоровичемъ *Маркевичемъ.*

Марѳа Андреевна за сотникомъ повстинскимъ Степаномъ Григорьевичемъ *Стороженкомъ,* внукомъ прилуцкаго полковника.

Прасковья Андреевна † за изюмскимъ слободскимъ полков-

никомъ Иваномъ Андреевичемъ *Квиткой* † 1751 г., дѣдомъ писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка.

19. *Петръ Акимовичъ* 1777 г. малороссійскій полковникъ.—12.

Жена *Марія Ивановна Ширай,* внучка стародубскаго полковника.

20. *Степанъ Акимовичъ,* † холостъ.

Анастасія Акимовна за сотникомъ новомлинскимъ *Иваномъ Шишкевичемъ.*

Марія Акимовна, 1) за сыномъ генеральнаго судьи Ѳеод. Андр. *Кандыбой,* 2) за бунчуковымъ товарищемъ *Покорскимъ.*

Анна Акимовна за бунчуковымъ товарищемъ Антономъ Гавриловичемъ *Милорадовичемъ,* сыномъ гадяцкаго полковника.

Зиновія Акимовна 1) за бунчуковымъ товарищемъ Семеномъ Андреевичемъ *Маркевичемъ* 1733 г.; 2) за *Чарнышомъ,* сыномъ генеральнаго судьи.

Елена Акимовна за бунчуковымъ товарищемъ *Сандурскимъ.*

VI.

21. *Иванъ Андреевичъ,* р. 1740 г.; премьеръ-маіоръ 1779 г.; черниговскій губернскій маршалъ 1783 г.; маршалъ прилуцкаго повѣта 1804 г. —15.

Жена *Марія Андреевна Миницкая,* дочь сотника Миницкаго.

22. *Семенъ Андреевичъ,* р. 1750 г., капитанъ 1780 г.

Жена *Дарья Петровна Галецкая,* дочь гадяцкаго полковника.

Марія Андреевна за генералъ-поручикомъ Андреемъ Степановичемъ *Милорадовичемъ* (1768 г.), губернаторомъ черниговскаго намѣстничества, отцемъ знаменитаго *графа М. А. Милорадовича,* убитаго 14 декабря 1825 г.

Ульяна Андреевна за премьеръ-маіоромъ *графомъ Борисомъ Петровичемъ Девіеръ,* 1772 г., сыномъ генералъ-аншефа, командовавшаго украинской линіей, гр. П. Девіеръ.

23. *Петръ Григорьевичъ,* р. 1751 г. Секундъ-маіоръ; прилуцкій судья 1797 г., хорунжій 1802 г. и подкоморій 1804 г.

Жена *Евдокія Вас. Болдырева,* дочь оберъ-провіантмейстера.—17.

24. *Иванъ Григорьевичъ.*

V

25. *Андрей Григорьевичъ*, артиллеріи поручикъ, † холостъ.

Софія Григорьевна за погарскимъ предводителемъ дворянства, полковникомъ *Иваномъ Николаевичемъ Ханенкомъ*, сыномъ генеральнаго хорунжаго.

Анна Григорьевна за подполковникомъ *графомъ Михаиломъ Петровичемъ Девіеръ* 1778 г.

Варвара Григорьевна за генералъ-лейтенантомъ *графомъ Ник. Вас. Гудовичемъ*, младшимъ братомъ фельдмаршала.

Прасковья Григорьевна, *Елисавета Григорьевна* — въ дѣвицахъ. —1.

26. *Андрей Павловичъ*, поручикъ и засѣдатель прилуцкаго суда 1790 г. Жена *Ульяна Өедоровна Свирская*. —18.

27. *Василій Павловичъ*, поручикъ 1774, † 1828 г. Жена *Марія Дмитріевна Киріякова*, дочь войсковаго товарища.

28. *Семенъ Петровичъ*, 1782 г. Премьеръ-маіоръ и маршалъ прилуцкаго повѣта 1829 г. —19.

Жена *княжна Анна Евдокимовна Кильдишева*, дочь губернскаго совѣстнаго судьи, генералъ-маіора князя Евдокима Патрикіевича Кильдишева 1785 г.

29. *Дамаскинъ Петровичъ*, секундъ-маіоръ 1784 г., † холостъ.

30. *Иванъ Петровичъ*, † 1794 г., войсковой товарищъ. Жена *Пелагея Григ. Иваненко*, дочь дѣйст. стат. совѣтника Иваненка.

31. *Андрей Петровичъ*, поручикъ, † холостъ.

32. *Тимофей Петровичъ*, поручикъ, † холостъ.

VII.

33. *Петръ Ивановичъ*, адъютантъ фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна, полковникъ харьковскаго гусарскаго полка, † 1851 г. —21.

Жена *Анна Константиновна Снарская*, † 1855 г., племянница статсъ-дамы графини А. С. Витгенштейнъ.

34. *Андрей Ивановичъ*, поручикъ N—скаго гусарскаго полка, убитъ въ 1812 г.

35. *Иванъ Ивановичъ.*

36. *Александръ Ивановичъ,* р. 1795, † 1847 г., штабъ-ротмистръ бугскаго уланскаго полка.

Жены: 1) *Елисавета Алексѣевна Болдырева* 1815 г., 2) *Екатерина Григорьевна Забѣла.*

Марія Ивановна за *Балашовымъ.*

Анастасія Ивановна за генералъ-маіоромъ *фонъ-Ребиндеръ.*

Варвара Ивановна, р. 1787 г.

Екатерина Семеновна († 1855 г., въ Парижѣ), за генералъ-лейтенантомъ *Мих. Андр. Арсеньевымъ,* † 1841 г., командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка 1813 г. и I гвардейской кирасирской бригады 1815 г. —22.

37. *Дмитрій Петровичъ,* поручикъ. —23.

Жена Антонина Николаевна *Гржимайло.*

38. *Николай Петровичъ,* полковникъ N—скаго кирасирскаго полка.

Жена Александра Васильевна *Свирская.*

39. *Григорій Петровичъ* 1838 г., лейбъ-гвардіи поручикъ.

Жена Марія Степановна *Карпинская.*

Ульяна Петровна за *Сикстелемъ.*

40. *Сергѣй Петровичъ,* коллежскій регистраторъ (безд.)

Жена Елена Павловна *Зотицъ.*

41. *Иванъ Петровичъ,* † холостъ.

52. *Петръ Петровичъ,* р. 1797 г.

Жена—*Брежинская.*

Анна Петровна за полковникомъ *Громовымъ.*

Варвара Петровна за *Мартыновымъ.*

Аделаида Петровна за *Нелѣговскимъ.*

43. *Алексѣй Петровичъ,* подпоручикъ. Жена Анастасія Прохоровна *Кулинская.*

44. *Александръ Петровичъ,* подпоручикъ. Жены: 1) N. N., 2) Татьяна Ивановна *Чернявская.*

45. *Яковъ Петровичъ,* подпоручикъ 1825 г. Жена Анастасія Ѳеодоровна *Италинская.*

Марія Андреевна въ замужествѣ за *Дуницъ.* —26.

VII

Анна Андреевна.

46. *Иванъ Андреевичъ,* 1813 г. Ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ фельдмаршала гр. П. Х. Витгенштейна. Жены: 1) *Скоропадская,* 2) Матр. Сем. *Кобеляцкая.*

47 *Яковъ Андреевичъ,* прилуцкій подкоморій 1813 г. Жена Анастасія Михайловна *Трифановская.*

48. *Григорій Андреевичъ.*

49. *Павелъ Андреевичъ.*

50. *Василій Васильевичъ,* поручикъ 1840 г. —27.

51. *Дмитрій Васильевичъ,* поручикъ. Жены: 1) Евфросинія Петровна *Исаевичъ,* 2) Евлампія Захаровна *Гладкая.*

52. *Павелъ Васильевичъ,* 1813 г. Депутатъ пирятинск. повѣта

Наталья Васильевна.

53. *Давидъ Семеновичъ,* лейбъ-гвардіи измайловскаго полка прапорщикъ, затѣмъ маіоръ смоленскаго драгунскаго полка 1818 г.; прилуцкій предводитель дворянства 1842 г. —28.

Жена *Богдана (Θеодосія) Васильевна Лизогубъ.*

54. *Евдокимъ Семеновичъ.*

55. *Семенъ Семеновичъ,* поручикъ изюмскаго гусарскаго полка, † холостымъ.

Евфросинія Семеновна за Вас. Петр. *Симановскимъ.*

Надежда Семеновна за капитанъ-лейтенантомъ Григоріемъ Θедоровичемъ *Александровичемъ.*

Александра Семеновна.

56. *Егоръ Ивановичъ.* —30.

Жена Марія Осиповна *Кутлубицкая,* сестра флигель-адъютанта императора Павла I, Н. О. Кутлубицкаго.

VIII.

57. *Иванъ Александровичъ* (дѣти отъ 1 брака № 36) —36.

58. *Алексѣй Александровичъ,* полковникъ †.

Жена Софія Васильевна *Пяткина,* дочь генералъ-маіора, брестъ-литовскаго коменданта.

Вѣра Александровна, † 1866.

Надежда Александровна.

Софія Александровна.

59. *Владиміръ Александровичъ*, капитанъ †. Жена Елена Васильевна *Фостикова.*

60. *Михаилъ Александровичъ*, р. 1824, † 1869 г. Жена 1850 г. Любовь Антоновна *Тышкевичъ*, † 1869 г.

61. *Николай Александровичъ*, † 1857 г.

Марія Александровна †.

62 *Всеволодъ Александровичъ* †.

63. *Петръ Александровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ витебскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, р. 1835 г. (дѣти отъ 2 брака № 36).

Жена Елисавета Θеодоровна фонъ-*Фишеръ*.

Анастасія Александровна, съ 27 сентября 1859 г. за камеръ-юнкеромъ Высочайшаго двора, впослѣдствіи камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ. *княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ Дабижа.*

Анна Александровна †.

64. *Александръ Александровичъ*, † младенцомъ.

65. *Вячеславъ Александровичъ* id.

66. *Петръ Дмитріевичъ*, штабъ-ротмистръ †. Жена Марія Яковлевна *Мамчичъ* —37.

Александра Дмитріевна за *Старовымъ.*

Юлія Дмитріевна за *Курилло.*

Авдотья Дмитріевна.

Марія Дмитріевна за *Савицкимъ.*

Варвара Дмитріевна, † въ Парижѣ.

Антонина Дмитріевна за *Козловскимъ.*

67. *Аркадій Николаевичъ*, штабъ-ротмистръ. Жена Анастасія Александровна *Скрыльникова.* —38.

Марія Николаевна.

Елисавета Николаевна за *Вощининымъ.*

Евгенія Николаевна

Анна Николаевна.

68. *Семенъ Григорьевичъ.* —39.

69. *Иванъ Григорьевичъ.* Жена N. N.

70. *Владиміръ Григорьевичъ.*

Марья Григорьевна.

71. *Владиміръ Алексѣевичъ*, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка капитанъ. —43.

Жена Александра Семеновна *Фишъ.*

72. *Павелъ Алексѣевичъ*, штабсъ-капитанъ 1859 г.

73. *Петръ Александровичъ.* Жена *Васильева.*

74. *Леонидъ Александровичъ.* Жена N. N.

75. *Аѳанасій Александровичъ*, † въ севастопольской компаніи 1853 г.

76. *Павелъ Александровичъ.* Жена *Савочкина.*

Софія Александровна за *Ильяшевичемъ.*

77. *Андрей Ивановичъ.* —46.

78. *Владиміръ Ивановичъ*, коллежскій секретарь. Жена Матрена Львовна *Соколовская.*

Анна Ивановна за *Козловскимъ.*

79. *Андрей Яковлевичъ*, поручикъ. —47.

80. *Владиміръ Дмитріевичъ*, р. 1828 г. Жена Анна Андреевна. —51.

81. *Эрастъ Дмитріевичъ.*

Юлія Дмитріевна.

Людмила Дмитріевна.

Александра Дмитріевна.

Евлампія Дмитріевна.

Евдокія Дмитріевна.

82. *Дмитрій Дмитріевичъ.*

83. *Василій Давидовичъ*, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капитанъ, р. 1813 г. —53.

Жена Марія Кирилловна *Катериничъ.*

84. *Семенъ Давидовичъ*, гусарскаго принца Фридриха Вильгельма прусскаго премьеръ-маіоръ 1837—52 г.; сосницкій предводитель дворянства 1863—66 г., р. 1818 г.

X

Жена Аделаида Андреевна *Иваненко.*

Марія Давидовна за стат. совѣтн. Алекс. *Корсунъ.*

Любовь Давидовна за ротмистромъ N—скаго гусарскаго полка, *княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Жеваховымъ.*

Варвара Давидовна за *княземъ Вас. Ив. Баратовымъ.*

Наталія Давидовна за Алекс. Никол. *Александровичемъ.*

Пелагея Егоровна за московскимъ губернаторомъ, сенаторомъ Ив. Вас. *Капнистомъ,* р. 1798 † 1860 г., отцемъ *графа П. И. Капниста,* д. с. с, камергера Высочайшаго двора. —56.

IX.

85 *Василій Алексѣевичъ,* поручикъ, † 1877 г. —58.

86 *Ростиславъ Алексѣевичъ* †

87. *Алексѣй Алексѣевичъ* †.

88. *Иліодоръ Алексѣевичъ.*

89. *Валерій Алексѣевичъ* †.

Марія Владиміровна †.

90. *Николай Владиміровичъ,* поручикъ 61 владимірскаго полка, дивизіонный адъютантъ 21 пѣхотной дивизіи.

91. *Иліодоръ Владиміровичъ,* р. 1861 г., поручикъ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Жена Наталія Николаевна *Тверская.*

Лидія Владиміровна.

Лидія Михайловна. —60.

92. *Иліодоръ Михайловичъ,* ротмистръ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Жена—Анна Егоровна *Бушъ.*

93. *Александръ Михайловичъ* †.

Ольга Михайловна †.

Елисавета Михайловна †.

94. *Михаилъ Михайловичъ*, корнетъ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Любовь Михайловна. —63.

95. *Александръ Петровичъ* † младенцомъ.

Ольга Петровна.

96. *Владиміръ Петровичъ.*

Нина Петровна.

97. *Петръ Петровичъ.*

Евгенія Петровна.

Марья Петровна †

Екатерина Петровна.

98. *Василій Петровичъ.* —66.

Софія Петровна † за *Чешихинымъ.*

Ольга Петровна †.

99. *Богданъ Ивановичъ.* —69.

100. *Евгеній Ивановичъ.*

101. *Романъ Ивановичъ.*

Марія Ивановна.

102. *Сергѣй Владиміровичъ.*

103. *Борисъ Владиміровичъ.* —71.

Анастасія Владиміровна.

104. *Михаилъ Владиміровичъ.*

105. *Петръ Владиміровичъ.*

Ольга Владиміровна.

Софія Андреевна.

Юлія Андреевна.

Любовь Андреевна за *Польтрокъ.*

Аделаида Семеновна за гвардіи полковникомъ *княземъ С. К. Абашидзе*, коему въ 1876 г. Высочайше разрѣшено присоединить фамилію *Горленко*, съ тѣмъ, чтобы фамилія *князя Абашидзе-Горленко* передавалась старшему въ родѣ.

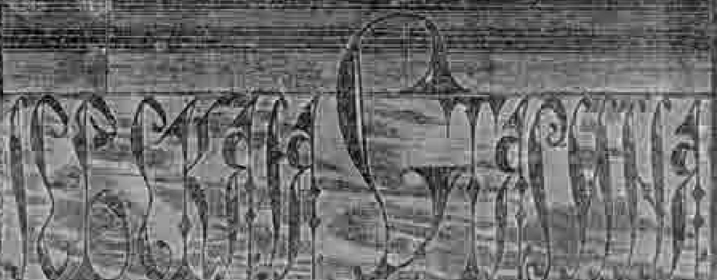
X.

106. *Константинъ Иліодоровичъ.* —92.

107. *Князь Давидъ-Симоновичъ † Абашидзе-Горленко.*

Княжна Нина Симоновна Абашидзе-Горленко.

Кн. А. Дабижа.



ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ІЮЛЬ.

1886 г.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.